

ОАО «ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»
(ОАО «ВЦИОМ»)

Б. З. Докторов

МИР ВЛАДИМИРА ЯДОВА

**В.А. Ядов о себе
и его друзья о нём**

Москва
2016

УДК 316-051+929Ядов
ББК 60.5-8Ядов В. А.
Д63

Докторов Б. З.

Д63 Мир Владимира Ядова: В. А. Ядов о себе и его друзья о нем / Б. З. Докторов. — М.: Радуга, 2016. — 116 с.

ISBN 978-5-9905-9704-4

Настоящая работа продолжает серию книг Б. З. Докторов по истории американских опросов общественного мнения и современной российской социологии. В частности, им написаны книги о Джордже Гэллапе и Б. А. Грушине. Предлагаемая книга — это первая в нашей литературе попытка объемного рассмотрения жизни и творчества одного из создателей отечественной социологии — Владимира Александровича Ядова (1929—2015). В книге активно используются материалы интервью Докторов с Ядовым и их переписки, а также воспоминания многих коллег Ядова о нем.

Книга публикуется в рамках подготовки к VI Грушинской социологической конференции, проводимой ВЦИОМ, и обращена ко всем, кто работает в теоретической и прикладной социологии, к историкам и преподавателям социологии, аспирантам и студентам.

**УДК 316-051+929Ядов
ББК 60.5-8Ядов В. А.**

ISBN 978-5-9905-9704-4

© Докторов Б. З.
© ОАО «Всероссийский центр изучения
общественного мнения», 2016

Содержание

Введение.....	5
Благодарности	7
У входа в «Мир Ядова»	8
Автобиографические письма	12
Жил исключительно идеей быть полезным	13
Психологический автопортрет	14
Что бы я сказал о своей жизни	16
Комментарии к написанному	17
На пороге личного пространства	21
Предбиография и ранние годы биографии	21
Философский факультет ЛГУ	26
Долгий и извилистый путь в социологию	33
«Точки сгущения» профессионального пространства: ленинградский период	38
Начало.....	38
«Человек и его работа».....	42
Учебник для всех поколений	47
Диспозиционная теория личности	52
Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция	58
«Точки сгущения» профессионального пространства: московский период	65
Недоброе прощание с ИСЭП АН СССР	65
Юрьев день в жизни Института социологии РАН.....	69
Отношение к марксизму	74
Парадигмальный подход: «Юрьев день» в теории социологии	83
Ближний мир	91
Семья	91
Коллеги-друзья.....	97
Заключение	106
Список литературы	109

*Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой
Мы были — и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!*

Александр Галич «Ошибка», 1962¹

В 2009 году, в связи с 80-летием Владимира Александровича Ядова я написал биографическую заметку о нём, назвав её «Советская социология начинается с буквы «Я»» [Докторов, 2009]. Всё рассказанное о жизни и работе Ядова было исторически верно, но всё же заголовок был в значительной степени метафоричен. Однако последующие годы снизили уровень метафоричности этих слов и, напротив, усилили буквальный смысл сказанного. Такова правда жизни.

Познакомился я с Ядовым очень давно, а моё знакомство с его биографией началось в первые дни 2005 года, когда Владимир Александрович согласился рассказать мне о прожитом и своей исследовательской деятельности. Потом было ещё одно биографическое интервью, была активная электронная переписка, были заметки о нём.

В середине 2015 года Ядова не стало... Я уверен, что вклад Ядова в становление и развитие нашей социологии, его личностные качества будут пристально изучаться историками российской социологии и станут предметом многих биографических и историко-социологических исследований.

Признаюсь, очень сложно начинать разговор о Владимире Александровиче Ядове. Но и откладывать его на будущее нельзя.

Борис Докторов

---

¹ Любимая песня В. А. Ядова.

Введение

Вторая половина 2015 — начало 2016 года — это время привыкания российского социологического сообщества к существованию без Владимира Александровича Ядова (25 апреля 1929—2 июля 2015). Ведь в отечественной послевоенной, или постхрущевской, социологии он был всегда, свыше полувека. Но, конечно же, его место и роль в нашей науке определяются не столько годами, отданными становлению и развитию социологии, сколько его трудами и позицией в коммуникационном мире многопоколенного сообщества социальных исследователей.

Под руководством Ядова было защищено свыше 60 кандидатских диссертаций, десятки учёных, выбирая темы и разрабатывая свои докторские исследования, консультировались с ним. Неисчислимое число социологов разного возраста помнят лекции Ядова, семинары, на которых он выступал, помнят вопросы, которые он им задавал и свои ответы ему. Книга «Человек и его работа» [Человек и..., 1967]], написанная им совместно с А. Г. Здравомысловым, продемонстрировала новый подход к познанию общества, на долгие годы стала гидом в социологию и породила в стране разветвлённую систему изучения отношения к труду разных слоёв населения. Книга Ядова по методологии и технике социологических исследований [Ядов, 1972] на протяжении многих лет была единственным учебником, по которому язык науки осваивали все поколения советских и постсоветских социологов. Диспозиционная теория личности — любимое Ядовское дитё — помогает осознать, насколько сложен, многомерен мир личности [Саморегуляция...1979]. Во-многом под влиянием Ядова произошёл «мирный переход» от советской социологии к постсоветской, имеется в виду его полипарадигмальный подход. На Западе советскую, российскую социологию в значительной степени олицетворяет собой Ядов.

Занимаясь, в значительной степени по инициативе Ядова, историей современной российской социологии, я могу с уверенностью сказать, что его вклад, его присутствие обнаруживаются на всех уровнях развития науки и во многих её предметных нишах. Ядов — теоретик и методолог, человек, озабоченный строгостью социологических измерений и использованием математических методов при обработке социологической информации. Ядов — исследователь труда и качества жизни, ценностных ориентаций и поведения. Ядов — социолог и социальный психолог, аналитик, годами погружённый в разработку сложных теоретико-методологических проблем, и организатор науки. Он стоял во главе первой в СССР социологической лаборатории в Ленинградском государственном университете и был директором головного Института социологии РАН в сложные перестроечные и постперестроечные года. Ядов заслуженно признаётся одним из создателей «Ленинградской социологической школы», а наши эстонские коллеги связывают с его именем становление современной эстонской социологии. Ядов — не только автор многих книг и статей, но и редактор ряда известных коллективных трудов,

несколько лет он был редактором «Социологического журнала» и состоял в редакционных советах ряда отечественных и зарубежных изданий.

Владимир Александрович был не только учёным и учителем, но масштабной и в высшей степени харизматичной личностью, которой были присущи черты русской интеллигенции и в которой неистребим был дух «шестидесятничества».

Ядов был публичной фигурой, он представлял науку и страну на многих крупнейших российских и международных социологических форумах, он нередко выступал в прессе, журналисты серьёзных изданий стремились побеседовать с ним. Стараниями его коллег и друзей в 2009 году, к 80-летию Владимира Александровича была издана объёмная книга «Vivat, Ядов!» [Vivat, ... 2009]. В ней, обращаясь к словам Предисловия, написанного М. К. Горшковым, Ядов представлен многогранной личностью, подлинным ученым и бесстрашным человеком [Горшков, 2009: 3]. Это — большое число статей, в которых освещаются многие аспекты его научной и преподавательской деятельности, раскрываются его личностные свойства. Таким образом, многие давно работающие социологи, не знакомые лично с Ядовым, и социологи новых поколений всё же имеют возможность познакомиться с ним, не только как учёным и организатором науки, но и как с человеком. Вместе с тем, на нас, современников Ядова, на людей, работавших с ним, общавшихся с ним в официальных обстоятельствах и в неформальной обстановке, лежит ответственность за сбор и накопление документов о его жизни и работе, и именно мы должны предпринять первые попытки написания его научной биографии. Не сделав этого в ближайшие годы, мы автоматически лишим себя многих ценнейших страниц истории советской и постсоветской социологии.

Так в развитии моих исследований сложилось, что решение написать историко-биографическую статью о Борисе Андреевиче Грушине, принятое летом 2004 года, было навеяно опытом изучения истории становления и развития практики американских опросов общественного мнения и биографий первых американских полстеров, создавших современную, научную методологию анализа массовых установок. И через несколько дней после выхода этой статьи [Докторов, 2004] я получил электронное письмо от Ядова со словами: «...я с огромным интересом прочёл твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нём, но о многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...». На следующий день он добавил: «Пример Грушина заразителен». Я понял эти слова как предложение заняться историей отечественной социологии. И начал.

Прошло более десяти лет, и я с полным основанием могу назвать мой проект анализа прошлого-настоящего и будущего советской и постсоветской российской социологии Ядовским. От Ядова пришёл первый импульс, толчок. Он консультировал меня по сложным собственно научным проблемам и по не менее трудным — этическим. Он был рефери в иногда возникавших конфликтных ситуациях относительно понимания событий прошлого и деятельности наших коллег, внёсших заметный вклад в развитие отечественной социологии. Ядову была посвящены моя книга «Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории» [Докторов, 2013b] и онлайн-интерактивная книга «Биографические интервью с коллегами социологами» [Докторов, 2014a]. В 2014 году Ядов поддержал моё

устремление подготовить небольшую книгу о Борисе Грушине, которого он «любил как брата родного», и написал предисловие к ней [Докторов, 2014b].

Настоящая книга — дань уважения Владимира Александровича и высокого признания сделанного им в социологии, точнее — прожитого им с целью развития этой науки. Он жил социологией.

Книга сделана в чрезвычайно сжатые сроки. К тому же следует сказать, что процесс подготовки книги был чрезвычайноотягощён тем обстоятельством, что работа над ней проходила в Америке, у меня не было возможности даже для весьма краткой поездки в Петербург и Москву для бесед с моими коллегами, многие годы работавшими с Ядовым.

Благодарности

... прошло более полугода после смерти Владимира Александровича Ядова, но я до конца не могу осознать произошедшего. Так сложилась, что в последние десять лет я регулярно делился с ним планами и просил его почитать написанное еще до полного завершения текста. Вот и сейчас я ловил себя на мысли о том, что хорошо бы отправить Ядову книгу о нем...

Работа шла сложно, и причины этого названы ниже. Сейчас же я хочу поблагодарить всех тех, кто поддержал мой замысел написать эту книжку и помог в его реализации. Первыми назову Валерия Федорова, генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), и Наталью Седову — помощника генерального директора ВЦИОМ по науке. Эта книга не могла бы быть написанной, если бы не мои многолетние дружеские обсуждения многих сложных вопросов освещения нашей истории с Ларисой Козловой, заместителем главного редактора «Социологического журнала». Мне приятно отметить, что на мои вопросы, касательно некоторых аспектов творчества Ядова, я получал исчерпывающие ответы от Виктории Семеновой, Александра Малинкина и Александра Согомонова.

Здесь же назову неоценимую многообразную помощь моих коллег и друзей, живущих в разных городах России: Андрея Алексеева и Бориса Фирсова (Санкт-Петербург), Александра Никулина и Франца Шереги (Москва), Гарольда Зборовского (Екатеринбург).

Я благодарен сестре Владимира Александровича Инессе Буланиной за материалы об их родительской семье и его сыну Николаю Ядову за старые редкие фотографии отца.

Не могу не отметить вклад в иллюстрирование книги Владимира Паниотто и Елены Икингрин, выполненные ими фотографии представлены на первой и последней сторонах обложки. Спасибо Наталье Мاستиковой за фотографии Ядова, сделанные в последние годы его жизни.

Большая работа по подготовке рукописи к изданию выполнена Еленой Кофановой. И особые слова благодарности — Анне Кулешовой, куратору издательских программ ВЦИОМ. Постоянные рабочие контакты с ней были всегда приятными и эффективными.

*Борис Докторов
5 февраля 2016 года*

У входа в «Мир Ядова»

«Мир Ядова» — это всё, относящееся к его жизни и работе, ибо применительно к Ядову с уверенностью можно говорить, что работа занимала доминирующее место в его жизни, и вся его жизнь была отдана развитию российской социологии. Сейчас трудно говорить о содержании «Мира Ядова», но можно не сомневаться в том, что он весьма велик, многообразен, интересен и многолюден. И освоение «Мира Ядова» — один из эффективных и захватывающих маршрутов в прошлое-настоящее нашей науки и место для попыток рассмотрения её будущего. Но одновременно, это и очень сложный маршрут.

2 мая 2010 года Ядов сообщил мне, что обсуждал с Н. И. Лапиным и О. Н. Яницким перспективы издания 10-томного собрания сочинений А. Г. Здравомыслова, и эта история побудила его составить список своих работ. И далее он заметил относительно этого списка: «Решил отправить тебе на случай, когда сыграю в ящик». Так получилось, что документ был неудачно прикреплен к «мейлу», и я попросил Ядова прислать документ ещё раз. И 4 мая он был повторно прислан мне с пометкой: «Старался. Сбрасываю то, что послал, что бы я сам отобрал для переиздания (2 мая 2010)». Вот этот список (без каких-либо моих правок):

Идеология как форма духовной деятельности общества. Л. : Изд. ЛГУ. 1963. (7,8 л.).

О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Сб. Методологические проблемы социальной психологии. М. : Наука. 1975 (1,5 л.).

Социально-психологический портрет инженера (в соавторстве). М. : Мысль, 1977 (10 л.).

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности (в соавт.). Л. : Наука, 1979 (19 л)

Общественное мнение о съезде народных депутатов СССР : сообщение Института социологии АН СССР и Всесоюзного центра изучения общественного мнения (соавт. Т. И. Заславская). Вечерняя Москва, 07.06.89.

Социальные идентификации в условиях кризиса. Мир России. 1995. №№ 3 и 4 (1,5).

Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания. СОЦИС. 1997. № 3.

Солидаризация в рабочей среде (в соавт.). М. : ИС РАН. 1998 (13,5 л.).

А все же умом Россию понять можно // Россия : трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М. : Канон-пресс, 2001 (08 л.).

Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и дополн. (соавт. А. Здравомыслов). М. : Аспект-пресс (20 л.?).

Становление трудовых отношений в постсоветской России (в соавт.). М. : Академический проект, 2004 (14 л.).

Нестабильная социальная идентичность как норма современных динамичных обществ (соавт. Е. Данилова). СОЦИС, 2004. № 4.

Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999—2002). Мастер-класс проф. В. А. Ядова. Методологический практикум для студентов-социологов. М. : Аспект-пресс. 2004 (18 л.).

Социальные трансформации в России : Теории, практики, сравнительный анализ : учебное пособие по социологии (ред. и рук. авт. коллектива). Прогресс-Традиция, 2005 (23 л.).

Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998—2002 г.г.) (в соавт.). СПб. : РХГА, 2006 (18 л.).

Кому и для чего нужна сегодня национальная русская социология. СОЦИС. 2008. № 3.

Стратегия социологического исследования. М. : Омега плюс, 2009 (30 л.).

Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Для студентов магистратуры. 2-е изд. СПб.: 2009 (12 л.).

В этих работах — полезные данные о наших трансформациях и нестыдные тексты автора.

В мемориум можно поместить весьма комплиментарную статью из лондонской Times: A self-taught sociologist? The Times Higher Education Supplement. Oct. 25, 1991.

В ответ я писал: «Володя, раз ты сам поднял вопрос про „сыграю в ящик“ — и правильно сделал... где-то Игорь Кон писал, что образ жизни не хотел изучать, но образ смерти — был готов, я хочу спросить тебя про твой архив... прежде всего есть ли он? Боря Грушин какую-то часть архива отдал в Стэнфорд, что с домашней частью, я не знаю... значительная часть архива Леонида Столовича — в Стэнфорде... но они вели, занимались этим... что с твоими бумагами? Ты не такой, как Боря Грушин, я не вижу тебя над архивными папками... но ты сам понимаешь, как это всё важно для науки...».

И вот 4 мая я получаю: «...научного архива у меня практически нет, есть пара папок с личными бумагами и несколькими конспектами лекций. Самое ценное — запись ситуаций с разработкой диспозиционной концепции, найти не смог, хотя и не очень старался» [Докторов, 2015: 148].

Так что прямого, лёгкого и быстрого пути в обозначенный мир нет. Каждый историк науки будет заходить в него и изучать его по-разному, потому надо быть готовым к появлению множества Ядовских «миров». Для меня смерть Ядова — это событие, осознанное лишь в том плане, что я не могу ему написать или позвонить. Но всё это произошло настолько недавно, что не изменило характера нашего диалога; я постоянно ловлю себя на мысли о том, чтобы предложенное мною освещение «мира Ядова» было бы созвучно его пониманию себя. Оно должно быть честным, не помпезным и не скучным. Чтобы не ошибиться в своём изложении, я решил максимально использовать Ядовские тексты и материалы, написанные при его жизни сотрудниками, коллегами, друзьями Владимира Александровича.

Мой исследовательский подход связан с построением того, что я называю «Миром Ядова», т.е. речь пойдёт об анализе жизни и наследия Ядова в специальном многомерном семантическом пространстве. Не вызывает сомнений

многомерность мира каждого человека, и всё же мы должны признать большие различия в размерах и метриках этих индивидуально-личностных пространств и без особой аргументации принять то, что мир человека, прожившего более восьми десятилетий в сложнейшей, постоянно менявшейся социальной среде, и внёсшего своей деятельностью значительный вклад в развитие отечественной социологии, крайне сложен. Таким образом сейчас речь может идти лишь о создании достаточно простой модели этого мира с тем, чтобы потом достраивать её, усложнять и наполнять новыми данными.

В нашей историко-социологической литературе говорят о «феномене Ядова», о Ядове как «явлении», о «человечном человеке науки», отмечают, что «Ядов — это эпоха» и так далее. В принципе, всё это верно, но в исследовательских целях понятие «мир» представляется мне более подходящим, конструктивным. «Феномен», в моей интерпретации, — более статичен, краткосрочен, чем «мир», более локализован. Понятие «эпоха» всё же в первую очередь — социально-временное. В моём понимании, «Мир» — априори пространственен, многомерен, красочен и в нём непременно есть временная ось, «Мир» — это пространство для анализа.

Сейчас я вижу «Мир Ядова» как семантическое (информационное) пространство, имеющее три важнейших подпространства, каждое из которых в свою очередь обладает сложным, многоячеечным и слоевым строением. Первое из этих подпространств может быть названо «личностным». В нём могут быть расположены (или из него можно черпать) данные о становлении личности Ядова и его личностных особенностях, о процессах его профессионализации и вхождения в научное сообщество. Второе подпространство — условно — «профессиональное». Прежде всего — это всё, что относится к проведённым Ядовым исследованиям и работе над книгами. Условность такого обозначения этой области «Мира Ядова» заключается в том, что личностное и профессиональное в жизни Ядова очень переплетены, его творчество — высокобиографично. Третье подпространство назовем «коммуникационным», прежде всего, оно — конечно же — профессионально-коммуникационное. Ведь для историко-социологического исследования интересны сфера и характер внутрицеховой коммуникации Ядова: его российские и иностранные коллеги, сотрудники, аспиранты. Сложность изучения этой части «Мира Ядова» определяется в первую очередь собственно богатством, яркостью коммуникативных способностей Ядова, а также географией и долголетием его профессиональных контактов.

Как в любом историко-биографическом исследовании, присутствует в нашем изучении «Мира Ядова» ещё одна переменная, или ещё одно направление — время. Я буду стремиться к хронологическому изложению материалов, но это далеко не всегда удастся сделать. Зачастую, как это бывает в жизни каждого, невозможно расщепить и уложить во временной упорядоченности то, что в предметном плане связано.

Мне на собственном опыте известны многие подводные камни, осложняющие работу историка-биографа, особенно в том случае, когда приходится рассказывать об учёном, которого многие современные читатели знали лично, видели его или, по крайней мере, работы которого читали. Понятно, что Ядов относится именно к этой группе социальных исследователей.

Так случилось, что изучение биографий российских социологов я начал после достаточно продолжительной работы по истории зарождения и развития исследований общественного мнения в США и изучения жизненных траекторий первых американских полстеров. Тогда я писал о людях, после смерти которых прошло несколько десятилетий и которых я никогда не видел, к тому же писал для аудитории, в которой лишь единицы знали отдельных из моих героев. Всё начиналось буквально с нуля, иногда даже само имя героя будущего историко-биографического поиска открывалось мне случайно, и знание биографии этого человека становилось *итогом* изучения различных материалов о нём и ознакомления со сделанным им. Написание биографии — это всегда общение со своим героем. Когда размышляешь о жизни человека, которого не видел, не знал, которому не смотрел в глаза и рукопожатия которого не помнишь, то общение с ним сводится к *мысленному диалогу*. Если же героем историко-биографического изучения является человек, которого знал долгие годы, с которым обсуждал профессиональные и житейские проблемы, с которым встречался на работе и в его доме, если видишь его глаза, слышишь его голос и помнишь тепло его рук, то работа над биографией превращается в сложный, очень интимный *мысленно-чувственный диалог*, в своего рода воспоминание-размышление, в котором доминирует сложившееся годами отношение к этому человеку.

Мне приходилось писать о Б. А. Грушине, А. Г. Здравомыслов, Я. А. Кугеле, В. А. Ядове при их жизни и после их смерти. Переживаешь абсолютно разные ощущения. В первом случае имеешь дело собственно с биографией, во втором — с постбиографией, как бы прикасаешься к судьбе человека. Поясню сказанное.

В моих исторических исследованиях анализ биографии умершего человека протекает в трёх зонах. Первая зона — *предбиография*; анализ фокусирован на родительской семье человека, пытаешься заглянуть в мир, в который он вошёл, в котором протекала его первичная социализация, формировалась система его ценностей, понять особенности среды, принципами и нормами которой он осознанно, а часто — неосознанно руководствовался в жизни.

Впервые я встретился с настоящей, глубокой предбиографией в 1999—2000 годах при ознакомлении с биографией Джорджа Гэллапа. В одном из «Who is who» мне попалось упоминание о том, что он относится к десятому (!) поколению американцев, и что его первый американский предок (это зафиксировано в хрониках освоения Нового Света) прибыл в Америку в 1630 году. Я обратился в The Gallup Family Association, общество, координирующее все генеалогические поиски членов огромной глобальной семьи Гэллапов, за помощью в информации об этом клане и получил в подарок крупноформатную книгу, содержащую вводную информацию о всех представителях 14 поколений этой семьи. Конечно, это суперредкий случай в историко-биографических раскопах, относящихся к людям, не принадлежащим к старым дворянским родам. Но постепенное раскручивание представлений о предбиографии позднее вывело меня на понятие *биографичности* творчества социолога, т. е. отражения в его деятельности особенностей его биографии.

Вторая зона изучения траектории жизни человека охватывает собственно его *биографию*; это касается того, как складывалась и протекала, под воздействием

каких обстоятельств и т.д. его жизнь от рождения до смерти. Всё, что происходит позже, — дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее — не в силах изменить собственно траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство. Всё это уже произошло, состоялось, завершилось.

Третья зона историко-биографического анализа — исследование и одновременно создание *постбиографии* человека. Начало постбиографии человека — момент его смерти. Продолжительность постбиографии может быть достаточно короткой, но может быть и фактически бесконечной. Постбиография является функцией (продолжением) биографии и комплекса внешних обстоятельств различной природы. Чтобы это понять, достаточно ознакомиться с доперестроечными и современными жизнеописаниями Николая II и первых руководителей советского государства.

Время придаёт прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после её завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать — судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. И судьба — многомернее биографии. Сейчас мы являемся свидетелями начала постбиографии Ядова, и в значительной степени именно от нас зависит то, как сложится его судьба.

Выше отмечалось, что в российской литературе можно найти определённую информацию для работы над биографией Ядова. И к некоторым из этих источников я буду обращаться. Вместе с тем, основой моего анализа будут два моих биографических интервью, проведённых с Владимиром Александровичем. Первое — свыше трёх печатных листов — было опубликовано в 2005 году [Ядов, 2005а; 2005b]. Это — наиболее полный, обстоятельный из всех существующих рассказ Ядова о свой жизни и о своей активности в пространстве социологии. За прошедшие годы оно целиком или частично воспроизводилось разными печатными и онлайн-новыми изданиями. Второе интервью было опубликовано в 2014 году, накануне 85-летия Ядова, в нём обсуждаются некоторые события, происходившие в его жизни и российской социологии после завершения первого интервью [Ядов, 2014].

Кроме того, я буду обращаться к дорогой мне переписке с В. А. Ядовым. Она началась 25 сентября 2003 года и завершилась в середине ноября 2014-го, когда уже более не могла продолжаться. На мой вопрос: «Володя, до меня дошли слухи, что ты был в больнице. Как себя сейчас чувствуешь?», — я получил ответ: «Да, велено четыре раза в год делать капельницы».

Автобиографические письма

Ниже будет рассмотрена информация о Ядове в обозначенном выше историко-биографическом пространстве. Но начну — с автобиографических материалов, они задают рамку общего анализа и камертон изложения. Речь идёт о нескольких письмах, полученных мною от Владимира Александровича в последние годы его жизни; они — очень личностные, но из приводимых текстов видно, что у меня не просто есть право на их публикацию, но таковым было желание Ядова. Частично этот наказ уже выполнен [Докторов, 2015], но — мне кажется — письма

должны быть известны широкой социологической общественности, без знания их невозможно серьёзное изучение биографии Ядова, понимание его личного мира. Принципиально то, что эти письма Ядова — его спонтанные реакции на разные внешние обстоятельства или следы внутренних размышлений о прожитом. Они не были провоцированы, стимулированы моими вопросами.

Сначала — письмо, полученное мною 12 октября 2013 года, но в тексте была отметка — «2008». Скорее всего, Ядов переслал мне не личное письмо, а комментарий к какому-либо тексту.

Жил исключительно идеей быть полезным

Какая ерунда приходит подчас в голову. Начинаю понимать, что жил исключительно идеей быть полезным для... общества, семьи, для студентов и своих коллег, прочее и прочее.

Переживал, что не удалось схватить зажигалку на крыше в первые дни бомбёжек Ленинграда. По возвращении из эвакуации пошёл в летную школу, а к концу курса перед переходом в авиаучилище война закончилась и к тому же оказался физически негодным в пилоты, маячило училище авиаобслуги. В университете хунвейбинствовал, свято веря в то, что страна наша уникальна и открывает путь в справедливое общество. После XX съезда в этом лишь убедился — пойдём по пути Ленина. Будучи Первым секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ на отчётной конференции вышел из-за стола и пел Интернационал так искренне, что весь зал запел.

Даже, когда стал Директором организатором Института социологии на каком-то партсобрании произнёс душевную речь в том смысле, что в руководстве партии были всякие, но многие рядовые коммунисты искренне верили в идею и жертвовали ради неё своей жизнью. Одна из любимых моих песен — «И комиссары в красных шлемах склонятся низко надо мной». Мой ближайший друг — итальянский коммунист Нино Коломбо, до сего дня остающийся страстным борцом: пенсионер, но выполняет поручения одной из радикальных отколовшихся от ИКП партий, ездит в другие страны на конгрессы, участвует в уличных демонстрациях.

Свой партбилет, который я держу в обложке от партбилета отца с надписью ВКПБ, я не сжигал и не выбрасывал, а храню вместе с академическими дипломами. Не упускаю случая ещё раз посмотреть фильмы: «Женя, Женечка и „катюша“», «В бой идут одни старики», вижу самого себя на той войне, куда не удалось попасть.

И как будто вторая жизнь — социология. В воспоминаниях перед сном никогда не возникают образы из этой второй жизни².

Конечно, большинство событий из жизни Ядова, приведённых здесь, описаны в наших интервью и в его других письмах, но в данном случае всё очень сконцентрировано, приближает нас к каким-то «ядерным» структурам его личности, его мира. Поясню сказанное.

«И комиссары в красных шлемах склонятся низко надо мной» — это строка из песни Булата Окуджавы «Сентиментальный марш», написанной в 1957 году и ставшей широко известной после выхода фильма «Мне двадцать лет» («Застава

² Письмо В. А. Ядова Б. З. Докторову от 12 октября 2013 г. Электронный архив Б. Докорова.

Ильича»), признанного одним из символов политической «оттепели». Автором сценария фильма «Женя, Женечка и «катюша»» тоже является Окуджава, а события фильма относятся к периоду войны. О том же времени и фильм «В бой идут одни старики»; это трагический рассказ о молодых лётчиках, и если иметь в виду то, что Ядов на год оставлял общеобразовательную школу и был курсантом лётного училища, то понятно его трепетное отношение к этой киноленте.

Следующее письмо (от 14 февраля 2013 года) — это нарисованный Владимиром Александровичем психологический автопортрет, выполненный в манере «мягкого кубизма» с вкраплениями сюрреализма. Письмо начинается со слов: «Дорогой Боря, решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключаю, на другой день после похорон бранных останков В. Я.» — и кончается так: «Вот, что мне пришло в голову и что я тебе написал сегодня поутру московского времени как раз до обеда». Можно допустить, начало заметок было навеяно мыслями, пришедшими к Ядову в полусне, дрёме, но по мере написания текста «ситуативная идентификация» сдавала свои позиции под давлением характерной для него оптимистической рациональности. Но в любом случае его слова «опубликуешь мои саморефлексии» я воспринимаю как завещание, как наказ, обязательный для исполнения.

Психологический автопортрет

Ядов — Докторову, 14 февраля 2013

Дорогой Боря, решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключаю, на другой день после похорон бранных останков В. Я. Так что учти, что здесь есть момент самопрезентации, каковая, что я вычитал у Лены Рождественской³, есть «ситуативная идентификация» — невольное стремление показать себя определённым образом данному собеседнику. Коль скоро я это знаю, то постараюсь умерить названное стремление, хотя вряд ли удастся его преодолеть полностью. К тому же я знаю, что по типу характера — экстраверт, выскочка, не могу удержаться от реплики оратору, иногда не вполне уместной в данной обстановке. Нахожу самооправдание в схожести подобного поведения с Борисом Грушиным, которого любил как брата родного.

Итак, перехожу к предмету словоизлияния.

Я не могу отнести себя к категории книжников, библиотечных червей, какими были, например, Игорь Кон и Геннадий Батыгин. Геннадий считал, что если не прочёл несколько (что-то очень много) работ за день, то день прошёл впустую. Для меня, злостного курильщика, работа в библиотеке всегда была несколько мучительна. Не только и не столько по причине частого бегания в курилку, сколько потому, что поразмышлять над прочитанным с сигаретой в кресле — это некий кайф, а дымить в компании библиотечных завсегдаев-болтунов никакого удовольствия не представляет. В Лондонской школе экономики и социальных наук я наострился выносить книгу из библиотеки под плащом «Болонья», для

³ Речь идет о работах Е. Ю. Рождественской — специалиста по качественной методологии.

этого прямо приспособленного. За спиной под ремнем можно было вынести здоровенный том или несколько журналов, благо в 60-х электронного контроля на выходе из читального зала не было. К закрытию библиотеки я ставил унесённое на место. Продуктивность такой тактики была намного выше нормативно принятой.

Не ровняя себя с упомянутыми друзьями-книгочеями, я всё же читал и продолжаю читать, чаще просматривать ежедневно не так уж мало. Сегодня это занятие стократно облегчено поиском в Интернете. Вот и сейчас я пошарил в сети «Психология процесса творчества», нашёл поначалу словосочетания «воображение» и «память», множество текстов о творчестве художника и композитора. Добавил в поиск «научный» и выудил из Л. С. Выготского: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую сторону».

Я искал связь с эмоциями, т. к. в своей работе этот момент полагаю очень существенным. Попробую объяснить. Заметил за собой, что важные вещи, вычитанные из текстов, даже записанные собственноручно, запоминаются не столь твёрдо, как проговоренные с собеседником. Много, что существенно влияло на мою работу, было почерпнуто именно в общении с умнейшими коллегами. Первым назову [БД: Зигмунта] Баумана. Я, кажется, говорил тебе, что в первый приезд к польским социологам передал ему свою книжку «Идеология как форма духовной деятельности» [Ядов, 1961а], написанную на основе кандидатской диссертации. Зигмунт пригласил домой и стал говорить, что я много по данному предмету не прочёл. Это было исключительно ценно ещё и потому, что мы обсуждали различные варианты интерпретации некоторых идей. Другим, и опять же польским коллегой, стимулирующим воображение, был Пётр Штомпка. Он подтолкнул меня в сторону деятельностной парадигмы в современной социологии.

Ещё пример. Длительные беседы с Вячеславом Стёпиным, с которым мы более года проживали в академическом доме для приезжих учёных, оба были назначены директорами институтов. Философ Стёпин — одержимый наукой человек, выдающийся мыслитель, работы которого переведены на многие европейские языки. Он внушил мне идею о связи научной парадигмы с научной картиной мира, господствующей в данную эпоху (идея Лакатоса). Развивая эту мысль, я придумал своего рода схему историко-культурной последовательности теоретических парадигм в социологии от классики до постсовременности. Стёпин дал эмоциональный толчок к тому, что мы с тобой обсуждали как интуитивную догадку, по Марио Бунге: накопленные знания под влиянием стремления к решению проблемы высвечивают комплекс адекватных, ранее усвоенных.

Возможно, по причине своего темперамента я всегда предпочитал работу командой. В коллективных обсуждениях лицом к лицу активизируются и знания, и желание «не ударить в грязь лицом» перед товарищами, и какой-то азарт, подобный азарту охотника, и Бог знает что ещё. Синергетический эффект, одним словом, мозговая атака.

Вот что мне пришло в голову и что я тебе написал сегодня поутру московского времени как раз до обеда.

Привет.

Володя.

В тот же день я ответил: «Володя, написанное „сегодня поутру московского времени как раз до обеда“ — очень ценный материал. Храню. И подумай, может продолжишь потихоньку... время до обеда — самое лучшее, я тоже „жаворонок“, люблю работать спозаранку...».

Но «раскачать» Ядова на продолжение мне не удалось.

Третье из приводимых в этом разделе писем было написано Ядовым в начале октября 2013 года, возможно, на его эстонском хуторе или сразу по возвращении оттуда в Москву. Он ещё был здоров, активен в работе, встречался с коллегами, строил планы. Через несколько месяцев ему исполнилось 85 лет и, допуская, он итожил прожитое. И пришёл к выводу, очень «Ядовскому», оптимистическому: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь»; название приводимого документа было сразу задано Владимиром Александровичем.

Что бы я сказал о своей жизни

Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь. Моему поколению выпало прожить не одну, а семь жизней: довоенную послеоктябрьскую, период страшной войны, послевоенную, полную надежд, хрущевскую оттепель, затхлую брежневскую, великую горбачёвскую перестройку и, наконец, нынешнюю эпоху коррупционного и правового беспредела.

Сколько социальных ролей было исполнено? Начал капризным ребёнком при любящих родителях, дворовым хулиганом, примерным пионером со всевозможными значками юного ленинца, от ГТО и юного Ворошиловского стрелка до значка МОПР (Международная организация помощи борцам революции); гордился пионерским галстуком и испанкой с красной кисточкой на стриженной под ноль голове; эвакуированным заморышем шагал с барабаном впереди отряда в деревне под Лугой; вместе с ребятами из четвёртого класса под бомбами резвакуировался в Ленинград и опять под обстрелом был отправлен эшелонами детей в Ярославскую область; пас овец и собирал колоски; в комсомол меня принимали в г. Буй, куда шли 10 км, а в райкоме демонстрировали знание нового гимна страны: «Нас вырастил Сталин...». Товарным вагоном с мамой и сестрой вернулся в Ленинград; 9-й класс окончил курсантом авиашколы, гордился лётной формой с крылышками на погонах; День победы встретил с друзьями на Дворцовой площади.

А дальше: был комсоргом факультета и зам. секретаря комитета ВЛКСМ университета; с партийным выговором учительствовал в начальной школе; исключённым из партии был рабочим резбошлифовщиком; после смерти Сталина с партбилетом ненадолго стал аспирантом и два года Первым секретарем РК ВЛКСМ; благодаря язве желудка валялся в больнице и там почти закончил диссертацию. Вместе с Андреем Здравомысловым организовал первую в стране лабораторию социологических исследований. Был руководителем отдела ИКСИ в Ленинграде, руководителем социологического отдела в ИСЭП, старшим сотрудником Ленфилиала Инст. истории естествознания и техники. Добрался

до должности директора академического института... Был вице-президентом трёх международных ассоциаций...

Безмерно счастлив с Люкой⁴, со школьных лет моей любимой подругой на всю жизнь: горжусь Колей, своим сыном, человеком чести; двумя внуками, внуком и двумя правнуками.

Счастлив работой с друзьями-коллегами, вместе с которыми немало опубликовали, за что не стыдно; счастлив с друзьями единомышленниками своего поколения, из которых многих уже нет с нами; счастлив с коллегами по работе...

Что не успел сделать? Всё, к чему лежала душа, исполнил. Долгов не оставляю. О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт.

Вероятно, за истекшие годы обидел многих, но, поверьте, без злого умысла.

Октябрь 2013.

Приведу и мой ответ (Докторов — Ядову, 8 октября 2013 г.):

Володя, спасибо за текст... это как же здорово читать «Я... прожил удивительно счастливую жизнь». Но скажу тебе, ты сделал гораздо больше, чем написал, несоизмеримо больше. Это я говорю тебе и как друг, и как историк нашей социологии. Я писал тебе, что советская социология начинается с буквы «я», и буду писать. Обнимаю, Боря.

Если обобщить, подытожить сказанное Ядовым в этих трёх письмах, то можно сказать, что «Мир Ядова» — это оптимистическое пространство.

Комментарии к написанному

Я никогда не спрашивал Владимира Александровича, почему он доверял мне и писал столь откровенно. Думаю, если бы что-либо подобное я попытался узнать у него, то это свидетельствовало бы о моём полном непонимании наших отношений и его внимания к моему проекту по истории российской социологии.

«Шапочно» мы были знакомы с Ядовым очень давно, с середины 1960-х., а осознанно — с 1969 года. К тому времени я знал, что он — доктор наук, известный в Ленинграде и в стране социолог, но никаких личных контактов у меня с ним не было. Однако уже один из первых опытов общения с ним показал мне, насколько он реактивен на новое и решителен в деле. В то время данные опросов по относительно небольшим выборкам обрабатывались вручную, и в основном всё ограничивалось исчислением процентов. Я делал первые шаги в социологии, и как только что завершившему обучение в аспирантуре математико-механического факультета, мне не составляло никакого труда написать простейшую программку для ЭВМ и рассчитать процентные значения всех чисел по базе от 1 до 100. После этого я распечатал всё, тогда ещё пользовались узкими бумажными лентами, и склеил для себя «книжку» для исчисления процентов. Ядов увидел у меня эту кустарщину, зажёгся вмиг и попросил этот материал на лето, сказав, что такое изобретение крайне нужно социологам, и он постарается издать это всё в виде ротاپринтной брошюры. И, действительно, осенью 1971 года эта брошюра была отпечатана в Институте АН СССР и, говорят, расходилась, как горячие пирожки на морозе.

⁴ Лесохина Люция (Людмила) Николаевна (1928—1992) — психолог, жена В. А. Ядова.

Затем мы долгие годы работали в Институте социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде, и наши контакты продолжались и тогда, когда он в силу давления на него Обкома КПСС и Дирекции Института вынужден был покинуть его. Несколько лет он был в «ссылке» — в Ленинградском отделении Института естествознания и техники, куда устраивали сильных исследователей, лишённых доверия местных партийных боссов. Продолжались они и позже, когда Ядов возглавил Институт социологии АН СССР и переехал в Москву. Он стал первым, кому в начале мая 1993 (он тогда заехал в Ленинград) я сказал, что подал документы на эмиграцию в США и получил разрешение на выезд. Через год я уехал, на несколько лет вообще отошёл от науки, и лишь на рубеже веков наше общение восстановилось.

Но оно вышло на новый уровень, стало более доверительным, когда в первых числах января 2005 года я предложил Ядову поучаствовать в моём проекте и согласиться на биографическое интервью, которые я тогда задумывал проводить по электронной почте. Даже теперь, когда электронная почта превратилась в обыденность, такая технология интервью многим кажется странной, но десять лет назад она вызывала множество вопросов. Высылая Ядову приглашение, я приложил и переданный в журнал «Телескоп» текст первого завершённого интервью с Б. М. Фирсовым. И 24 января получил ответ: «Я внимательно прочитал интервью с Фирсовым и даже смог с ним поговорить, т.к. он был в Москве на очередной конференции о России в Шанинке. Интервью очень интересное. Я, конечно, согласен и почту за честь беседовать с тобой».

До начала интервью с Владимиром Александровичем я опубликовал большую биографическую статью о Б. А. Грушине, закончил интервью с Б. М. Фирсовым, вёл беседу с Я. И. Гилинским. Со всеми этими социологами я был на «ты», так обращался к ним в нашей переписке и в тексте интервью. Продумывая план интервью с Ядовым, я почувствовал некий дискомфорт, вызванный тем, что в вопросах интервью буду обращаться к Ядову по имени и отчеству. Поэтому я написал ему: «Дорогой В.А., Вы подписываете Ваши письма добрым Володя, можно мне так к Вам и обращаться? Мне было бы это очень дорого». В его ответе было даже большее. Предложение обращаться к нему на «ты», и здесь крайне интересна и важна для понимания «мира Ядова» приведённая им аргументация: «О, само собой. Разница в возрасте 15—30 лет огромна. В наше время это разные поколения. Но мы по сути в одном поколении „шестидесятников“. Уже этого достаточно чтобы обращаться на „ты“».

Материалы интервью будут использоваться постоянно, и сегодня анализ сказанного Ядовым, наводит на мысль, что содержание нашей беседы могло бы, точнее — было бы — во многом иным, если бы наше общение продолжалось в «старом» формате: он мне — «ты», по-моему, Ядов вообще, по комсомольской традиции, почти ко всем молодым (а мне на момент нашего знакомства не было 30 лет), а я ему «Вы». Это во многом отдавало бы интервью аспиранта, собирающего информацию для своей диссертации, с профессором.

Наше взаимопонимание углубилось после того, как 3 января 2008 года Ядов сделал мне совсем неожиданный, новогодний подарок: предложил ответить на его вопросы. Он написал: «Не знаю, хватит ли мне времени и способности, но хотел бы

предпринять интервью с тобою наподобие тех, что ты осуществил с коллегами. Это было бы и справедливо и поучительно». Конечно, я немедленно согласился: «...очень рад твоему предложению „поговорить“ о моей работе... о моём методе... ей-Богу, буду максимально искренен... начнем потихоньку...». Безусловно, для меня было крайне важным узнать мнение Ядова о методологии моих историко-социологических поисков, но одновременно, я предполагал получить нечто новое о видении им сложных мало изученных проблем биографического анализа и качественных методов социологии в целом.

Свою главную цель Ядов объяснял желанием поближе рассмотреть узловые точки моей методологической саморефлексии, в частности то, как у меня была представлена «протестантская „затравка“ новаторства героев моих исторических исследований в области становления опросов общественного мнения в США». По мнению Ядова, из моего рассказа о Джордже Гэллапе было видно «насколько истинные янки боготворят семейные корни и как они имплантированы в судьбы страны и народа. Если сопоставить с нашими реалиями, ничего даже близкого!». Прошло восемь лет после тех обсуждений, тогда я завершал изучение американской тематики и входил в историю отечественной социологии, и только теперь раскрывается, как много дала мне та дискуссия с Ядовым для уточнения понимания того, как надо строить историко-биографическое интервью, именно тогда ко мне пришло осознания того факта, что я имею дело с разновидностью общения [Докторов, 2008], [Докторов Б., Ядов В., 2008]. Но, зная характер Ядова и его стремления проверить многое на собственном опыте, я могу допустить, что слово «поучительно» не было случайным. У него, действительно, было желание окунуться в эту методологию и технологию.

После этого наши разговоры «через океан» стали регулярными. В 2012 году было интервью с Владимиром Александровичем о его жене, которая одной из первых в стране разрабатывала социологические, социально-психологические и педагогические аспекты проблемы образования взрослых, затем состоялось второе интервью с Ядовым. Так что наше общение не прерывалось... и Ядов не сомневался, что я постараюсь сохранить главное из нашей переписки; так в начале 2013 года он писал мне: «Не перестаю удивляться тем, как бережно ты хранишь свои архивы. По той причине, что сам в этом отношении контр-персонаж».

Теперь — немного о жанре настоящего биографического повествования. К настоящему времени мною написаны книги о Джордже Гэллапе и Борисе Грушине, а также ряд биографических статей о российских и американских социологах и копирайтерах, в работе над которыми я опирался на различные литературные источники. Я либо не знал лично моих героев, либо не успел, не мог провести интервью с ними. В такого рода работе одна из сложностей — нередко возникающие сомнения в достоверности информации, замечу, не ложности, но неполноты и ошибочности.

В данной работе я в основном опираюсь на информацию, полученную мною что называется «из первых рук», на интервью с Ядовым и рядом других российских социологов, которые сам и проводил, а также на нашу переписку. Таким образом, настоящая историко-биографическая книга делается строго в документальном жанре. Её вторая особенность — по-возможности, я буду стремиться не переска-

зывать содержание интервью и писем, а цитировать их. Конечно, это усложняет структуру текста, но усиливает его документальность. 27 апреля 2005 года, когда мы уже готовили к публикации наше первое интервью, Ядов писал мне: «... помогу со сносками, если надо. Напиши какие ссылки и т. п. тебе нелегко добыть. Ещё раз благодарю за стимул к „мемуаризмам“». Хотелось бы максимально приблизиться к жанру «мемуаризма».

На пороге личного пространства

Наверное, приводимые ниже биографические сюжеты можно анализировать и в других нишах нашего биографического пространства, но мне кажется, что всё же в них доминирует «личностное». Сами же сюжеты расположены в хронологическом порядке, хотя и здесь нет жёсткой линейности упорядоченности.

Предбиография и ранние годы биографии

Начну с темы, относящейся к предбиографии — происхождение фамилии. Очень часто обсуждение этой темы выводит в далёкое прошлое семьи. Но здесь этого нет. «Насчёт происхождения фамилии много версий, — писал Ядов, — но ни одной надёжной. Крайне редкая. Однажды я сказал коллегам, что в Ленинграде нет ни одного из Ядовых, кто не был бы моим родственником. Один из присутствовавших имел доступ к архивам городского паспортного стола. Он предложил пари на бутылку коньяка, что найдет не известных мне Ядовых. Принёс штук шесть адресов, все почему-то из Красного села. Звоню тамошнему Ядову и спрашиваю, не из Тамбовщины ли его предки. А он сообщает, что его и других родственников прародители из Непала! Оказывается, в Индии и Непале Ядав — всё равно как у нас Петров. Фамилию переименовали на русский манер. Есть семейная легенда, будто один из предков был управляющим у помещика в селе Ракша. Детей его прозвали Ядовскими, это перешло в фамилию, когда после отмены крепостного права крестьянам стали давать собственную фамилию вместо клички по помещику. В позапрошлом году ездил к родственникам в Ракшу, откуда отец родом. Крупное село под Моршанском. До революции там были улицы Большая и Малая Ядовские. Спрашивали селян о Ядовых. Оказалось немало, но ни одного из кровных родственников. <...> Наконец, самое простое объяснение: фамилия от старорусского „яд“ — еда».

Замечу, для меня «индийская» (да и «тамбовская») версия не нова. Помню, как при одном из обязательных для всех посещениях овощебазы для переборки гниющих овощей мы обсуждали в дружеской кампании истории наших фамилий. Тогда, индийская линия была признана правдоподобной...

В названной выше книге «Vivat, Ядов!» есть воспоминания родной и двоюродной сестёр Ядова об истории их семьи. Позже, его родная сестра, Инесса Александровна Буланина, поделилась дополнительными материалами. Всё это и составило информационную базу ниже приводимого описания семьи Владимира Александровича.

Бабушка Евдокия Григорьевна Ядова (1875—1951) и дед Григорий Иванович Ядов (1870—1924) имели десять детей. Дед служил управляющим Тульского имения князя Оболенского, бывшего в родстве с семьёй Льва Николаевича Толстого. Все знавшие Григория Ивановича отмечали его исключительную порядочность. Во время революционных событий 1917—1918 годов, когда громили барские усадьбы, Оболенские через Крым бежали в Европу, а Григорию Ивановичу пору-

чили собрать фамильное серебро для отправки за границу. Всё переписывалось, упаковывалось, старшие дети помогали — ни одного предмета отцом не позволено было утаить. Позже усадьба была разорена, но Ядовым разрешили выехать из имения невредимыми, сказалась репутация Григория Ивановича как человека справедливого и честного, и они переселились в Тамбовскую губернию — на родину Евдокии Григорьевны.

Дети росли дружными; все знали, что такое сельский труд. Со временем они стали идейными вожаками революционно настроенной молодёжи. При их участии была создана первая комсомольская организация в районе.

Впечатления детства, проведённого в дворянской усадьбе Оболенских, питали стремление детей к культуре, искусству, чтению. Отец Ядова — Александр Григорьевич (1904—1964) — был любознательным, пытливым, думающим. Он первым из братьев в 1923 году поехал учиться в Ленинград, в Институт Красной профессуры (впоследствии Институт им. Н. К. Крупской), увлёкся историей и философией. Потом был вузовским преподавателем философии, политэкономии, истории КПСС. Активно участвовал в лекторской работе по линии общества «Знание». По воспоминаниям сестры Владимира Александровича, отец оказал большое влияние на формирование интересов сына, на его выбор философского факультета Университета, а затем на его переход в социологию.

В Великой Отечественной войне А. Г. Ядов участвовал с первых дней, воевал сначала на севере, потом прошёл всю Европу до Германии. Был начальником штаба войска связи. Вернулся с фронта после победы с контузией, наградами, горькими живыми рассказами о войне.

Мать Владимира Александровича — Ядова Мария Натановна (1901—1980), в девичестве Амнуил, — родилась и жила до 1924 года в Смоленской области: Монастырщенский район, местечко Кадино (по этим местам прокатилась волна Холокоста; в 2007 году в деревне Кадино проживало 204 человека). В 1924 году она приехала в Ленинград на учёбу. Училась в Первом медицинском институте на химико-фармацевтическом факультете и окончила его в 1930 году. Начала работать на рыбокопильном заводе «Пищевик», а после войны заведовала химической лабораторией на Рыбокопильном заводе. Была авторитетным специалистом, вносила рационализаторские предложения, в специальных изданиях публиковала статьи и брошюры. Была деятельным, уважаемым человеком и была награждена медалью «За доблестный труд».

Уже при рождении, всего через 12 лет после Революции, Ядов был заряжен энергией тех, кто искреннее многих других верил в её идеалы и старался следовать им. Таковы были: грамотные и общественно активные выходцы из российских провинциальных городов и еврейских местечек. Именно оттуда в Ленинград приехали на учёбу его будущие родители и встретились там. Сыну они дали имя Ленина, а дочь назвали в честь Инессы Арманд.

В ответ на моё замечание о том, что его поколение многое видело и пережило, Ядов вспомнил несколько интересных историй.

Голод на Украине выгнал из дома 16-летнюю девушку Груню, которая расписывалась крестиком. Отец Ядова подобрал её на улице, привёл в дом, так она всю жизнь и прожила в их семье, смотрела за детьми, помогала по хозяйству,

во время блокады, когда все уехали, она смотрела за квартирой. Сначала жила в выгороженном закутке в коридоре большой коммуналки, а потом ей дали комнату в том же доме, этажом выше. С этой комнатой связано такое событие. Как-то в семью Ядова позвонил из Москвы его и его жены студенческий друг Рой Медведев и попросил устроить на проживание одного выпущенного из лагеря, а кого — не сказал. Поселили в Грунину комнату, она говорила, что человек странный: никуда не выходит, сидит за пишущей машинкой, питается хлебом и молоком, которые она приносит. Много позже Медведев сказал, что это был Солженицын. Ядов его тогда не видел, через Грушу тот просил не беспокоить его.

Начало войны застало семью Ядова в Юкках, вблизи от Ленинграда. Отец с утра пошёл на озеро, а Владимир отправился туда около 12 дня. Шёл по селу, люди слушали уличный репродуктор, выступал Молотов. Когда отец узнал, что началась война, вскочил и на весь пляж закричал: «Товарищи, война!». И немедленно уехал в город в белых штанах и белых парусиновых тапочках, что аккуратно освежал зубным порошком. Он был старшим лейтенантом запаса, связистом. Вернулся через четыре года. Жив остался потому, что почти всю войну служил начштаба особого батальона связи на финском фронте, где боёв практически не было. Воевал уже в Пруссии и Харбине.

Роберт Геннадиевич Козлов, генерал-майор авиации, вспоминает, что он познакомился с Ядовым, когда им было по 12 лет, они жили на соседних улицах в трёхстах метрах друг от друга. В детстве их интересовала техника, прежде всего — самолёты, автомобили, оружие, они всё время пытались что-либо смастерить. Были у них и более экстравагантные развлечения. У Ядова была привычка, спускаясь бегом по лестнице, звонить во все квартиры подряд. Однажды, вспоминает друг Ядова, при нём один из жильцов успел схватить шаловника и надрать ему уши. Но было и более рискованное развлечение: однажды Володя перелез через ограждение балкона, уцепился за перила и повис с наружной стороны над колодцем двора на высоте шестого этажа [Козлов, 2009: 164—165].

К июню 1941-го Ядов окончил четвёртый класс, немцы начали бомбить, сбрасывали десятками «зажигалки», термитные бомбочки. Мальчишки дежурили на крышах своих домов со здоровенными ухватами, бомбу надо было сбросить вниз во двор. Ядов писал: «Мне не повезло. Счастливчики получили медаль „За оборону Ленинграда“».

А вот как в интервью описана первая встреча Ядова с немцами: «В конце июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в автобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль — десантники. Ребята орут: „Фашисты, убийцы!“. Мы только что узнали о Зое Космодемьянской. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции всё горит. Всё же погрузились в эшелон, и я попал в интернат возле Вологды. Сестра отца нашла меня там и вывезла в Ярославскую область, где работала в детском интернате».

Привёл Ядов ещё два «мемуара» (это его слово) о встречах с немцами, но остановлюсь лишь на одном из них. 1944 год, он учится в авиационной школе, курсанты

получали изрядный хлебный паёк, так что он чувствовал себя кормильцем семьи. Видит как-то из окна, школа размещалась на Московском проспекте, колонну пленных, им устроили привал. Курсантам в этот день выдали по буханке чёрного хлеба, выбежали они на улицу раздавать хлеб немецким доходягам, конвойные кричали — не давайте всю буханку одному, ломайте. И, правда, кому досталось, прячет за пазуху. Тогда, комментировал Ядов, они сочли это чисто немецким, но позже пришло понимание того, что он наблюдал реакцию на социальную ситуацию, характерную для любого человека.

Подобно многим ребятам того времени он стремился отправиться на войну, но по состоянию здоровья был отчислен из училища. Цитированное выше письмо о том, что Ядов прожил счастливую жизнь, завершается словами: «О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт». Память о войне никогда его не оставляла, нередко в дружеских застольях Владимир Александрович пел трагическую песню Александра Галича «Ошибка», более известную как «Мы похоронены где-то под Нарвой...»:

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Так значит — беда!

Святое отношение к войне, к фронтовикам социологи поколения Ядова пронесли через всю жизнь. Отвечая на мой вопрос в интервью о том, какой след в его сознании оставила война и изменили ли его отношение к ней новые материалы о том периоде, Владимир Эммануилович Шляпентох, к тому времени уже многие годы живший в США, писал: «Я войну очень хорошо помню. И тогда, и сейчас я считаю, что это была действительно народная война против нацистской Германии. Никакие новые материалы не изменили моего отношения к войне, которое сложилось у меня тогда, когда я воспринимал каждый салют в честь освобождения города как мою личную удачу» [Шляпентох, 2006: 2—3].

В своём тексте памяти В. А. Ядова А. М. Никулин вспомнил, как на одном из ежегодных симпозиумов «Пути России» Ядов внезапно перебил Ю. А. Леваду, который перечислял так называемые мифы «человека советского». Когда Левада упомянул миф о победе в Великой Отечественной войне, Ядов, вскочив с места, воскликнул: «Позвольте, какой же это миф, войну-то мы действительно выиграли!». Левада, великолепный и мгновенно реагирующий полемист, тут лишь беспомощно улыбнулся и беззащитно отмахнулся от Ядова рукой [Никулин, 2015].

Особая теплота отношений Шляпентоха и Ядова с Владимиром Николаевичем Шубкиным была не только следствием признания ими значительности исследований Шубкина в области социологии образования. Но и уважением его фронтового опыта. Несколько лет назад Ядов написал эссе, озаглавленное: «Как командир

орудия сержант Шубкин, ныне главный научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии» [Ядов, 2010а].

Читая ещё в рукописи воспоминания Татьяны Ивановны Заславской, именно в то время проходило наше интервью, я обратил внимание на слова о том, что высокая интенсивность информационного поля о происходившем на войне обнаруживала пропасть между жизнью и пропагандой, и это способствовало её социальному взрослению. На мою просьбу прокомментировать сказанное, Заславская прежде всего отметила: «Действительно, фраза об „интенсивности информационного поля“ очень значима». Оказывается, во время войны их московская квартира на Пятницкой стала одной из редких надёжных точек, через которые родные и близкие могли находить друг друга. Все, кто ехал через Москву (обычно на фронт или с фронта), останавливались на пару дней у них и рассказывали, рассказывали, рассказывали... То, что она слышала от этих людей, было до бесконечности не похоже на сообщения в газетах.

В конце войны и в первые послевоенные годы Заславская с сестрой, Майей Ивановной Черемисиной, которая была на три года старше неё и которая стала крупным специалистом в русской филологии, лингвистике, часто ходили в студии молодых поэтов, участвовали в ночных посиделках и слушали стихи Гудзенко, Межирова, Солоухина, Коржавина и других молодых поэтов, позже передавших в своих стихах войну и дух «оттепели». Я спросил её, повлияли ли на её мировоззрение эти стихи. Приведу её ответ: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жёстко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили её ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружающем мире, а тут — такие прекрасные люди и такие замечательные стихи! Мы с Майей воспринимали это как настоящий „пир души“» [Заславская, 2007: 4].

И здесь вполне уместно, хотя в хронологическом отношении преждевременно, обратиться к сюжету из интервью со Здравомысловым, в котором он фиксировал окончание работы над книгой «Человек и его работа»: «В начале 1966 года я вернулся из Кении и обнаружил, что наш труд „Человек и его работа“ уже находится в издательстве „Мысль“. Книга вышла в 1967 году при поддержке Н. И. Лапина. Должен сказать, что если бы не целеустремленность Володи, то „Человек и его работа“ никогда бы не была опубликована». Реакцией на сказанное Андреем Григорьевичем был мой вопрос: «А как, из чего произросла её идея?». Я имел в виду генезис изучения отношения рабочих к труду, но Здравомыслов вышел на рассмотрение более общей темы — возникновение новой социологии. Он отметил: образование, усвоение определённой версии марксизма и влияние культуры, пульсировавшей в обществе, и жизнь в той духовной атмосфере, которая была связана с «оттепелью», с возникновением первых ростков свободы мысли. И далее последовало, на мой взгляд, абсолютно верное и метафорически сильное утверждение: «Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее

значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трём упоминаниям В. Ленина».

Окуджава — для представителей поколения Заславской, Здравомыслова, Ядова — был поэтом, рассказавшим правду о войне и укрепившим в них светлые надежды о новом обществе. И закончил Здравомыслов свой ответ такими словами: «А что касается наших помыслов, то они всегда были направлены на обоснование социальных изменений, главным образом, на макроуровне. Борис Андреевич Грушин как-то сказал, что мы сделали больше для изменения советского общества, чем диссиденты. С этим, конечно, не все согласятся, но факт состоит в том, что в 1960-е годы был создан резерв перестройки, который был „отодвинут“ во время застойного периода, и вновь востребован в конце 1980-х — начале 1990-х годов» [Здравомыслов, 2006: 12].

Философский факультет ЛГУ

На философский факультет ЛГУ Ядов, заряженный беседами с отцом, поступил в 1947 году. В давнем интервью с Ядовым, проведённом во второй половине 1990-х, он говорил, что в общем какой-то интерес и убеждённость, что он должен пойти на философский, у него были, и его школьные товарищи были согласны с ним. Уже в начале обучения он активно занялся изучением английского языка (в школе, как и большинство в те годы он изучал немецкий), но вместо учебных текстов старался брать имеющие какое-то отношение к предмету, которым интересовался. Прежде всего это были проблемы общественного сознания, а в дипломной работе он переключился на тему «Сталин о борьбе против социал-демократов». По воспоминаниям Ядова, он занимался этой «борьбой», стал читать на английском что-то, относящееся к социал-демократическому движению, и извлекал оттуда только то, что Сталин был абсолютно прав в своей «борьбе». Никаких сомнений в правильности официальной позиции у него тогда не возникало. Выше приводился короткий автобиографический текст Ядова, есть в нём слова весьма созвучные этому: «В университете хунвейбинствовал, свято веря в то, что страна наша уникальна и открывает путь в справедливое общество. После XX съезда в этом лишь убедился — пойдём по пути Ленина. Будучи Первым секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ на отчётной конференции вышел из-за стола и пел Интернационал так искренне, что весь зал запел».

Для понимания становления учёного крайне важно знание его университетских учителей, наставников, какими учёными они были, каких теоретических и методологических взглядов они придерживались. К сожалению, эта тема не попала в наше обсуждение с Ядовым. Я такого вопроса не задавал, отчасти поскольку понимал, что длинной цепочки преподавателей социологии, берущей своё начало в дореволюционное время, я построить не смогу, а именно она необходима была мне для поисков истоков современной российской социологии. Дело в том, что тогда я лишь начинал моё исследование прошлого современной советской и постсоветской социологии и ещё находился в «плёну» изучения биографии Джорджа Гэллапа. Тогда после обращения в Университет, в котором учился Гэллап, мне прислали «Личное дело студента», в котором были занесены все курсы, которые Гэллап изучал, и указаны имена профессоров. Мне удалось

разыскать информацию об этих преподавателях и во многих случаях определить, у кого в Америке и Европе они учились. Так была выстроена пятичленная цепочка учителей Гэллапа, соединившая его с отцами экспериментальной психологии: Фехнером, Гельмгольцем, Гальтоном и др. Априори было ясно, что ничего, даже приближающегося к воссозданию подобной последовательности преподавателей Ядова и его поколения студентов не могло быть, но всё же поговорить с ним на эту тему было необходимо.

Размышляя о генезисе современной российской социологии, я намеревался выстроить нечто аналогичное применительно к социологам первого поколения. Эти мои рассуждения Ядов прокомментировал следующим образом (2007, 27 марта):

Не завидую тебе, если примешься искать наших учителей и праучителей. Принципиальная и отличающаяся от гэллаповской истории МОДЕЛЬ обучения была «однозначно» самовыбором из доступного. У меня случились Тугаринов (принцип искать незатасканную проблему), Ананьев — интерес к теоретизированию и МАКРОтеоретизированию (науки о человеке), Надирашвили (вкус к неоднозначному толкованию эксперимента), Хильда Химмельвайт и др. в Англии — освоение литературы и практики эмпирических исследований, а также модель общения со студентами и т. д.

Но главное — я в основном сам выбирал, с кем следует ближе профессионально сойтись. Не говоря о наших (ты это знаешь + Стёпин), я особенно высоко ценю разговоры с Бауманом, Новаком, Штомпкой, Гиденсом...

Не менее важно и то, с кем желание общаться пропадало, притом в смысле неприемлемости теоретико-методологических предпочтений коллеги (например, мой профессор в Манчестере социозтнограф Рональд Франкенберг). И таких недостаточно, причём видных учёных.

Можно было бы на досуге попробовать воссоздать эти цепочки.

Конечно же, я предвидел подобную реакцию Владимира Александровича, но она была важна мне для подтверждения моей гипотезы о втором рождении российской социологии на рубеже 1950-х — 1960-х годов.

Позже, мне удалось отчасти исправить упущение, сделанное в интервью с Ядовым и получить информацию о характере преподавания на философском факультете ЛГУ в годы его студенчества. Одновременно с ним на этом же факультете училось несколько человек, которые тоже стали социологами и которых в ходе интервью я просил рассказать о студенческих временах.

Тоже в 1947 году на философском факультете начал учиться Леонид Наумович Столович, в будущем — известный философ-эстетик и социолог, профессор Тартуского университета в Эстонии. Он сразу отметил, что факультет не оправдал его ожиданий. Вскоре после выступления Жданова, обвинившего во всех идеологических прегрешениях Зощенко и Ахматову, партийные органы начали так называемую «философскую дискуссию», объявив, что никакой настоящей философии нет кроме материализма. Соответственно, на философском факультете ЛГУ начались форменные погромы. Интересный философ, старый большевик, порядочный человек М. В. Серебряков должен был покинуть пост декана, на его место был назначен некто Михайлин, бывший секретарь какого-то провинци-

ального обкома. Столович, бывший замредактора факультетской газеты, описал ситуацию, характеризующую нового декана.

В конце 1949 года к 70-летию Сталина необходимо было выпустить специальный номер. Никто не решался изобразить вождя, и в редакции вырезали его портрет из одного из плакатов. В должный срок газета висела на стене. И вот рано утром декан Михайлин вызывает к себе редактора, фронтовика, политработника и заявляет:

- Вы допустили грубую политическую ошибку!
- Какую? — упавшим голосом спрашивает бывший политрук.
- Какой сейчас месяц? — коварно спрашивает декан.
- Разумеется, декабрь, — ничего ещё не понимая, отвечает редактор.
- Вот именно! А у вас товарищ Сталин в летней форме!

При Михайлине было запрещено читать лекции по физике студентам философского факультета одному из лучших преподавателей, профессору Г. С. Кватеру, за то, что он однажды сказал на лекции, что закон всемирного тяготения действует в Москве так же, как в Лондоне [Столович, 2010а: 6].

По воспоминаниям Столовича, атмосфера отчуждения пронизывала и отношения между студентами. Откровенность была наказуемой. Недоверие к ближнему было нормой, и в целом от учёбы в Ленинградском университете у него остались малоприятные воспоминания. Правда, отмечал он, возможно, его оценка была субъективной; студенты, которые жили в общежитиях, были более связаны между собой. Он не участвовал в самодеятельности, местом его основной общественной работы было студенческое научное общество.

Рой Александрович Медведев, начавший учиться на философском факультете в 1946 году, так описывает те же годы: «Всё время шли агрессивные, громкие идеологические и репрессивные кампании — об „ошибках“ журналов „Звезда“ и „Ленинград“, об ошибках и извращениях в музыкальной политике, об ошибках на философском фронте. Потом на всех нас обрушилась биологическая дискуссия и борьба против „космополитов“ и преклонения перед иностранщиной. В конце концов и ленинградский университет захватила волна террора, „Ленинградское дело“. Аресты шли не только среди преподавателей и деканов, но и среди студентов — только на нашем философском факультете было арестовано восемь студентов. <...>. Володя Ядов вёл себя очень достойно, прикрывая, когда это было возможно, попавших в беду товарищей» [Медведев, 2009: 158].

Андрей Григорьевич Здравомыслов учился на курс младше Ядова и Столовича, в университет он поступил после нескольких лет, проведённых в госпитале из-за тяжёлой травмы, полученной при бомбардировке Ленинграда в годы блокады. Прикованный к постели, он закончил школу, и стремление разобраться в смысле жизни привело его на философский факультет. Его ответ на мой вопрос о том, что он хотел бы вспомнить о студенческих годах, был очень коротким: «Ещё до своей болезни в эвакуации я вступил в комсомол, поэтому присутствовал на всех комсомольских собраниях. На них обсуждали нетипичных, „девиантов“; их единогласно исключали из комсомола и, как следствие, лишали возможности продолжать учёбу в университете. Самыми яркими ораторами были Володя Ядов, Инна Рывкина, Рой Медведев» [Здравомыслов, 2006: 4]

На одном курсе со Здравомысловым учился и Альберт Васильевич Баранов, вошедший в послевоенную историю развития социальной психологии и социологии с весьма значимыми результатами. Первое, что он вспоминает о студенческих годах, это — полное безденежье и постоянный голод: «Когда я был студентом, у меня был рацион на день: одна буханка, по-видимому, килограммовая, чёрного хлеба и сто грамм подушечек. это была норма сытости. А были дни, когда у меня не было хлеба вообще, и я ждал посылки от матери, каких-то рублей, чтобы купить хлеб. Был праздник, когда я получал этот денежный перевод, мизерный, разумеется, и мог купить батон. Помню, как, получив перевод, я сбежал с занятий в Университете, чтобы купить батон и тут же его съесть. Такова жизнь до девятнадцатилетнего возраста» [Баранов 2008: 3]. В 16—17 лет, ещё живя в небольшом городке вблизи Нижнего Новгорода, он пытался ответить на философские вопросы о смысле жизни и природе смерти. К этой теме его подвела лермонтовская поэма «Мцыри».

И опять — те же пессимистические воспоминания об учёбе: «Нам преподавался марксизм-ленинизм и читали материалистические книжки. Материализм, эмпириокритицизм, и прочее, и прочее. По истории философии я должен был читать Гегеля. Я попробовал, мне он жутко не понравился. Я несколько раз пытался, открывал — нет! Гегель — это не мой человек. Словом, от философского факультета и от учёбы на философском факультете в Ленинградском государственном университете имени Жданова я вынес только одно приятное воспоминание: я поступил в хор. Туда меня привел Андрей Здравомыслов, который раньше меня вошёл в университетский хор. <...> И это единственное позитивное воспоминание об учёбе в Ленинградском университете». На третьем курсе Баранов записал такой стих: «...На мудрость книжную оттачивая глаз, / Мы скоро растеряем молодость и силу. / И скука тусклая проводит нас / До самой до могилы».

Подчеркну, здесь приведены мнения отличных студентов, сразу после окончания университета или через год-два поступивших в аспирантуру и оставивших своё имя в науке. Как это могло случиться? Разобраться в этой парадоксальной ситуации я просил Столовича: «Почему, несмотря на слабый уровень преподавания и атмосферу страха, философский факультет смог за короткий промежуток времени подготовить значительное число учёных, много сделавших для развития социальной философии, социологии и смежных наук?».

Конечно, ответ Столовича не мог быть коротким, однозначным. Во-первых, отметил он, в период «оттепели» на факультет стали возвращаться некоторые сильные преподаватели. Во-вторых: «Такие выдающиеся социологи, как Ядов, Рывкина, Здравомыслов, Рой Медведев... и другие стали теми, кем они стали, несмотря на слабый уровень преподавания и атмосферу страха. <...> Насколько я могу судить, никто из них в студенческие годы собственно социологией не занимался. Однако они прошли серьёзную философскую школу — школу, в которой они учились сами, без учителей. Ленинградским будущим социологам, в отличие от московских <...> учиться было не у кого и самой философии...».

Теперь — один пример из воспоминаний Столовича, привожу его, поскольку речь идёт о Ядове-студенте [Столович, 2010а: 9]:

«Мне навсегда запомнился методологический урок, который нам преподавал в первый месяц обучения на первом курсе Д. П. Каллистов. На занятиях по педа-

гогике нам настоятельно советовали перед прослушиванием лекции прочитать материал по её теме в учебнике. Мы, ещё старательные первокурсники, пытались следовать этому совету. И вот Д. П. Каллистов читает нам очередную лекцию по истории Древней Греции; Володя Ядов задаёт вопрос лектору:

— Вы говорили, что афиняне послали против спартанцев столько-то кораблей (я не помню конкретную цифру), а вот в учебнике Ковалёва написано, что они послали другое количество кораблей.

Дмитрий Павлович спрашивает Володю:

— Вы это прочли у Фукидида или Геродота?

— Нет, — отвечает Володя. — Я это прочёл в учебнике Ковалёва.

— Ах, Ковалева! — сказал Дмитрий Павлович. — Тогда во время перерыва спуститесь на этаж ниже (там была кафедра античной истории) и спросите Сергея Ивановича Ковалёва, почему он так написал.

И мы поняли, что значит учиться в университете, когда тут же работают авторы учебников, и как надо учиться по источникам».

Столовичем была названа ещё одна причина того, что философский факультет в течение короткого промежутка времени всё же подготовил значительное число учёных, много сделавших для развития социальной философии, социологии и смежных наук. Это — самостоятельный труд над первоисточниками и богатый социальный опыт, в том числе полученный в столкновениях с апологетами существовавших устоев советской системы.

В ряде интервью с социологами старших возрастов просматривается сильное, универсальное обстоятельство, объясняющее очень серьёзное, ответственное отношение первых послевоенных студентов к учёбе и высокий уровень их общественной активности. Это обстоятельство метафорично выражено в интервью с Б. М. Фирсовым: «Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком. Учился в школе на одни пятерки» [Фирсов, 2005: 2]. Он и институт закончил с красным дипломом, и одновременно, подобно Ядову, занимал ответственные посты в студенческой комсомольской иерархии.

Ядов был отличным студентом, иначе в те годы, когда ещё существовали представления о том, что комсомольским «вожаком» может быть лишь во всём лучший, когда среди студентов были молодые люди, прошедшие войну, ему не доверили бы руководство комсомольской организацией сначала учебной группы, потом факультета, а затем университета. В наших интервью мы не обсуждали с Владимиром Александровичем его участие в общественной работе, но из воспоминаний тех, с кем он учился, можно с уверенностью сделать вывод о его авторитетности среди студентов и о высоком доверии ему.

24 мая 2009 года Ядов прислал мне «мэйл» такого содержания: «...посылаю текст, к-рый многое говорит о моём поколении. Привет. Володя». К нему прилагалась рукопись Ю. А. Красина, озаглавленная «19-я „гвардейская“» [Красин, 2010], объёмом — около трёх авторских листов. Начинается она следующим образом:

Университет наполнен жизнью. У студентов страдная пора — весенняя экзаменационная сессия. В коридорах суeta. Одни спешат или, наоборот, не решаются идти сдавать трудный экзамен; другие радостно выходят из аудитории и на вопрос

товарищей: «Что?» — удовлетворённо отвечают: «Пять». Но настоящая кипучая жизнь в Большом комитете. Здесь все заняты подготовкой к поездке на ЭЭС. Бесперерывно звонят телефоны: «Дайте Ядова. Ядов там?». Ядов теперь самый популярный человек. В его руках все нити подготовки.

В рукописи описываются события лета 1949 года, когда студенты выступили с инициативой: в период летних каникул принять участие в строительстве объектов сельского хозяйства. Создавались студенческие строительные бригады. На долю комсомола Ленинградского Университета выпало строительство двух межколхозных гидростанций. Философский факультет вошёл в отряд по строительству Медведковской ЭЭС в Ефимовском районе Ленинградской области. Читается всё очень интересно, среди студентов — многие теперь известные люди, например: Фёдор Абрамов и Рой Медведев. Ядов был заместителем секретаря университетского Комитета ВЛКСМ и занимался формированием стройотряда. В тексте Ю. Н. Красина Ядов — одна из центральных фигур, он — среди руководителей студенческого отряда.

Особый интерес для нас представляет краткое дополнение Ядова к этому тексту, в котором он характеризует автора воспоминаний, но одновременно, просматриваются политические установки Ядова:

«Юра по окончании факультета какое-то время работал в аппарате Обкома партии, а потом директором Дома политпросвещения при Обкоме или Горкоме, не помню точно. Там он организовал социологический семинар, которым я руководил. Именно на этом семинаре мы с Андреем Здравомысловым докладывали первые результаты по исследованию отношения молодых рабочих к труду <...>. Юрия перевели в международный отдел ЦК, по тем временам наиболее либеральный из прочих отделов. Он помог Рою Медведеву избежать крупных неприятностей после передачи в Кремль „для ознакомления“ рукописи книги о Сталине и сталинских лагерях».

Продолжая рассказывать о друге, Ядов — абсолютно в духе шестидесятников — говорит о своём отношении к М. С. Горбачёву и его политике:

«Юрий длительное время сотрудничал с Горбачёвым в его фонде, привлёк меня к работе в горбачёвских семинарах и исследовательских проектах. Нельзя не заметить, что Михаил Сергеевич чем-то напоминал нашу юность, во многом оставался романтиком. Сегодня меня охватывает чувство обиды за „выругивание“ Горбачёва большинством россиян, упрекают в развале Союза. Кто, честно говоря, развалил? То-то и оно. Горбачёв предпринял неудачную попытку перестроить государство в социалистическую державу „с человеческим лицом“, что-то наподобие скандинавской социал-демократии».

Дополню сказанное: Юрий Андреевич Красин учился на одном курсе с Ядовым. Он — доктор философских наук, профессор, специалист по социальной философии и политическим наукам.

В заключение приведу фрагмент ещё одного воспоминания — профессора социологии Инны Марковны Поповой, она писала: «Для „правильной“ девочки из провинции, какой я приехала в Ленинград в 1948 г. для учёбы на философском факультете, Володя Ядов был идейным вождём, комсомольским кумиром. Общность „комсомольско-идейных позиций“, „твёрдость (и непогрешимость!)

убеждений“ пробуждали чувство любви и обожания. Володя был герой, с „которого нужно делать жизнь“. Учился он курсом старше нас, и было много на этом курсе ярких личностей, например, Юра Красин, Лёня Столович, но Володя был звездой первой величины» [Попова, 2009: 557].

Но было бы ошибочным считать, что «предоттепельные» и «оттепельные» настроения, стремление к критическому восприятию многих положений марксизма разделялись всеми студентами. Один из социологов первого поколения, доктор философских и экономических наук, будущий создатель социологического факультета ЛГУ профессор Василий Яковлевич Ельмеев учился одновременно с перечисленными выше социологами. В начале беседы с ним я отметил: «За Вашим поколением в целом закреплено коллективное имя — „шестидесятники“. Складывается такое впечатление, что себя Вы не относите к этой плеяде или я ошибаюсь? Вы пишете, что обязаны тому философскому факультету, который существовал до прихода „шестидесятников“». Ельмеев так пояснил свою позицию: «Перефразируя известное высказывание В. И. Ленина, скажу, что в каждом поколении существуют два поколения. Это относится к „шестидесятникам“. Я не тот из них, кто приветствовал горбачёвский «рыночный социализм», который превратился в „рыночный капитализм“, плачевные последствия которого испытывает ныне большинство „приватизированного“ населения. Угрызения совести меня не мучают, не был среди тех, для которых „Иного не дано“ (известный сборник других шестидесятников)» [Ельмеев, 2007: 3]. И далее мы продолжили: вопрос «Чем объяснить то, что, будучи ровесниками и пройдя обучение у одних и тех же профессоров, Вы, с одной стороны, и Ядов и Здравомыслов, с другой, имели заметно различающиеся точки зрения на социологию как науку? По сути дела, у вас были разные идеологии этой науки» и ответ Ельмеева: «Нас расколол XX съезд партии, деятельность Н. С. Хрущёва. В университете в тот период шло размежевание между поколением фронтовиков, не принявших хрущевские реформы, и поколением, не участвовавшим в войне. Не угодил Хрущёву и наш ректор — А. Д. Александров, который вынужден был оставить университет. Я со студенческих лет был в окружении фронтовиков и встал на их сторону. Мы примыкали к разным учителям. Я, например, общался и слушал лекции и напутствия М. В. Серебрякова — профессионального революционера, организатора марксистского кружка в университете в первые годы после революции, но не могу считать себя учеником В. П. Рожина» [Ельмеев, 2007: 3].

Из сказанного Ельмеевым следует, что он «был в окружении фронтовиков и встал на их сторону», но одновременно получается, что другие, в том числе Ядов, были на «другой стороне». Это неверно. Обратимся к словам А. Г. Здравомыслова, он пишет, вспоминая школьные и первые университетские годы Ядова: «...Володя успел приобщиться к военным порядкам, так как он начинал учиться в лётном училище. Уже там его выделили из состава курсантов: ему было присвоено звание сержанта. Володя не стал лётчиком: не прошел медкомиссию. <...> Однако краткий опыт приобщения к военизированным порядкам оказался бесценным стартовым капиталом. Это опыт позволили приблизиться к фронтовикам. Уже на третьем курсе его приняли в партию, что для простого школьника было бы просто невозможно» [Здравомыслов, 2009: 129].

Небольшая заметка Харьковского профессора социологии Иделаиды Ковалёвой — дополнение приведённых рассказов её соучеников об университетских годах. Она называется «Человек и стратег», и есть в ней такие слова о Ядове: «Неуёмная общественная деятельность, где всё и просто, и сложно, очевидно и загадочно, где проблемы и поиск их разрешения порождали то состояние души, которое в дальнейшем требовало научного анализа конкретных ситуаций и реальных социальных процессов» [Ковалева, 2009: 495—496]. Ковалёва полагает, что уже тогда Ядову была близка мысль о том, что «надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Напомню, это фраза из интервью с Владимиром Александровичем, вынесенная в заголовок нашего первого интервью.

Долгий и извилистый путь в социологию

Интервью с Ядовым началось с вопроса: «В нашей беседе я вижу два главных направления: о твоей судьбе, творчестве и о развитии советской и российской социологии. Начнём с первого...» [Ядов, 2005а: 2]. Безусловно, вопрос предоставляет неограниченный простор для размышлений и выбора исходной точки для разговора, Ядов посчитал, что ключевым моментом в развитии его жизненной траектории было исключение его из партии: «Что касается судьбы, то поворотным моментом, который затронул и мои научные интересы, было исключение меня из партии в 1952 г. Исключили за то, что при вступлении в КПСС я «не написал правду», не сказал, что отец в 1928 г. был в зиновьевской оппозиции. При разбирательстве дела в областной парткомиссии я говорил, что отец никогда мне об этом не рассказывал. Когда я вступал в партию (на втором курсе ЛГУ), отец был не только членом партии, но преподавал в вузе историю КПСС. К тому же я родился на год позже его «фракционной деятельности». Расследование вела женщина по фамилии Сталева (запомнил на всю жизнь). Она именовалась «партследователем». Очень по-доброму меня слушала, а потом, как в дурных детективах, ударила кулаком по столу и заорала: «Будешь говорить правду?» Короче, нас вместе с отцом в Смольном из партии исключили».

По итогам обучения в университете Ядов был рекомендован в аспирантуру без экзаменов, но после всего произошедшего об аспирантуре и речи не могло быть, более того, он вообще не получил никакого распределения. Тогда он обратился к директору школы, которую окончил, и она взяла его и даже не уволила его, когда он обращался в разные инстанции, доказывая неправомерность выговора. Кончилось это тем, что его вообще исключили из партии, и тогда уже директор сказала ему: «Володя, я не могу больше, тебе придётся уйти».

Он остался без работы, увлекся фотографией. «В это время умер товарищ Сталин, — вспоминал Ядов, — Я снимал «для истории» лица людей, собравшихся возле уличных громкоговорителей, они слушают сообщения о болезни и смерти Сталина, плачут, я сам рыдал... Моя жена Люка однажды пришла и рассказала, что в автобусе офицер обратился к ней со словами: «Девушка, почему вы плачете? Это счастье, что он умер». Мы были потрясены и сочли этого офицера замаскированным антисоветчиком».

Позже Ядов всё же обратился в обком партии, чтобы ему дали возможность работать. Нигде не хотели брать исключённого из партии, да ещё и выпускника

университета. Но всё же на небольшом заводе станков, где нужны были грамотные в широком смысле люди, способные работать с новой техникой, его взяли.

По мнению Ядова, «несчастье помогло». Он быстро обучился и через месяц-полтора стал лекальщиком сразу второго разряда, так что они с мастером-наставником начали работать посменно. Это дало Ядову возможность непосредственно наблюдать разные проявления отношений между различными участниками производственного процесса. В интервью В. В. Радаеву в 2007 году на просьбу рассказать, как появилась книга «Человек и его работа», ответил: «Думаю, она тесно связана с моей биографией, с моим личным опытом. Ведь я одно время был исключен из партии и был вынужден работать на заводе. Сначала вынужден, потом понравилось. Маленький завод, семейная обстановка, все друг друга знают, администрация тоже была не очень далека от рабочих, меня директор знал по имени. Мне показалось интересным разобраться с тем, что происходит в этой среде» [Ядов, 2009b, с. 90—91].

Поскольку цеху повезло иметь рабочего-философа, цеховая парторганизация поручила Ядову вести политзанятия и... предложила вступить кандидатом в КПСС. Биографию они, естественно, знали, но он, будучи, как он заметил, «совершенным хунвейбином» с радостью подал заявление. Далее, он вспоминал: «Пока дело шло по инстанциям, помер Вождь и Учитель. Причём, я его искренне оплакивал. Заседание бюро райкома. Мне говорят: считаем, что вас надо в партии восстановить, и направляем документы в Центральную комиссию партконтроля. И получилось, как в романе — вместе с отцом нас исключали, вместе в один день и восстановили в партии». Затем Москва направила бумаги в Ленинград, и Ядова немедленно приняли в аспирантуру. Много лет спустя, А. Г. Здравомыслов в обстоятельном очерке о Ядове писал, что история с его исключением из партии и борьбой за восстановление дала ему полезный жизненный урок: «Если ты уверен в своей правоте и если эта правда значима для тебя, то отстаивай эту правду до конца. Ведь если бы Володя согласился с несправедливым выговором, приписывающим ему обман партии, то он никогда бы не стал Ядовым» [Здравомыслов, 2009, с. 132].

Но к занятиям наукой он не сразу вернулся, преграду на этом пути ему поставил Борис Максимович Фирсов, в будущем — аспирант Ядова, один из первых в СССР исследователей массовой коммуникации и общественного мнения, доктор философских наук, организатор и первый ректор Европейского Университета в Санкт-Петербурге. В завершающей части его небольшого эссе, озаглавленного «О моём наставнике и друге», есть слова: «Я — тот самый Борис Фирсов, секретарь обкома комсомола, который в 1955 году приехал за ним на машине, привёз в обком ВЛКСМ и заставил пойти работать первым секретарем Василеостровского райкома комсомола, где он, Владимир Ядов, аспирант второго курса Ленинградского государственного университета, тогда состоял на комсомольском учёте. Признаю свою вину в том, что защита Ядовской диссертации была отложена на два года» [Фирсов, 2009a, с. 126].

Об одном из «подвигов» Ядова на посту секретаря райкома комсомола вспоминал И. С. Кон: «Наше знакомство с Ядовым началось с острого конфликта. В 1956 г. я пришёл на факультет философии ЛГУ после того, как учёный совет факультета дважды проваливал меня. В каком-то смысле я чувствовал себя как в серпента-

рии, где со всех сторон можно ждать нападения. В одном из своих первых выступлений на факультетском партсобрании я, между прочим, упомянул, что в юности увлекался комсомольской работой. Вдруг поднимается аспирант, он же секретарь Василеостровского райкома комсомола, и заявляет, что выступление тов. Кона идейно ошибочно, комсомольская работа — дело серьёзное, относиться к ней, как к «увлечению» непозволительно. Мне сразу стало ясно, что комсомольский функционер глуп, фанатичен и недоброжелателен и к тому же является орудием людей, пытавшихся воспрепятствовать моему приходу на факультет, так что нужно держаться от него подальше. Но вскоре Ядов попросил меня прочитать свою диссертацию (или это сделал его руководитель, Тугаринов, точно не помню), а в деловых вопросах я абсолютно безличен. Работа оказалась (по тем временам) превосходной, умной, самостоятельной. Ядов читал и Маннгейма, и специальную литературу по социологии познания, на таком высоком интеллектуальном уровне понятия идеологии у нас никто ещё не анализировал. Я не только дал положительный отзыв, но мы стали с Володиёвым серьёзно разговаривать» [Кон, 2009, с. 116].

Аспирантуру Ядов начал с разработки категории меры у Гегеля, но ничего оригинального придумать не мог. Тогда он взял тему об идеологии, и здесь открылась масса интересного. Были проработаны концепции Плеханова, взгляды Маннгейма и Шелера, много позже Ядов понял, что, согласно его выводам, коммунистическая идея была утопией, а не «научной идеологией». Гордый проделанной работой, он принёс свой труд Тугаринову. Через пару дней профессор сказал, что такую работу он ни в жизнь не рекомендует к защите. Диссертацию Ядов заканчивал в больнице, где лежал после операции язвы желудка, заведующий отделением разрешил занимать его кабинет, когда тот был свободен. Далее Ядов писал: «Короче, Василий Петрович нанёс мне травму почище язвы. Проходит время, и он, мимоходом, в коридоре спрашивает, почему я пропал, надо же выносить работу на предзащиту. Выступает на факультетском семинаре и ссылается на Ядова». Диссертация «Идеология как форма духовной деятельности общества» [Ядов, 1959] была защищена в 1959 году, а через год по рекомендации Тугаринова вышла под тем же названием книга Ядова. В ней была глава с разоблачением механизмов «серой» и «чёрной» пропаганды. Эту главу издали отдельной брошюрой в Москве и перевели на разные языки, включая испанский. Кубинцы потом сами перевели и книгу.

Ядов довольно скоро стал известным среди философов и нарождавшегося социологического сообщества учёным, но, как часто случается, оформить текст докторской диссертации не мог собраться. Наконец решительная Галина Саганенко, теперь — доктор социологических наук, а тогда недавняя выпускница мат-меха ЛГУ, которая помогала Ядовской команде в математической обработке эмпирических материалов, заявила ему: «В.А., пока Вы не защитите докторскую, нам нет хода». Он взял трёхмесячный отпуск и сочинил нужное ВАКу, работа называлась «Методологические проблемы конкретного социологического исследования (Основные принципы марксистского конкретного социологического исследования и методологический анализ эмпирического изучения мотивации труда)» [Ядов, 1967]. Передо мною — автореферат этой диссертации (1967 г.), первой в стране по методологии социологических исследований, его интерес-

но анализировать, ибо это позволяет лучше понять хронологию исследований и основных публикаций Ядова.

Основой такого изучения является перечень опубликованных и находившихся в печати работ соискателя. Первое, что бросается в глаза, — это полное отсутствие работ по идеологии, другими словами, здесь всё новое: предмет, объект, методология, другая наука. Первая из опубликованных социологических работ — об изучении бюджета времени, 1961 год. Таким образом, философ Ядов за два года стал социологом Ядовым. Отмечается, что по теме диссертации было опубликовано 29 работ, включая и переданные в печать. Судя по названиям, примерно половина работ касалась изучения отношения к труду (первая из них датирована 1964 годом), и в другой половине публикаций рассматривались разные аспекты методологии теоретико-эмпирических социологических исследований. Эта проблематика стала отражаться в публикациях Ядова, замечу, и Здравомыслова в 1963 году. В примечании к списку публикаций отмечалось, что книга «Человек и его работа» передана в издательство «Мысль» и находится в плане выпуска 1966 года. Также из названия работ, включённых в автореферат, следует, что к тому времени была проработана основная часть материалов, составивших в недалёком будущем содержание книги Ядова по методологии социологического исследования.

В автореферате названа дата защиты докторской диссертации — 23 марта 1967 года; возможно, тогда она и состоялась. Теперь приведу краткий рассказ Ядова о самой защите: «На нашем философском этаже места для желающих присутствовать не достало. Спустились в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака. Я в заключение благодарю тех, кому обязан помощью, и в их числе Хильду Химмельвайт из Лондонской школы экономики и политики. Жуткий скандал. Члены Совета выступают и говорят то-то и то-то. Мы с Люкой (Б.Д.: напомним, это — жена В.А.) и товарищами по лаборатории переживаем в ожидании итогов голосования. Большинство «за». Здорово помогла Галина Андреева, мой оппонент. Она объясняла Совету, что Химмельвайт — крупнейший социопсихолог, экспериментатор и прочее. Так что «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

А вот как вспоминала защиту Ядовым докторской диссертации Г.М. Андреева через сорок лет. Выступая на защите и высоко оценивая сделанное диссертантом, она заметила, что в какой-то таблице сумма процентов в распределении ответов на вопрос с однозначным выбором более 100 %. Ядов отвечает: «Вот черт! Везде всё считал сам, а тут единственный раз передоверил Кольке» (Теперь — Николай Владимирович Ядов, кандидат психологических наук, давно и успешно занимающийся прикладными социологическими и маркетинговыми проблемами). А в конце защиты, когда кто-то из зала бросил реплику «Вы же забыли поблагодарить оппонентов!», он ответил: «Ой! Как же это я? Тем более что все трое — мои добрые друзья!» [Андреева, 2009, с. 114—115]. Надо было видеть, замечает Андреева, как вытянулись лица членов учёного совета и уже избранной счётной комиссии.

Дополню это описание процедуры защиты воспоминаниями доктора социологических наук Александра Васильевича Тихонова, тогда ещё начинавшего свой путь в социологию: «Ядов — как боксёр на ринге. Настоящая защита, настоящее нападение, вплоть до подмётного письма. Центральный вопрос накалённого спо-

ра: а не является ли позитивизмом то, что делает Ядов путём разложения на показатели теоретических понятий? В аргументах Ядова появился тогда и знаменитый стакан, который наполовину полон, а наполовину пуст. Защита меня покорила. Настоящая, никакой подделки. Несколько «чёрных шаров» её только украсили» [Тихонов, 2009, с. 329].

Я никогда не слышал от Ядова о сложностях в прохождении его докторской диссертации в ВАКе и, прочитав воспоминание Тихонова о существовании «подмётного письма», подумал, что большего я об этом инциденте не узнаю, но ошибся. Через четыре десятилетия после защиты докторской, незадолго до своего 80-летия, Ядов в одном из примечаний в тексте его известной статьи «К вопросу о макро-микро дилемме в социологии» вернулся к событиям сорокалетней давности. Он писал:

Благодаря Хильде Химмельвайт я сделался вполне профессиональным социопсихологом и горжусь признанием таковым в сообществе психологов (при создании Европейской ассоциации экспериментальной психологии в 1965 г. из советских на учредительное действо были приглашены А. Леонтьев, Г. Андреева, И. Кон и Ядов. В разные годы мы были в составе руководства ЕАЭСП). Однако в связи с Химмельвайт у меня случился казус при защите докторской диссертации. Я во вступительном слове, как и положено по традиции, выразил благодарность своим учителям, включая проф. Химмельвайт — выдающегося германского социопсихолога, бежавшую в Англию при Гитлере. ВАК затормозил утверждение учёной степени по причине «сомнительности» научных наставников диссертанта. Пришлось ехать в Москву и объясняться. Я напирал на антифашистскую позицию Хильды, поскольку упоминание её академических заслуг тогдашними нашими философами вызвало бы прямо противоположный для соискателя результат. Замечу также, что и социальная психология как особое направление в то время решительно отвергалось мэтрами советской психологии, так как психология не может быть НЕ социальной [Ядов, 2009а: 147].

Защита докторской диссертации состоялась за месяц до дня рождения Ядова, ему исполнилось 38 лет. Закончился долгий и непростой путь в науку, которую он сам и его коллеги-ровесники создавали. Он был студентом, комсомольским лидером, рабочим-станочником, аспирантом, который самостоятельно нашёл и разрабатывал проблему, лежавшую на стыке социальной психологии и политической социологии (понятно, таких наук в стране ещё не было), студентом-стажёром в университетах Англии, создателем и руководителем первой в СССР социологической лаборатории. Уже было завершено исследование отношения к труду рабочих, признанное вскоре составной частью фундамента советской социологии. Успешная защита Ядовым докторской диссертации на философском факультете ЛГУ стала не только актом признания сделанного им. То был момент фактического признания достаточно консервативным экспертным сообществом, многие члены которого либо отрицали существование социологии как науки, либо отводили ей небольшое пространство в истмате, рождения в стране новой социологии — теоретико-эмпирической науки. Таким образом, закончились годы поиска Ядовым своей профессиональной идентичности.

«Точки сгущения» профессионального пространства: ленинградский период

Начало

Перечень публикаций в автореферате докторской диссертации Ядова свидетельствует, что всё началось с изучения бюджета времени; статья об этом методе была написана группой авторов — сотрудников Ядовской лаборатории, и опубликована в «Вестнике ЛГУ» № 4 за 1961 год. [Ядов, Беляев, Водзинская, 1961]. Зная, каким неспешным в те годы был путь рукописей в журналах, можно допустить, что статья была передана в редакцию ещё в 1960 году или в начале 1961 года. Принимая во внимание тот факт, что Владимир Александрович до конца жизни «находился в науке», легко видеть, что стаж его работы в социологии — заметно более полувека. Было бы ошибочным сейчас ставить перед собой цель хотя бы самого общего очерчивания сделанного им, безусловно, это задача будущих специальных поисков и направленного анализа. Я ограничусь тем, что обсуждал с ним в интервью и в переписке, полагая, что рассматривавшееся — существенный элемент его творчества и наследия.

Напомню, интервью с Ядовым началось с вопроса: «В нашей беседе я вижу два главных направления: о твоей судьбе, творчестве и о развитии советской и российской социологии. Начнём с первого...». Изложение судьбы он начал с воспоминания об исключении из партии. По завершении ответа, я отправил ему дополнительный вопрос: «...это о судьбе, теперь о творчестве...». И здесь первым предложением ответа было: «Творчество началось с изучения бюджетов времени рабочих одного завода». Затем Ядов, не конкретизируя сказанное, перешёл к воспоминаниям об исследовании «Человек и его работа» и мимоходом заметил: «Когда Игорь Кон обратил меня в социолога...». В тот момент я действительно не знал, как Ядов входил в социологию, но у меня было ощущение важности выяснения этого, поэтому последовал вопрос: «Что значит: „Когда Игорь Кон обратил меня в социолога...“?» Я думаю, что этот вопрос оказался принципиальным для понимания становления Ядова как социолога, а, отчасти, процесса развития социологии в стране. Приведу ту часть развёрнутого ответа Ядова, которая раскрывает сделанное Коном:

Игорь сыграл решающую роль в моём, как говорят постмодернисты, проекте профессиональной жизни. Понятие «проект» здесь уместно, ибо возник он благодаря Игорю, не был предначертан теми структурами, в которых меня формировали. Мы оба преподавали на философском истмат. И однажды Игорь говорит: «Володя, мне попала книга Гуда и Хатта [Good, Hatt, 1952]. о методах социологического исследования Посмотри, я думаю, тебе будет интересно». Почему он так решил? Не знаю, хотя догадываюсь. В отличие от него, в полном смысле академического учёного, который всё время проводил в библиотеке и за своим рабочим столом, я с энтузиазмом занимался общественной работой, бегал по собраниям и прочее.

Кстати, однажды на комсомольском собрании (присутствовал на факультетском как заместитель секретаря комитета комсомола ЛГУ) я обрушился на своего товарища с яростной критикой по поводу какого-то его высказывания, показавшегося мне сомнительным в смысле «большевистской зрелости». Игорь потом не раз подшучивал, что Ядов чуть было не исключил его «из рядов». Видимо, он чувствовал, что эмпирическая социология ближе мне по характеру и темпераменту, нежели философия и кабинетная работа с книгами.

Гуд и Хатт произвели ожидаемое впечатление. Тот же Кон посоветовал начать с изучения бюджетов времени. С помощью В. П. Рожина вместе с Андреем Здравомысловым создали социологическую лабораторию, куда вошёл и Эдуард Беляев. Он лучше нас владел английским и перевёл гудов-хаттовский учебник, который долго ходил по рукам в машинописном виде. Если полистаешь моё пособие по методам исследования, там немало ссылок на эту книгу.

Я привёл не весь ответ, но последнее предложение Ядова необходимо процитировать: «Судьбоносную роль Игоря Кона я описал, согласен?». И ещё об отношении Ядова к Кону. В заметке Ирины Тартаковской есть воспоминание о том, что, читая в её статье цитату из Кона, Ядов отметил его образцовый стиль и добавил: «Вот как надо писать, видите? Практически Пушкинский слог. Горжусь таким другом!» [Тартаковская, 2009: 515].

Всё рассказанное Владимиром Александровичем показалось мне интригующе интересным, но опыт историка, накопленный при анализе биографий первых американских исследователей общественного мнения, подсказывал, что поиск не закончился, а лишь начался. Я обратился к Игорю Семёновичу Кону с просьбой прокомментировать слова Ядова, и сказанное им оказалось принципиально значимым:

Ядов не совсем точно излагает эту историю. Книга Гуда и Хатта лично для меня никакого значения не имела. Я вообще никогда специально не интересовался методами, да и самую книгу сразу же по её получении, не читая, отдал ребятам, они вернули мне её через много месяцев.

Что социология — эмпирическая наука, я знал давно. В книге «Позитивизм в социологии» (1964) и предшествующих ей статьях, печатавшихся с 1962 г., я фактически написал историю социологии как науки, всех классиков социологии я так или иначе читал и излагал. Самого меня интересовала прежде всего историческая социология. Но на меня произвела сильное впечатление статья Г. Пруденского в журнале «Коммунист» о свободном времени. Я подумал, что чем-то в этом роде можно и нужно заниматься и у нас (политическую социологию в СССР я считал абсолютно невозможной), и посоветовал это Володе, потому что считал его очень способным человеком, хотя наши отношения начались со стычки. Однако он в это время был ещё «чистым философом» и сказал, что эта тема и вообще эмпирия кажется ему мелковатой.

Я не спорил. Но я твёрдо знал, что в ближайшее время эмпирическая социология у нас все равно появится, и потому заранее заказал через книжный отдел Академии наук учебник, который считал лучшим. <...>

Тем временем Рожин пробил создание социологической лаборатории, Ядов стал её заведующим, и это изменило его интересы. И как раз к открытию их лабо-

ратории я получил книгу Гуда и Хатта и сразу же, не читая, отдал её ребятам, среди которых был и мой аспирант Эдик Беляев. Они немедленно начали её осваивать, и это существенно облегчило их собственный старт. Моя заслуга лишь в том, что я раньше других понял необходимость эмпирической социологии, выписал нужную книгу и не был собакой на сене, а отдал её тем, кому она была реально нужна.

Завершая эту цитату, замечу, что в процессе вхождения в изучение истории российской социологии я постоянно консультировался с Коном и не провёл с ним интервью, лишь потому, что он тогда работал над мемуарами «80 лет одиночества» и обещал передать мне книгу. Книгу он подарил мне в 2008 году, когда мы встретились на социологическом конгрессе в Москве. И так случилось, что в день похорон Кона я был в Москве, и мы вместе с Ядовым простились с Игорем Семёновичем...

Ядов лишь мимоходом рассказал о возникновении первой в стране социологической лаборатории: «С помощью В. П. Рожина вместе с Андреем Здравомысловым создали социологическую лабораторию...», хорошо, что подробнее эта тема освещена в сборнике «Vivat, Ядов!». В целом, дело обстояло так. Осенью 1960 г. декан философского факультета и научный руководитель Здравомыслова Василий Павлович Рожин сообщил ему, что в университете при факультете создаётся лаборатория социологических исследований. Далее Рожин спросил Здравомыслова, не готов ли он перейти туда работать. Здравомыслов сразу согласился, и несколько дней спустя Рожин объявил ему, что партбюро утвердило руководителем нового подразделения Ядова. Поскольку Здравомыслов и Ядов давно знали друга, никаких трений о направлении работы и кадрах не возникло. Ядов, по своему стилю управления был организатором-инициатором. Он придумал, что главной формой работы должны быть еженедельные семинары, особенно на этапе разработки методики.

Тематика лаборатории с самого начала формировалась вокруг проблем социологии труда. Начали со сбора вырезок газетных публикаций по социалистическому соревнованию и движению за коммунистический труд. Вскоре все шкафы были забиты этими вырезками, и тогда стало понятно, что из газет мало что можно было узнать. Надо было самим идти на завод.

Ознакомившись со статьёй Пруденского о бюджете времени, молодые, точнее сказать, начинающие социологи загорелись идеей самофотографирования бюджета времени рабочих. Методом случайного отбора из общего списка работников одного из цехов Кировского завода они создали выборочную совокупность из 100 человек, объяснили респондентам правила ведения записей (каждые десять минут человек должен был записывать то, что он делал), и в течение недели провели сбор данных. По предложению Ядова, подготовили коллективную статью. В результате, отмечает Здравомыслов: «появилась первая публикация нашей лаборатории».

Считаю необходимым отметить, что опыт этого первого, пробного для лаборатории исследования не пропал, в 1968 году Здравомыслов, возглавивший кафедру марксистско-ленинской философии в Ленинградской высшей партийной школе (ЛВПШ) и создавший при ней небольшую социологическую группу, начал изучение бюджетов времени работников партийного аппарата. Вскоре Здравомыслов вынужден был переехать в Москву, но проект жил ещё многие годы. Это было очень крупное многоцелевое исследование, но о нём мало известно, ибо не только

существовал запрет на публикацию результатов, но даже не разглашался факт самого исследования. Мне многое известно о нём, поскольку несколько лет я участвовал в этом проекте.

О сверхсекретном характере того исследования вспоминал в нашем интервью А. Г. Здравомыслов: «В 1969 году на основе курса лекций для слушателей ЛВПШ я издал книгу „Методология и процедура социологических исследований“. Там была таблица распределения бюджета рабочего времени сотрудников районных комитетов партии. Выяснилось, что публикация такого рода данных противоречит инструкции ЦК КПСС, изданной ещё в тридцатые годы! Б. К. Алексеев [БД: высокопоставленный сотрудник Ленинградского ОК КПСС] попросил меня сдать все материалы социологической группы ЛВПШ и объявил о моём отстранении от этой деятельности. <...> Отдел науки предложил мне на выбор: либо остаться в ЛВПШ без всяких занятий социологической работой, либо вновь вернуться в Академию наук, в ИКСИ <...> Я выбрал второй вариант» [Здравомыслов, 2006: 14].

Заметную роль в освоении советскими учёными методов социологии сыграла и названная выше книга Гуда и Хатт; она не была издана, но в лаборатории Ядова многие её читали, а приезжие из различных городов даже переписывали от руки целые страницы. Весьма значимы для истории и выше приведённые слова Ядова: «Если полистаешь моё пособие по методам исследования, там немало ссылок на эту книгу». Чтобы не уходить далеко от основной темы этого параграфа, не буду останавливаться на всех перипетиях перевода книги Гуда и Хатта, но эта почти детективная история долго раскручивалась мною в интервью с переводчиками Э. В. Беляевым и А. Г. Здравомысловым, а также в переписке с Коном и Ядовым.

Что касается изучения бюджета времени, то эта тема всплыла 4 мая 2010 года как реакция на присланный мне Ядовым перечень его книг и статей, отобранных им для переиздания (см. выше). Этот список из 18 названий завершался словами: «В этих работах — полезные данные о наших трансформациях и не стыдные тексты автора». Отвечая ему, я в тот же день написал: «... Володя, я всё посмотрел... это хорошо, что ты включил книгу 63 года, это твоя кандидатская... есть два вопроса... Мне думается, что можно включить вашу первую коллективную публикацию по бюджетам времени, это ваше начало... и совсем не понимаю, почему ты не включаешь „Социологические исследования“⁵. это первая книга по методам в СССР, и по ней учились многие и многие...».

На следующий день был получен ответ Ядова: «...публикации по бюджетам времени, равно как и первое издание по методам, могут быть интересны только историкам. Историк, если понадобится, без труда их получит в библиотеке». Была названа в этом списке публикаций и газетная статья, написанная в соавторстве с Т. И. Заславской: «Общественное мнение о съезде народных депутатов СССР: сообщение Института социологии АН СССР и Всесоюзного центра изучения общественного мнения». Статья вышла в газете «Вечерняя Москва» 7 июня 1989 года. Я спросил Ядова, в чём значение этой публикации, он ответил: «Газетная статья с Заславской — и уникальное свидетельство „судьбоносного“ события в истории страны, и документ, демонстрирующий нашу вовлечённость в горбачёвскую пе-

⁵ Имеется в виду учебное пособие [Ядов, 1968]. — Прим. ред.

рестройку. Газетную статью ни один коллега или студент искать не станут, а она, так сказать, знаковая».

В целом же можно сказать, что, работая над перечнем своих публикаций для возможного переиздания в будущем, Ядов, конечно же, размышлял не о многотомном собрании сочинений, в первую очередь интересном специалистам, но о некоем пособии, полезном для студентов и широкого круга коллег.

«Человек и его работа»

Теперь вернёмся к ответу Ядова на вопрос о его творчестве. Вслед за упоминанием о стартовом изучении бюджетов времени, он писал: «После первого опыта с бюджетами времени начался «Человек и его работа»». Здесь — лишь обозначение направления деятельности, но, естественно, я начал «разматывать» эту тему, ведь речь идёт об одном из классических проектов советской социологии. Известно, что авторами исследования были молодые, тогда мало известные Здравомыслов и Ядов, но книга с описанием методологии и результатов вышла под их редакцией и профессора В. П. Рожина, в те годы декана философского факультета ЛГУ.

Естественно возник мой вопрос: «Зарождение проекта „Человек и его работа“ представлено в российской истории... и всё же есть ряд мест, требующих детализации. Меня интересует роль В. П. Рожина». Ответ Ядова состоял из двух частей, первая — о роли Рожина: «Василий Павлович Рожин не был „крышей“, мы не думали, что надо что-то „крышевать“. Но в издательстве цензура выкинула из книги главу о сравнении отношения к труду молодых американцев и ленинградцев — глава по дубль-исследованию Фредерика Херцберга в США. Здесь никакой декан не смог бы помочь. Когда Игорь Кон обратил меня в социолога, Рожин энергично поддержал и пробил через Совет ЛГУ создание первой в стране вузовской социологической лаборатории. Мы включили его в соавторы не для „крыши“, а из благодарности».

Вторая часть ответа начинается словами: «Добавлю про „крышу“». И далее: «При подготовке книги „Человек и его работа“ издательство „Мысль“ запросило официальную рецензию у Коли Лапина [Б.Д.: Николай Иванович Лапин]. Коля ничего нам об этом не говорил и рассказал, какова была обстановка, лишь после недавней публикации вместе с Андреем Здравомысловым „Человек и его работа в СССР и после“ [Здравомыслов, Ядов, 2003]. Здесь мы восстановили главу о советских и американских рабочих с пояснением, что цензура её изъяла в первом издании. Коля, получив подаренную нами книгу, звонит по телефону и говорит: „Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась принять работу только потому, что был подзаголовок „Социологическое исследование“? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу“. Видишь теперь, кто сыграл роль „крыши“?».

«Человек и его работа» — важная тема для истории советской социологии, но если анализ собственно методолого-методических подходов, разрабатывавшихся Здравомысловым и Ядовым, а позже — их многочисленными учениками и последователями, может быть проведён по публикациям, то интервью даёт нам сюжеты, о которых могли рассказать лишь участники того исследования. А не зная таких, казалось бы, «внешних» по отношению к узкотрактуемым собственно «научным»

вопросам, трудно понять саму методологию и лишь весьма поверхностно можно представить, как развивался этот проект, в каких условиях осуществлялась работа.

По воспоминаниям Ядова, проверить справедливость идеи Маркса насчёт превращения труда в первую жизненную потребность можно было лишь в сравнительном исследовании отношения к труду рабочих-пролетариев в капиталистическом обществе. По Марксу, социализм — преддверие коммунизма, поэтому исследователи ставили перед собой задачу эмпирической проверки того, насколько советское общество приближалось «к этой двери в свободу». Замечу, это было начало 1960-х, когда страну окружал «Железный занавес», контакты с Западом далеко не приветствовались и контролировались «компетентными органами» и когда в нарождающемся социологическом сообществе практически полностью отсутствовали профессиональные контакты с зарубежными коллегами.

«И тут, — отмечал Ядов в нашем интервью, — подвернулся Фредерик Херцберг из Айовы». Они — он и Здравомыслов — нашли его по книгам, которые библиотека ЛГУ получала по обмену из Хельсинкского университета. Они сразу заметили, что Херцберг — именно тот человек, который был им нужен: одна книга — анализ динамики удовлетворённости работой американцев чуть ли не за 40 лет, другая — собственная теория о внутренней и внешней мотивации труда. Они написали «на деревню дедушке», и, в это трудно поверить, Херцберг приехал в Питер, в их социологическую лабораторию. Огайский университет оплатил его затраты, а советская сторона как-то его пропустила. По словам Ядова, американец «Оказался совершенно своим парнем. Стрелок бомбардировщика при вторжении в Италию, человек с прекрасным чувством юмора».

Херцберг без возражений согласился провести *общенациональный* опрос молодых американских рабочих по ленинградской методике без единой поправки, так как в Ленинграде уже заканчивали полевые работы. И он выполнил обещание... Но для работы Ядову и его сотрудникам нужны были сырые данные для разных способов анализа, а цензура пропускала лишь текстовые письма. В 1964 г. Ядов вернулся домой после стажировки в Англии и, пользуясь доверием КГБ (ясно, что в Англии «выполнял их задание»), отправился на конференцию в Вену. Подходит некий красавец вроде Джеймса Бонда и говорит: «Я привез пакет от профессора Херцберга», — и передает рулон табуляграмм. Приезжает Ядов в Ленинград, и прямо на перроне его встречает курировавший его поездку в Вену отечественный «бонд». Он оттеснил жену Владимира Александровича и сообщил: «У вас пакет из Вены. Прошу мне отдать». Ядов: «Ну, слушайте, надо ворошить чемодан, давайте завтра утром». Соглашается. Дома Ядов звонит ребятам, и всю ночь они переписывали статистику с рулонов. Не успели закончить, а «сотрудник» явился поутру и забрал присланное Херцбергом. Так что несчастная глава в книге написана не вполне аккуратно, так как мы рассчитывали разные индексы, которые Фредерик не использовал. Ядов полагал, что информация о его встрече с посланником Херцберга донёс в Москву один друг-болгарин.

Херцберг опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» статью, в которой писал, что трудовая мотивация советских рабочих практически не отличается от американской. Ядов написал в «Вопросы философии» статью под заголовком «Давайте смотреть фактам в лицо». Аргументы те же, что и в недавнем переиздании книги «Человек

и его работа». Получалось, советские и американские рабочие равно различались в их мотивации в зависимости от содержательности труда. С одним «но» — у американцев независимо от характера работы на первом месте находилась озабоченность занятостью, страх увольнения. В переизданной книге есть глава о постсоветской ситуации. Сын Ядова Николай провёл исследование буквально на тех же питерских заводах и рабочих местах, где были заняты молодые сорок лет тому назад. Оказалось, по словам Ядова: «сегодня мы от них не отличаемся».

Но история с Херцбергом на этом не закончилась, лишь прервалась переписка. Когда Ядов стал директором Института социологии РАН во время перестройки, он поехал «руководителем делегации» советских социологов в США. Фредерик, уже совсем не молодой, прилетел в Нью-Йорк со всей семьей. Объяснил, что не писал, чтобы у его советских коллег не было проблем с КГБ. Ядов предложил ему дать статью в «СОЦИС», сам перевел и опубликовал. В 2000 году Херцберг умер.

Рассказанное Ядовым мне о его контактах с Херцбергом было дополнено им в интервью Улфу Химмельстранду, президенту Международной социологической ассоциации (1978—1982), впервые опубликованному в «International Review of Sociology» (Vol. 10. No. 2. 2000). Химмельстранд спросил Ядова, участвовал ли он в конгрессе Международной социологической ассоциации в Упсале в 1978 году. И услышал удививший его ответ: «Нет, не довелось. В это время я был невыездным». Последовал новый вопрос Ядову: «Были невыездным?». Ядов рассказал изложенное выше о его встрече в Вене с посланцем Херцберга, но добавил, что и он, со своей стороны передал данные Херцбергу. И далее: «Когда я вернулся из Вены, ко мне пришли и стали задавать вопросы о том, какие данные я передал Херцбергу, просили показать эти данные... И так далее, и тому подобное. Я показал данные. С этого момента в течение трёх лет мне было запрещено выезжать за границу».

Рассмотренный сюжет оказался довольно затяжным, но в содержательном отношении он очень ёмок. В нём — и портрет Ядова, и обстоятельства работы над известной каждому российскому социологу книгой, и процесс развития советской социологии. Он сам по себе — во многом о «мире Ядова».

Становление профессиональных ориентаций Ядова в значительной мере определила его годовая стажировка в Англию, о ней он потом часто вспоминал на семинарах и в дружеских беседах. Такая возможность открылась в 1963 году, когда ректор ЛГУ — выдающийся математик, тогда член-корреспондент Александр Данилович Александров, интересовавшийся социологией, предложил Ядову отправиться в Америку, а его однокурснику и другу Юрию Алексеевичу Асееву — в Англию. Асеев уже тогда был сложившимся специалистом в области истории западной социологии и не хотел ехать в Англию, так как побаивался встречи там с ректором London School of Economics (LSE), Карлом Поппером, работы которого он критиковал в своих публикациях. Юрий предложил Ядову поменяться странами, и они поменялись.

Первые три месяца Ядов провёл в Манчестерском университете, и первым его наставником был социоантрополог профессор Рональд Франкельберг. Это было совсем не то, что хотел Ядов. Он не был сторонником этнометодологии и предполагал углубить свои знания в области количественной, позитивистской методологии. Затем он сбежал в LSE к социопсихологу Хильде Химмельвайт, которая многому его научила.

В период стажировки лабораторией руководил Здравомыслов, тогда были получены первые результаты исследования и были приняты к печати первые совместные статьи: сборник под редакцией Г. В. Осипова «Социология в СССР» [Здравомыслов, Ядов, 1965b] и сборник Г. Е. Глезермана, изданный Академией общественных наук при ЦК КПСС [Здравомыслов, Ядов, 1965a].

Теперь я хотел бы раскрыть смысл фразы «пользуясь доверием КГБ (ясно, что в Англии «выполнял их задание»)» в его воспоминаниях о поездке в Вену. Это — долгая, в несколько десятилетий история, потому изложу её с некоторыми сокращениями. Начинается она так [Ядов, 2005b: 21—22]:

Естественно, кандидат на стажировку за рубежом подлежал присмотру со стороны Большого дома. Звонит некто, представляется просто как «сотрудник» и предлагает встретиться в Таврическом саду в таком-то месте (дело было весной). Спрашивает, очень ли я хочу поехать, а потом говорит: «Вы понимаете, что должны будете выполнить наше задание?». Я интересуюсь, какое именно. Он говорит, что сам этого не знает, но его коллега в Москве перед вылетом в Лондон объяснит. Как, спрашивает, зовут вашего тестя? — Николай Григорьевич. — Так вот, к вам обратится Николай Григорьевич.

В Москве звонит Ядову в гостиницу человек, представляется Николаем Григорьевичем и назначает встречу возле ресторана «Берлин». Там подходит к Ядову молодой человек с военной выправкой и на главный вопрос о задании повторяет слова ленинградского коллеги о том, что суть поручения изложит очередной Николай Григорьевич в советском посольстве в Лондоне. Там, третий Н. Г., ещё более молодой, формулирует задание — следует подружиться с британским студентом, который может в будущем стать заметной фигурой. Ядов комментировал сказанное словами: «Дело нехитрое, так как, сам понимаешь, проверить мою догадку о будущей карьере студента не смогли бы и десятки николаев григорьевичей».

В общежитии Лондонской школы экономики и политических наук Ядов пристраивался к парню по имени Майк, их комнаты оказались рядом. Парень был из семьи предпринимателя средней руки, и Ядов назвал его в качестве перспективного в будущем политика. Перед отъездом домой Н. Г. из службы атташе по культуре попросил Ядова представить его Майку как своего друга. Приехали они в общежитие, нашли приятеля Ядова в студенческом баре, познакомил он их. На другой день «посольский» продиктовал Ядову текст на почтовую открыточку примерного содержания: «Дорогой Майк. Извини, что долго молчал. Много работы преподавательской и исследовательской. Посылаю с моим другом (пропущено) небольшой сувенир. Надеюсь, тебе понравится. Обнимаю, Володя»; дату попросил не ставить. Далее Н. Г. посоветовал Ядову прервать всякие связи с Майком. Ядов принял эту инструкцию, в чём и дал расписку.

А в завершение этого сюжета приведу слова Ядова:

Через 36 лет меня включают в делегацию Российской академии наук для подписания в Лондоне соглашения о сотрудничестве с Британской академией Её Величества. Получаю по электронной почте письмо: ваш товарищ по LSE, (т. е. мой друг Майк) узнал о вашем визите в Лондон и хотел бы встретиться. У него нет электронного адреса. Сообщите, где и когда это было бы возможно. Визит затягивался, я ушёл с поста директора института и не был включён в делегацию РАН.

Таким образом, насчёт успешности своей деятельности как агента КГБ я остаюсь в неведении...

Возможно, приведённая история открыла Ядову дорогу на симпозиум в Вену, но она не уберегла его от невыездного трёхлетия. А в заключение не могу не привести слова В. Э. Шляпентоха, многие годы дружившего с Ядовым, отметившего в связи с приведённым и другими фрагментами его отношений с КГБ, открытость Ядова, его честность в рассказе своей биографии: «В своём интервью с Докторовым <...> Ядов поразителен в своём бесстрастном описании своего прошлого. В пространном тексте нет места негативным прилагательным в описании того, как обращались с ним, с его друзьями и коллегами. В.А. неконфликтен даже в описании своих контактов с КГБ, особенно, когда он был уже в должности директора Института социологии».

Трудовая, заводская тематика прошла через всю жизнь Ядова. Так, в момент проведения интервью он участвовал в редактировании первого российского теоретико-прикладного словаря «Социология труда». То была идея Будимира Гвидоновича Тукумцева, которого Ядов назвал «мотором» этого проекта, а себе он отвёл роль «шпинделя».

Через несколько лет после интервью с Ядовым у меня состоялась беседа с Тукумцевым, и я попросил его рассказать подробнее о том, что и как делалось, что получилось. Инициатором этой работы, действительно, был Тукумцев, которому в 2001 году показалось целесообразным подвести на грани веков промежуточный итог теоретических и прикладных исследований в сфере социологии труда, которые выполнялись в СССР во второй половине XX века. Необходимо было свести воедино и осмыслить понятийный аппарат, который использовался социологами труда в своих научных разработках и учебных пособиях. Ядов согласился взять на себя роль ответственного редактора при условии, что Тукумцев, один из ведущих в стране исследователей в области «заводской» социологии, станет редактором-составителем. Подготовительная работа над словарем заняла три года. В ней участвовали более пятидесяти авторов из университетов и академических институтов России, а также Белоруссии. Обязанности тематических редакторов взяли на себя известные эксперты в этой области социологии: В. И. Герчиков, С. Г. Климова, В. В. Щербина (Москва), П. В. Романов, В. Н. Ярская-Смирнова и др. Словарь, объёмом в 400 страниц (27,0 п. л.), вышел из печати в издательстве «Наука» в 2006 году. На ежегодном конкурсе социологических изданий, проводимом Российским обществом социологов, ему было присуждено первое место, и все 57 участников этого исследовательского проекта были отмечены «Почётными грамотами Российского общества социологов (РОС)».

Для историка, в какой бы области исследований он не работал, важнейшим вопросом является, «а что было до того?», как возникло то, что, он наблюдает и изучает. Социология труда — одна из тех сфер нашей науки, в которой много было сделано в дореволюционной России. Поскольку среди центральных проблем всего моего историко-социологического исследования с самого его начала была задача поиска корней современного этапа российской социологии, то вполне обоснованным был мой вопрос о знакомстве Ядова с дореволюционными работками по социологии труда.

В более поздние годы, особенно в постперестроечное время Ядов, в частности, как редактор фундаментального коллективного труда по истории социологии России, несомненно имел глубокие представления об изучении труда в дореволюционной России, но в начале 1960-х, когда разрабатывалась программа социологического анализа отношения рабочих к труду, он не был знаком с опытом дореволюционных исследователей, да и не очень интересовался им.

Свой ответ на вопрос о знакомстве с прошлым он начал словами: «...сильно сомневаюсь, что до 1917 г. были публикации в этом именно плане — отношение к труду». И вообще, он полагал, что эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941—1945 и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относившихся к их исследованию, не представлялась высокой. Главная проблема проекта Здравомыслова-Ядова состояла в том, чтобы понять, становится ли труд первой жизненной потребностью, как декларировалось в 1960-е, тогда как дореволюционная рабочая Россия была, по его мнению, великолепно описана классиками литературы и представлена бурлаками Репина и «Эй, ухнем!» шалыпинским басом. Тогда не было загадки с мотивацией труда, он был полурабским. Ядов писал: «После Октября Троцкий инициировал „трудоармию“, в Отечественную все жили единственной мыслью: „мы за ценой не постоим“ и далее — „восстановим народное хозяйство во что бы то ни стало“. Бригады коммунистического труда в хрущевское время — вот что нам было интересно. В последней книге приведены статистики, которые говорят о том, что участники этих бригад по индексам ответственности и продуктивности ниже средних! Правда, и в первой публикации мы писали, что „ударники“ часто говорили, что не знают, участвуют ли в этом движении» [Ядов, 2005а: 8].

Учебник для всех поколений

Выше, при рассмотрении автореферата докторской диссертации Ядова, отмечалось, что в то время все его публикации можно было примерно поровну разделить на две группы: относящиеся к изучению трудовых отношений и фокусированные на анализе проблем методологии социологического исследования. Также в автореферате отмечалась готовность книги «Человек и его работа», которая планировалась к выпуску в 1966 году, но была опубликована в 1967-м. Однако, скорее всего, Ядов не знал, даже не допускал того, что совсем скоро появится другая его книга, в которой он подытожит свой опыт в области методологии социологии и у которой будет не менее яркая судьба, чем у первой его книги. Содержание этой методологической книги, она вышла в нескольких изданиях под несколько различающимися названиями, известно практически всем социологам, живущим на постсоветском пространстве, но историю её рождения знают немногие. Послушаем Ядова, но прежде я замечу, что главный герой предлагаемой истории — Уло — это эстонский социолог, хорошо известный российским социологам старших поколений как Юло Вооглайд. Ядов писал, что Юло — неверное произношение имени Вооглайда [Ядов, 2005а: 16]:

Я читал курс в ЛГУ на философском факультете, а в нашу социологическую лабораторию приезжали эстонцы, Уло в первую очередь. Однажды мы приняли целую компанию Уло и даже вывесили приветствие «Tule teremast» — «Добро пожаловать!»

Уло пригласил меня прочитать курс по методологии в Тартуском университете и издать стенограммы. <...> я воспарил. Живу в маленькой гостинице «Park», на втором этаже, спускаюсь к завтраку, хозяйка приносит именно мой завтрак и к тому же спрашивает: «Когда Вам принести кофе в номер?» Полный отпад. Другой мир. Эстонский первый секретарь партии Кэбин прикрывал свой народ. Московские партократы ничего не понимали, пока им не перевели. Горбачёв также. Он прибыл в Эстонию после визита в Латвию и говорит: «Дорогие латвийские товарищи». Потом, после подсказки ливрейного лакея: «Плохо, что мало кто из эстонцев знает русский». Министр культуры (женщина) бросает реплику: «Михал Сергеич, кто у нас не говорит по-русски, плохо знает и эстонский».

Итак, я живу в семейной гостинице, утром читаю лекцию, к полудню слушаю аудиозапись, к ночи — текст раздела учебника.

А всё развивалось так. Эстонские коллеги Ядова попросили ректора Тартуского университета обратиться к своему ленинградскому коллеге командировать Ядова на месяц для чтения лекций «Основы социологического исследования». Лекции читались через день, с 16 до 20 часов, чтобы их могли прослушать все желающие. Большая аудитория главного здания была полностью забита, студенты сидели на подоконниках и на полу. Лекции записывались на пленку, на следующий день они перепечатывались и пересылались Ядову в гостиницу для редактирования. А теперь — воспоминание Вооглайда об этой работе [Вооглайд, 2009: 464]:

Последние чистовики (второй раз перепечатанный текст) Ядов получил в автобусе, который через две минуты должен был выехать в Ленинград. Ещё пару недель пошло на окончательную шлифовку текста. Потом в Ленинград за текстом приехал курьер, текст перепечатали на самоновейшей печатной машинке на ротапринтной бумаге со специальной рамкой, и через два-три месяца от начала цикла лекций в августе 1968 г., на свет появился первый учебник социологии в так называемом социалистическом лагере. Почему мы так спешили? Время было столь переменчивое, а мероприятие столь важное и опасное, что каждый день на этом пути мог стать последним. Мы подготовили учебник до того, как его успели прочитать те, кто мог бы (и должен был бы) его запретить.

И завершает свой рассказ Вооглайд словами о том, что отовсюду, куда была направлена книга, пришли поздравления и заказы на 400—700 экземпляров. Но весь тираж был 500 экземпляров.

Теперь понятно, почему Ядов писал, что книга «Методология и процедуры социологических исследований», родившаяся в Тарту в 1968 году, с серенькой мягкой обложкой грела его душу больше, чем последующие издания — с твёрдой обложкой и фотографией автора на обороте.

Приведённый рассказ даёт нам возможность кратко затронуть принципиальную при изложении биографии Ядова тему, которую можно назвать «Ядов и Эстония». О важности этого уголка «мира Ядова» говорят его слова: «Эстонию я люблю, это моя вторая малая родина. Хутор купили более 20 лет назад. Деньги одолжил Игорь Кон, который их не считал, хотя жил более чем скромно. В гостях говорил: „Мне пора, метро закроют“. Делился своими финансовыми проблемами: „Я сейчас покупаю машины“, то есть одалживает на авто. На Мадридском конгрессе Международной социологической ассоциации таксист упёр всё моё имущество,

как только я вышел из машины: чемодан с бумагами, сорочки и галстуки. Игорь сказал: „Володя, я приехал за счёт Академии, но здесь получил деньги как председатель сессии. Бери“».

И в другом месте нашей беседы: «Я чувствую себя на эстонском хуторе очень комфортно. И полюбил этот народ. Он совсем другой. Имперских притязаний нет, сами освоили землю, где прошёл ледник. До сих пор на нашем маленьком участке при пахоте вылезают камни. А на больших полях — груды валунов, и старые дома построены из таких камней. Они свою землю выстрадали. Слово таа — „земля“ — употребляется во многих сочетаниях, близких по смыслу к понятию „Родина“. Мой хутор официально обозначен на карте земельного департамента как *Jadovimaa „Kastani“*. Каждый хутор должен иметь своё название. Дочь ближнего соседа предложила — назвать „Каштан“, потому что, когда мы там поселились, в ряду елей и берёз был еле живой каштан, который мы возродили к жизни. Не только цветёт, но деток производит».

Один эпизод из жизни Ядова на хуторе, рассказанный Юло Вооглайдом, одновременно покажет широкую известность Ядова в Эстонии и жизненность, естественность его поведения. Многие старались помочь Ядову жить на хуторе, но он всё же стремился быть самостоятельным. Купил себе мопед и стал ездить за хлебом. Он стремился обгонять бегущих по дороге собак, и если удавалось, то смотрел через плечо на отставших, но однажды не заметил камень на дороге. Результат: несколько переломов, гипс, на всё лето костыли. Вот в таком виде он оказался в близлежащем городе Раквере на автовокзале, ждал автобуса, чтобы вернуться на хутор после врача. Его заметила там женщина, которая в студенческие годы слушала его лекции, и стала звонить знакомым. «Представляешь, — говорила она, — что мы тут видели. В Раквере на автовокзале сидит бродяга, рядом шапка и костыли, а лицо — ну точно как у Ядова! Есть же на свете похожие люди!».

Отношения Ядова с эстонскими коллегами завязались в середине 1960-х, но в истории развития советской социологии, особенно — исследований массовой коммуникации и общественного мнения, а также всего комплекса использования методов сбора и анализа социологической информации большое значение имеют конференции, проходившие на спортивной базе Тартуского университета в Кяэрику (иногда, Кяярику; Kääriku) в 55 километрах от Тарту. Вот мнение Ядова: «Встречи в Кяэрику — событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода „западом“. Языка московские начальники не понимали, и генсек Эстонской компартии Иоханнес Кэбин точно играл роль „крыши“. В Кяэрику участники собраний чувствовали себя, примерно, как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали, как шестидесятники, если переводить на язык идеологии». Организаторами, моторами этих встреч были Вооглайд и Ядов.

Приходится признать, что среди российских социологов осталось крайне мало живых участников (я к ним не принадлежу) тех событий, ведь всё это было полвека назад. Тема первой встречи в октябре 1966 года была «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации»; второй, в 1967 году — «Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация»; на третьем семинаре в 1968 году обсуждалась проблема «Личность и массовая коммуникация».

В 1969 году состоялась четвёртая и последняя встреча социологов. Итоги работы трёх первых семинаров отражены в сборниках, но публикацию материалов четвёртого запретили партийные органы республики. В 2010 году, постоянный участник этих встреч, тартуский профессор Леонид Столович писал: «Пустыня уже грозно надвигалась на оазис» [Столович, 2010b: 14]. Во встречах участвовали молодые учёные, имена которых навсегда вписаны в историю отечественной социологии: В. А. Ядов, И. С. Кон, Б. М. Фирсов, А. Г. Харчев из Ленинграда, Ю. А. Левада, Б. А. Грушин, Л. А. Седов из Москвы. Свердловчане Л. М. Архангельский и Л. Н. Коган со своими сотрудниками, из Новосибирска приезжал — В. З. Коган, из Латвии — А. Милтс. Были москвичи: методолог Г. П. Щедровицкий, философы П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов. Одно из заседаний вёл Ю. М. Лотман. Активнейшую роль в организации встреч и в обсуждениях играли эстонские социологи: Марью Лауристин, Яак Аллик, Пеэтер Вихалемм, Ассер Мурутар, Пауль Кенкман, Миик Титма. Впоследствии они стали видными социальными аналитиками и политическими деятелями независимой Эстонии, представляющими разные политические течения. И Ядов весьма гордился тем, что Сенат Тартуского университета избрал его профессором *honoris causa*, единственным из российских обществоведов.

Итак, сначала (1968 год) тиражом в 500 экземпляров (в библиографической карточке Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге указано — 2000 экз.) появилась книга «Методология и процедуры социологических исследований». Выше приведённые слова Воглайда констатируют, что спрос на неё был огромный; большая часть книг разошлась в Эстонии и Ленинграде. Осенью 1972 года под эгидой АН СССР вышла ставшая вехой в истории российской социологии книга «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы». С учётом того, что социологов в те годы было немного и социологического образования в стране не существовало, тираж в 11 тысяч казался немалым. Но потребность в такой книге была весьма значительной, и книга была раскуплена мгновенно. Правда, поскольку книга вышла в издательстве «Наука», её приобрели библиотеки многих вузов и крупные городские библиотеки. В то время уже были книги по социологии Г. М. Андреевой, Б. А. Грушина, Ю. А. Замошкина, А. Г. Здравомыслова, И. С. Кона, Ю. А. Левады, Г. В. Осипова, существовала «Социология для всех» В. Э. Шляпентоха, но нужен был учебник. Новая книга Ядова и стала таковым, на долгие годы.

В книге 1972 года в силу каких-то причин не было указано Тартуское издание, таким образом, многим читателям этот факт остался неизвестным. Книга, вышедшая под тем же названием и тоже в «Науке» в 1987 году (тираж — 8000), представлена как «Издание второе, переработанное и дополненное». Хотя в действительности это была уже третья версия методологической книги Ядова.

Когда я проводил интервью с Владимиром Александровичем, я не знал, что эта книга в дополненном и переработанном виде живёт под именем «Стратегия социологического исследования»; потому и разговора о ней не было. Ядов сказал мне о ней лишь во втором интервью, в самом конце, когда уже не было возможности «раскручивать» эту тему. Впервые сообщила мне об этой книге Виктория Владимировна Семёнова в ходе нашего интервью в 2010 году, но как-то мимоходом. Рассказывая о своей книге «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (1998 г.), она заметила, что «Потом, в более коротком и обнов-

лённом варианте содержание этой книги вошло в мою главу в книге В. А. Ядова «Стратегия социологического исследования». Эта работа ни разу не обсуждалась в нашей переписке с Ядовым, и я вспомнил о ней лишь в процессе написания этой книги.

Естественно, первым делом я написал письмо Виктории Семёновой: «...пожалуйста помогите... затеял я написать небольшую книгу о Ядове... <...> в нашем интервью вы писали о своём участии в книге В. А. «Стратегия социологического исследования»... согласно статье в Вики, эта книга выходила в 3-х изданиях... как эта книга соотносится с Ядовской книгой «Социологическое исследование: методология. программа, методы?».

Из ответа Семёновой стало ясно, что «Стратегия социологического исследования» возникла при очередном предложении Ядову переиздать «Социологическое исследование...». Тогда он решил расширить её, в частности, пригласил Семёнову написать главу «Качественные методы...». На мой вопрос о целях появления этой главы, Виктория Семёнова ответила:

Мне кажется, что всё достаточно просто, по-моему, я говорила вам это ещё в моём интервью. В. А. Ядов обладал удивительным качеством не отвергать сходу всё незнакомое и новое в науке, даже если он не был уверен в реальном его потенциале и не был приверженцем данного направления. По-китайски — пусть расцветают все цветы. Или по принципу: я не верю, а вдруг в этом что-то есть? Поэтому он, как директор института, и не отверг предложение Берто о сотрудничестве с институтом и не закрыл сходу наши студии по качественным методам и биографиям. Хотя его позиция может быть озвучена следующим образом: конечно, это ерунда, но ею почему-то стали интересоваться в разных странах, может, в этом что-то и есть — это его аргументация для журнала СОЦИС, когда шла речь о публикации статьи Елены Рождественской в журнале. Отсюда его предложение включить главу о качественных методах и поддержка темы моей диссертации. Но сам он тогда совсем не разделял этих идей.

Тот факт, что книга «Стратегия социологического исследования» оказалась востребованной, она была издана в 1998 году [Ядов, 1998] и переиздана в 1999 [Ядов, 1999] и 2000 [Ядов, 2000], и 2007 [Ядов, 2007] годах, хотя в свой основе это была работа рубежа 1960-х — 1970-х, говорит о том, что «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы» опередила время на несколько десятилетий и осталась полезной даже после появления других учебников и учебных пособий. Добавлю, что обращение к каталогу Российской национальной библиотеки в СПб выявило ещё одно издание книги «Социологическое исследование...», оно состоялось в 1995 году в Самаре [Ядов, 1995].

Что можно сказать? Редкостная судьба научной книги...

Вернусь к словам Ядова о том, что участники встреч в Кязрику говорили то, что думали, а думали, как шестидесятники, если переводить на язык идеологии. Конечно «Методология и процедуры социологических исследований» могли родиться лишь в подобной обстановке. Обратимся к книге А. Г. «Методология и процедура социологических исследований» [Здравомыслов, 1969], она увидела свет годом позже Ядовской работы. Оба автора проделали во многом общий путь к своим методологическим книгам: получили образование у одних и тех же профессоров,

по воспоминаниям Здравомыслова, они оба впервые в марте 1957 года на заседании кафедры исторического материализма слушали выступление участника III Всемирного социологического конгресса, главного редактора журнала «Вопросы философии» М. Д. Каммари и впервые услышали слово «социология». Они оба стояли у истоков первой в стране социологической лаборатории, одновременно осваивали Гуда и Хатта (Здравомыслов был одним из переводчиков этой книги), провели исследование, завершившееся «Человеком и его работой», думали о совместной защите докторской диссертации, но вскоре от этого замысла отказались; успешно защитили докторские диссертации методологической направленности с разницей в два года (Ядов — в 1967 году, Здравомыслов — в 1969 году).

Что же определило различия в направленности и содержании книг Здравомыслова и Ядова? Более того, в их судьбах? Я бы назвал две основные причины. Первая, Владимир Александрович прошёл стажировку в Англии и не только приобрёл там новое видение методологии и методов социологии, но стал свободнее в своём понимании социологии в целом, чем до обучения за границей. И вторая, она по сути указана выше, в ходе лекций в Эстонии он мог говорить то и так, как думал. Андрей Григорьевич в те годы не имел опыта повседневного общения с западными специалистами, участия в дискуссиях с ними, и к тому же читал свои лекции в закрытом учебном заведении — Ленинградской высшей партийной школе. Ядов имел возможность размышлять как «шестидесятник», Здравомыслов был вынужден придерживаться требований, присущих системе партийного образования. Я тогда начинал работать в социологической группе, руководимой Андреем Григорьевичем, и постигал азы социологии на этих лекциях.

Диспозиционная теория личности

В конце 1960-х Ядов начал ещё один проект, тогда для многих открывший «нового» Ядова, социолога и психолога, специалиста по мало знакомым подавляющему числу социологов многомерному корреляционному и факторному анализу. Причём, эти математические методы были не «украшением», иллюстрацией владения учёным тонкими технологиями, а сущностной частью его теоретико-методологической концепции. Ниже будет приведено воспоминание Владимира Александровича о рождении его диспозиционной модели личности, и в ней не упоминается присутствие в тот момент в его сознании тех или иных ассоциации по поводу познавательных возможностей факторного анализа. Но я думаю, если бы он на тот момент не знал о существовании этой технологии, не понимал бы её природу, скорее всего многое в его базовом видении диспозиционного устройства личности было бы иным. В постановочной части его исследования Ядов предстает как социолог, но далее он становится психологом личности, учеником и последователем Бориса Герасимовича Ананьева.

Когда в интервью я спросил Ядова, читался ли им в университете курс психологии, он начал свой ответ словами: «Вопрос приятный, есть что вспомнить, спасибо» и добавил: «На факультете работали светочи советской психологии Борис Герасимович Ананьев и Владимир Николаевич Мясищев. Б. Г. можно сказать, меня любил. Приглашал поговорить, в том числе и о социальной психологии. Он не очень восторгался идеей возрождения социальной психологии и намного больше был

озабочен системным, междисциплинарным подходом к человеку и личности». Один разговор с Ананьевым особенно хорошо запомнился Ядову, Ананьев говорил об индивидуальной неповторимости личности и, в то же время, о формуле Маркса «личность есть ансамбль всех социальных отношений». По мнению Ядова, Ананьев трактовал высказывание Маркса в том смысле, что имеет место гармония традиций культуры, единства онто- и филогенеза. Для него в то время это было откровением, но с позиций сегодняшнего дня это ананьевское толкование виделось Ядову совершенно современным.

С Мясищевым Ядов не был столь близок, но и к нему он нередко обращался за советами. Теория социальных отношений личности Мясищева имела огромное влияние на разработку Ядовым диспозиционной концепции. В своё время Мясищев был ярким сторонником идеи коллективной рефлексологии Бехтерева, а Ядов видел в ней идею воздействия непосредственного окружения человека на его поведенческие намерения. И вот, когда Ядов готовился к стажировке в Англию, Ананьев дал ему задание досконально изучить кластерный анализ. Факторный анализ, который родился внутри психологии, был к тому времени знаком советским психологам, а кластерный — нет.

Таким образом, к концу 60-х, после возвращения Ядова из Англии, он в целом представлял возможности корреляционного, факторного и кластерного анализов, и уже в силу этого имел представление об идее иерархии свойств личности (отправной точке рассуждений Чарльза Спирмэна при разработке базовой модели факторного анализа), а также знал о существовании скрытых, не наблюдаемых аналитиком переменных, которые объясняют взаимоотношение наблюдаемых рациональных и эмоциональных свойств индивидов.

Теперь приведу воспоминание Ядова о том, как возникла идея диспозиционного подхода и произошёл прыжок от «человека и его работы» к этой концепции [Ядов, 2005а: 11]:

Расскажу подлинную историю «изобретения» диспозиционной концепции. Как было дело? Я очень интересовался «эффектом Лапьера», суть которого в том, что аттитуды не согласуются с реальным поведением человека. Но мы-то фиксируем именно социальные установки вроде нынешних опросов: «За кого будете голосовать?» Респондент отвечает, но что из этого следует? На моём «чердаке» среди прочего валялась теория систем (Берталанфи и др.), и вдруг озарило: а не являются ли поведенческие намерения одним из элементов иерархической структуры чего-то. Позже пришёл в голову термин «диспозиции личности», то есть метафора из воинской терминологии (стратегия, тактики...). Метафора, уверяют психологи, — пусковой механизм идеи. Со своего «чердака» я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку. Ты знаешь, она социо-педагог. Люка говорит: это же открытие! Для начала я прикончил остававшийся коньяк, а утром позвонил Лёше Семёнову, моему молодому сотруднику, психологу по базовому образованию.

Лёшка немедленно приехал и тоже восхитился. Начали думать вместе. Он говорит: системы, хорошо, но они же разные. Есть открытые и закрытые, иерархические и проч. Что пишет В. А. Геодакян — главный в то время советский автор, который защищал кибернетику, в основном иллюстрируя Берталанфи примерами из эволюции живых организмов? В иерархических системах, говорил Лёшка, высшие

уровни доминируют. Примитивный мозг лягушки позволил ей жить и в воде, и на суше. Рыба-дура не смогла так приспособиться. Может, ценностные ориентации личности эту доминирующую функцию в человеческом поведении и исполняют? Это был некий прорыв, и мы оба независимо друг от друга что-то набросали, а потом собрались всем сектором. Горячо обсуждали и в конце концов сочинили исследовательскую программу, которая легла в основу проекта «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности».

И затем [Ядов, 2005а: 12]:

Первые журнальные публикации были в соавторстве, а потом как-то имена моих коллег выпали, и остался Ядов. Роберт Мертон открыл в социологии науки «эффект Матфея». Разослал в разные журналы уже опубликованные ими же статьи, но с подписью неизвестных авторов. Ни одна не была принята! Научный авторитет автора оригинала статьи был решающим. Видимо, эффект Матфея сыграл свою роль, и благодаря ему Ядов стал единственным автором теории. Облегчает совесть то, что идею всё же предложил я.

В такой версии Ядов использовал данный фрагмент нашего интервью во втором издании книги по диспозиционной теории [Саморегуляция..., 2013] и пояснил в примечании, что под «чердаком Берталанфи» он имеет в виду сравнение Марио Бунге, философа и логика, интуиции с действиями некоего мастера, хранящего на чердаке своего дома всякий ненужный хлам. Когда ему понадобится некий инструмент, он отправляется на чердак и находит его, как бы интуиция высвечивает. Ядов пишет: «Мораль: из массы накопленных знаний вдруг является «полезное к случаю»».

В самом интервью он тоже не обошёл комментарием тему «чердака», но сделал это несколько иначе: «Деликатный вопрос насчёт собственно творчества. Мне нравится высказывание канадского философа Марио Бунге насчёт творческих способностей. Он пишет: немало тех, кто обладает обильными знаниями; часто эти знания — как хлам на чердаке, в полном беспорядке хранятся в его памяти. Но есть и такие, кто способен осветить хлам фонариком и взять нужное. Это — интуиция».

И ещё, в середине повествования о возникновении замысла диспозиционной концепции Ядов вспомнил об участии в этом проекте Владимира Самуиловича Магуна, в предисловии к книге этот сюжет отсутствует, ибо он напрямую не относится к процессу зарождения Ядовской теории, но здесь я его приведу. И не только для того, чтобы передать всё описание Ядова в исходной, оригинальной форме, но чтобы показать стиль работы Владимира Александровича и его отношение к коллегам [Ядов, 2005а: 12]:

Очень заметный вклад внёс Володя Магун, он — неповторим. Мы писали с ним и главу в «саморегуляции», и раздел в учебник по социопсихологии. Встречались у меня. Помнишь? Потолки два семьдесят и квадратные метры не хуже. Принадлежала хирургу онкологу, который построил «храм на метастазах», не имея наследников. Устроила обмен из коммунальной однокашница, ставшая первым секретарем райкома, в каковом районе мы жили. Часами спорим с Володей. Он — кремьень. Мне надоедает, и соглашаюсь с его аргументами. Звонит, мерзавец, и спрашивает: «В.А., почему вы со мной согласились? Я считаю, надо ещё поговорить». Он просто изводил.

В моей классификации придурков Володя — придурок хасидского типа (Замечу, здесь Ядов следует Батыгинской классификации учёных, в которой «придурок» — высший тип, способный заниматься исследованиями ради истины, как он её понимал). Хасиды веками ломают голову над Ветхим Заветом. Геннадий Батыгин подарил мне книгу «Еврейские мудрости», перевод с польского. Там толкуется Ветхий Завет для совсем тупых. <...> Володя Магун — человек, который озабочен вопросом: на верном ли он пути в решении какой-то научной проблемы?

Естественно, в процессе работы над этой книгой, я не мог не обратиться к Владимиру Магуну, которого знаю с моих аспирантских и его студенческих лет, а потом мы вместе работали в социологическом отделе Института социально-экономических проблем АН СССР под руководством Ядова.

Комментируя первую часть рассказа Ядова, Магун вспомнил мало известную историю с участием в диспозиционном проекте Эдуарда Викторовича Беляева, эмигрировавшего во Францию в 1976 году, а через год перебравшегося в США. Магун писал:

По-видимому, большой вклад в создание этой теории внес Э. Беляев. Я же ещё не работал в секторе, когда они сочиняли теорию, но уже позже, когда писали книгу «Саморегуляция» [Саморегуляция..., 1979] (и когда Беляев уже в Америке был) и я уже работал в секторе. Я обратил внимание на то, что Ядов вставил в рукопись книги ссылку на Э. В. Чернова — человека с такой фамилией не существовало, и я догадался, что Ядов таким образом зашифровал Беляева (книга вышла при советской власти, в 1979 г., и он опасался упоминать эмигрировавшего сравнительно недавно Беляева). Может я даже это не в рукописи, а в уже опубликованном тексте заметил фамилию Чернова, не помню сейчас. Ссылка в книге относится к такой фразе «Попробуем представить себе, каков процесс формирования поведенческих планов и программ с точки зрения изложенной выше гипотезы [Саморегуляция..., 1979: 30]. Ссылка звучит так: «В разработке этой гипотезы активное участие принимал Э. В. Чернов». А под «этой гипотезой» фактически имеется в виду вся эта диспозиционная теория, отсюда я заключаю, что Ядов признаёт вклад Беляева, о котором в разговоре с тобой он вообще не упомянул. Это кстати тем более вероятно, что именно Эдик хорошо разобрался в «системной» литературе. Смех в том, что когда в 2013 г. Ядов переиздал «Саморегуляцию», то он сохранил эту сноску в первоизданном виде — вместо того, чтобы Чернова на Беляева заменить [Саморегуляция..., 2013: 44]. Я к этому переизданию не имел отношения (кроме того, что по просьбе В. А. высказал замечание по его новому тексту для этого издания) — иначе бы обратил внимание и предложил бы восстановить Беляева (заодно бы и обсудили с ВА эту попытку использования Эзопова языка).

Собственно, о своём участии в проекте Магун написал, что в период создания диспозиционной теории он не имел отношения к ней, возможно, лишь участвовал в обсуждениях, но не более того (у Ядова он начал работать в 1974-м). Но в 1974 году, когда он пришёл в сектор, начинался период активного анализа эмпирического материала, собранного по проекту «Регуляция социального поведения». Он не запомнил точно, как проект назывался, но вспомнил важную «деталь», что в названии исследования было слово регуляция, которое по его предложению

было заменено на «саморегуляцию». И вот тут как раз и происходили его споры с Владимиром Александровичем, частично они были связаны с диспозиционной теорией. Магун отметил, что относился критически к теоретическим построениям, обращал внимание на нестыковки и внутри теории, и между теоретическими схемами и эмпирическим материалом.

В период проведения интервью с Ядовым я не знал о том, что в тексте книги в одном из примечаний он заменил фамилию Беляева на Черняева, я читал книгу и был в добрых отношениях со многими участниками проекта, но не обратил внимание на не известную мне фамилию. Но этот факт описан в интервью с Эдуардом Беляевым, которое состоялось несколькими годами позже разговора с Ядовым. Вот мой вопрос: «Можно допустить, что тебе не очень были по душе эмпирические исследования Ядова, но в проекте по ценностным ориентациям ты участвовал. Там ведь был простор и для твоих построений...». Приведу полностью ответ Беляева: «Дело, конечно, не в Ядове. Я работал у него с удовольствием, потому что там была по-настоящему творческая атмосфера, коллективная работа и дружеские отношения. То, что мне не нравились опросы и что на этом всё строилось, я никогда не скрывал, после того как понял, что собственно такие опросы. Я говорил об этом на наших лабораторных обсуждениях. Так что это ни для кого не было секретом. Я участвовал в «ценностных ориентациях» полностью в построении концепции и вплоть до окончания сбора эмпирического материала. Я был уволен из института в 1973-м. В предисловие к книге Ядов включил упоминание обо мне, назвав меня Черняевым (по его собственному объяснению в личной беседе мне и другим). Это понятно, поскольку я был *persona non grata*» [БД: Здесь Беляев не точен, Ядов назвал его Черновым].

Не могу не привести ещё один фрагмент из беседы с Беляевым, в нём — о поведении Ядова в очень сложной жизненной ситуации, в которой в те годы многие «сдавались». Беляев вспоминал: «На следующий день после официальной регистрации [Б. Д.: Беляев имеет в виду свой брак с француженкой] я был уволен из Института, но был выпущен из СССР только через три года, будучи три года без работы. Меня, конечно, никуда не принимали. Получение характеристики на отъезд в нашей лаборатории, которая была привязана по партийной линии к Ленинградскому отделению Академии наук (потому присутствовали на том собрании не только члены нашей лаборатории), вылилось в неприличный спектакль. Я понимаю необходимость занять официальную позу и «разоблачить врага народа», чтоб другим неповадно было, но есть границы приличия, и Володя Ядов остался в этих рамках, в отличие от ряда других».

Логика диспозиционной теории непроста, её освоение предполагает наличие хорошей подготовки в области исследований личности; одновременно — весьма сложен (во всяком случае так было в 1970-е) математический аппарат, использованный Ядовым: факторный и корреляционные анализ, построение индексов, регрессионные схемы. У меня есть право на такой вывод, ибо в конце 1960-х я направленнно занимался методологией факторного анализа, более широко — многомерного статистического анализа, и консультировал сотрудников лаборатории, которую возглавлял Б. Г. Ананьев, выступал на их семинарах и при поддержке Бориса Герасимовича защитил в 1970 году кандидатскую диссертацию по психологии. Предметом моего исследования были история факторного анализа и ме-

тодология его использования в психологии. Я помню, с каким трудом психологи осваивали даже значительно более простые методы матанализа, а факторный анализ многими воспринимался как «китайская грамота».

В историко-научковедческом плане было бы интересно проследить, как менялось изложение Ядовым основ диспозиционной теории, какие аргументы приводились им в обосновании иерархического строения ценностного синдрома личности. В коллективной монографии «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности», вышедшей под редакцией Ядова в 1979 году, в качестве первой публикации по этой теме указывался сборник «Личность и её ценностные ориентации», вышедший в виде двух выпусков Информационного бюллетеня ИКСИ АН СССР в 1969 году. В библиографической карточке каталога Российской национальной библиотеки в СПб приведён и подзаголовок «Материалы изыскательского проекта «Соотношение ценностных ориентаций и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга». Но ни в книге 1979 года, ни на библиографической карточке издания 1969 года не указан редактор сборника. Скорее всего, им был Ядов, но — возможно — им был кто-либо не из участников исследовательского коллектива.

В каталоге Российской национальной библиотеки в СПб отмечена небольшая книжка «Личность как объект и субъект социальных отношений (попытка построения диспозиционной концепции личности)». Она не указана Ядовым в работе 1979 года скорее всего потому, что на ней имеется гриф «Для служебного пользования». Автором этой книги является В. А. Ядов, но в карточке нет данных о том, какой институцией была издана эта книга.

В ходе интервью меня интересовал взгляд Ядова на отношение его советских коллег к диспозиционной теории. Согласно его ответу, в российских энциклопедиях и словарях по социологии и психологии диспозиционная концепция, как правило, присутствует. В многократно переиздаваемом учебном пособии по социальной психологии Г. Андреевой она изложена, по мнению Ядова, даже лучше, чем он это сделал бы сам. Отметил он наличие фрагментов его текстов в двух-трёх ридерах нового поколения. Назвал тех, кто продолжал разработку диспозиционного подхода: В. Чичилимова и В. Хмелько; заметил, что он сам с аспирантами работал в этом направлении. Говоря о зарубежных аналитиках, Ядов указал лишь Милтона Рокича.

Уже через несколько лет, во втором интервью с Ядовым, продолжая обсуждать с ним взгляды Бориса Андреевича Грушина на феноменологию общественного мнения, я попросил Ядова рассмотреть в чисто теоретическом плане возможности приложения выводов диспозиционного анализа к пониманию массового сознания. Ответ Ядова оказался столь обширным и многоплановым, что требует его детального рассмотрения.

Прежде всего, Ядов подчёркивал, что массовое сознание Грушин, в отличие от Ортега-и-Гассета, видел не как деиндивидуализированное, индокринированное тотальной пропагандой, но как восприятие многочисленными группами определённых событий, явлений и т. п., притом по-разному. Потому, по мнению Ядова, диспо-концепция вполне схватывает специфические особенности массового сознания социальных групп в его Грушинской трактовке. В электоральных опросах,

считал Ядов, фиксируются различия в доминирующих ценностях и одновременно в диспозициях двух нижележащих уровней: отношение к некоторой типичной жизненной ситуации (например, выборам Президента) и к поведенческой готовности (намерен ли участвовать в голосовании). Обычно спрашивают: «Каковы Ваши общественно-политические ориентации (свободный рынок или рынок с участием государства)?» и «Если сегодня выборы, пойдёте голосовать (варианты действий)?»

Далее Ядов обращал внимание на проблемы, связанные с влиянием общесоциальных условий на диспо-регуляцию социального поведения людей и отмечал, что проверить характер, формы этого влияния можно с помощью методик, созданных ещё в 1970-х при разработке диспозиционной теории. И здесь же — печальное: «Можно ожидать, что любителей выполнять сложную работу сегодня окажется гораздо меньше, чем тех, кто захочет быстренько сплавить чертёж, сделанный по привычному шаблону».

По-видимому, находясь в «облаке» воспоминаний Ядов отмечает, что в такой работе следует вычислять корреляционные графы по Л. Выханду, чтобы установить прямые и опосредованные взаимосвязи между тремя диспо-уровнями. Имеются серьёзные основания ожидать «отслаивания» высшего уровня с доминантой когнитивной от нижележащих. Исследование такого типа гарантирует добротную кандидатскую защиту. Сегодня, замечу, корреляционные графы, предложенные в 1960-х эстонским биометриком Лео Выханду, скорее — знак времени, чем эффективный инструмент анализа сложных корреляционных структур.

Жанр историко-социологического, но не просто узко-биографического исследования жизни и творчества Ядова позволяет мне привести ещё один его текст о рождении диспозиционной концепции. Его название — «Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция» [Ядов, 2015], и его содержание во многом близко к рассмотренному выше, но есть в нём и новое. Во-первых, здесь есть ряд деталей, которых не было в версии, содержащейся в интервью. Во-вторых, он вводит читателя в «творческую лабораторию учёного», показывает, как зарождалась одна из известных теперь концепций «социологической психологии» (термин, предложенный И. С. Коном). И, конечно же, этот текст — абсолютно «Ядовский»: разговор об очень серьёзном, о том, что Ядов считал одним из важнейших своих достижений в науке, но без «нажима», без «бронзы» в голосе, с юмором. Безусловно, это не тот материал, что в утерянной папке (смотри выше письмо Ядова 4 мая 2010 г.), тем не менее, он крайне полезен. Электронное письмо от 23 мая 2010, к которому был приложен приводимый ниже текст, было весьма кратким: «Боря, сегодня от нечего делать, стал набрасывать «мемуар». Он не закончен. Посмотри. Привет». Жаль, конечно, что больше таких «бездельных» дней у Владимира Александровича не оказалось, и текст остался незаконченным.

Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция⁶

Эту историю я описываю по памяти, т. к. никогда не относился серьёзно к архивам и больше того — выбрасывал разные записи в знак завершённой работы. А жаль. История с разработкой диспозиционной концепции саморегуляции соци-

⁶ Текст этой статьи получен Б. З. Докторовым от В. А. Ядова 23 мая 2010 года; см. [Ядов, 2015].

ального поведения личности может быть интересной с точки зрения умственного процесса.

Когда мы начали в ИКСИ при Руткевиче проект «Ценностные ориентации», там действовало правило: если проект солидный, судя по замыслу и детальности разработки программы и полевых инструментов, то данное подразделение из статуса «группы изыскательского» проекта преобразуется в «отдел генерального проекта». Это означало финансирование полевых исследований и возможность пригласить на работу новых сотрудников. Мы же, находясь в Ленинградском филиале Института, испытывали все отсюда вытекающие трудности: ни машбюро, ни возможности договориться с коллегой и хотя бы временно попросить его лаборанта в качестве интервьюера.

Концепцию исследования разрабатывали, собираясь примерно через день-два после распределения на предыдущем семинаре «домашних заданий». Задания сводились к поиску нужной литературы. Я был руководителем сектора «изыскательского проекта», сменив в этой должности Игоря Кона. Игорь между тем непременно участвовал в наших посиделках. После очередного сообщения кого-либо из команды он как правило заключал: это известно и подвергается критике такими-то авторами. Мы распределяем новые задания на дом и, спустя время — аналогичный вердикт всё знающего Игоря Семеновича.

Между тем, сидя в своём кабинете на улице Чайковского, где после выезда одной семьи в большой коммуналке мне досталась огромная комната с застеклённым эркером, я предавался размышлениям. Пытался как-то связать усвоенное из литературы. Что именно?

Милтон Рокич, парадокс Лапьера и попытки разрешить парадокс, как мы их называли, «аттитюдниками» (МакГайр и другие), Дмитрий Узнадзе и Владимир Николаевич Мясичев — основные источники. Всё это никак не связывалось меж собой.

Что следовало связать? Ценностные ориентации субъекта и его реальное поведение. Но не напрямую, так как общеизвестно, что, к примеру, стремящийся к правде подчас подвигает и обманывает, о соблюдении 10 заповедей и говорить не приходится: будь так, Ватикан в своё время не обогатил бы свои тайники золотом и драгоценностями за счёт индульгенций. Если работать с аттитюдами, то методически неясно, как схватить предложенную [таким-то] трёхкомпонентную его структуру: когниции, эмоции и поведенческая установка.

С узнадзовской установкой не легче. Мы тесно общались с Шота Надирашвили, учеником Узнадзе и тогдашним директором Института психологии имени Узнадзе. Я не раз бывал в Тбилиси и помню застолье, в ходе которого Шота наглядно объяснил мне, что есть установка. Спрашиваю: объясни, наконец, какова роль осмысленного в установке? Он: «Ганцхоба (установка по-грузински) — это целое». Потом обращается к жене и просит принести ещё вина из подвала, «разное вино возьми, Мэри. А ты, Владимир, сделай вороночку из вот этого листа чистой бумаги, который я беру из пачки». Говорит сидящим за столом: друзья, пусть каждый из вас вольет несколько капель в рог нашего ленинградского друга, хотя рог не настоящий. Он нас простит, потому что я предлагаю эксперимент. Когда мой «фунтик» наполнился, Надирашвили предложил откусить нижнюю часть и выпить содержимое. Потом

встал в позу и задал вопрос: «Скажи, дорогой, можешь определить пропорции этих замечательных вин в своём бокале? Не можешь. Ганцхоба — это ганцхоба».

Между тем, Узнадзе, утверждая бессознательность установки, говорил, что она «объективируется» в случае, если установочное действие не приводит к ожидаемому результату. Ключ, например, не открывает замок: мы начинаем соображать, тот ли ключ, не засорился ли он или замок и т.д. Я соображаю, что установка чем-то сродни attitude. Чем? Эмоционального компонента нет (переживается не привычный акт открывания двери, но его бесполезность), а когниции оживают, ищем причину. Потом сознательное снова погружается в подсознание. Нет, ганцхоба нам в исследовании не помогает. Но что-то в теории Узнадзе есть, что надо дальше продумать. Узнадзе считает, что ганцхоба формируется на стыке некоторой жизненной потребности и ситуации, в которой эта потребность может быть реализована.

И здесь меня что называется осенило: потребности-то разные, сиюминутные и многие иные. Почему не представить иерархию потребностей (например, как у А. Маслоу или иную), где каждому уровню потребности будет соответствовать адекватная её насыщению ситуация? Беру с книжной полки Геодакяна, который в то время был лидером просвещения наших умов по части системного анализа. Открытые системы, закрытые системы, иерархические системы... Ценностные ориентации — вершина системы Чего? Скажем, предрасположенности к поведению в разных ситуациях плюс для удовлетворения потребностей разного уровня. Остаётся продумать конструкцию диспозиционной иерархии, и научное открытие сделано!

Было часа два за полночь. Я разбудил Люку, захлебываясь от раздирающих чувств, изложил идею, и мы тяпнули из какой-то бутылки, что нашлась в доме.

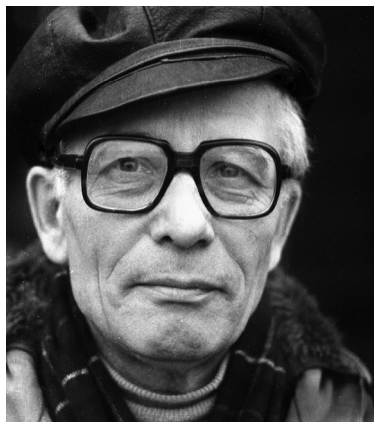
Утром позвонил Лёше Семенову, нашему молодому сотруднику с полноценным образованием психолога. Лёша примчался не помню в какое время, но до завтрака. Первое, что он сказал: идея того стоит, но... Если система диспозиций иерархична, то высшие уровни доминируют, а так ли это? В смысле эволюции это так, мозг человека и лягушки радикально отличны. И всё же вторая сигнальная система человека не всегда контролирует его подсознание. Мы вместе решили, что идею надо обсудить немедленно, а там видно будет.

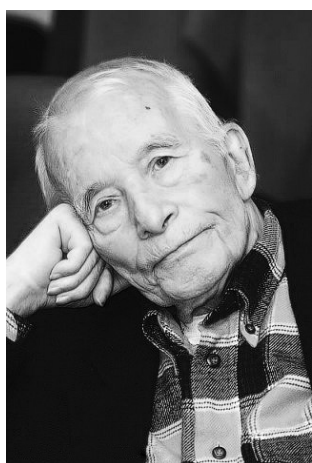
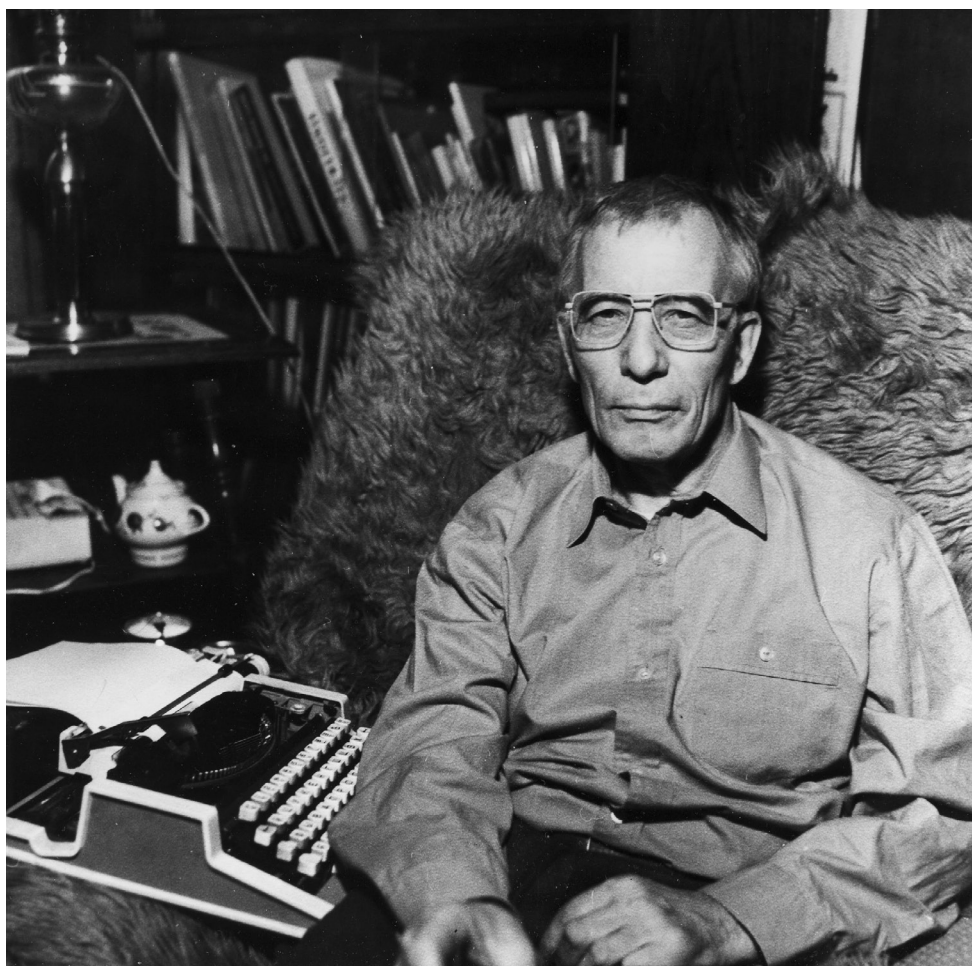
В выше приведённом тексте нет указания на внешние обстоятельства, заставившие Ядова концентрированно размышлять над поисками серьёзной проблемы для нового исследования, там проект рождался на «пустом месте». Не было указания на внутреннюю готовность, вызванную обсуждениями на семинаре и «домашним заданием» И. С. Кона. А ведь с точки зрения теории научного творчества подобные побудители деятельности крайне важны для рождения новой, плодотворной идеи. Они-то и были побудителями похода Ядова на «чердак» с целью поиска необходимого. В интервью тоже был рассказ Ядова о добром застолье в гостеприимном доме Надирашвили, где он образно объяснил Ядову природу установки. Но этот сюжет был сам по себе, без привязки к рассказу об озарении Ядова. Я не думаю, что в момент написания этого текста Ядов помнил о том, что это живое обсуждение природы ганцхобы он освещал в интервью более пяти лет назад. Таким образом, мы имеем ценный для истории науки случай, когда изобретатель, открыватель чего-либо дважды описывает процесс рождения базовой идеи.

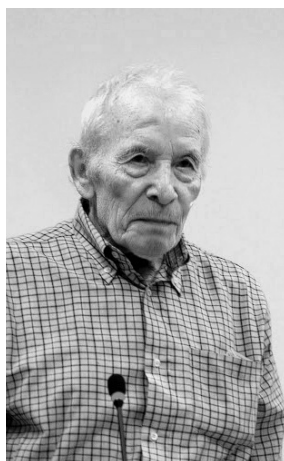
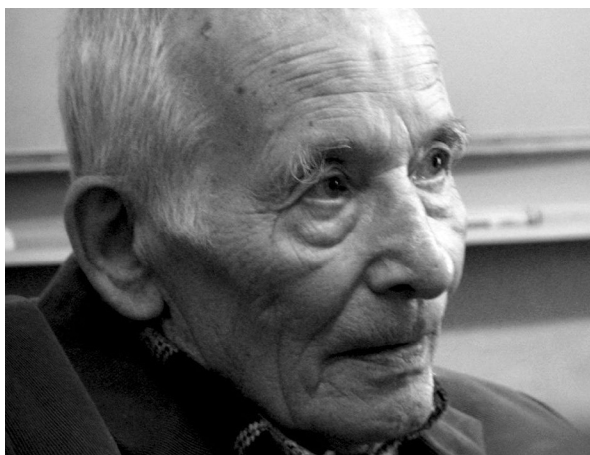
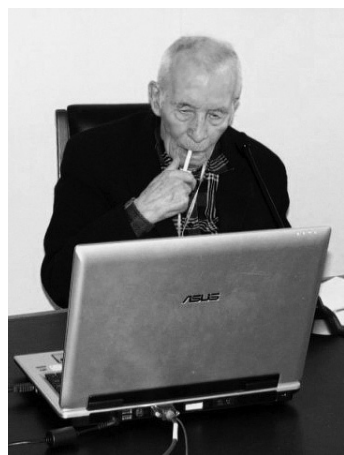
Вообще говоря, это не лучший вариант спрашивать родителей нескольких детей, кого из них они более любят, но автора ряда успешных, известных исследований, всё же можно попросить высказаться о том, какой из проектов ему наиболее дорог. В интервью с Ядовым подобный вопрос — в той или иной формулировке — был потому уместен, что из нашей переписки я знал ответ. Мне хотелось, чтобы он стал, в какое-то время, публичным. Этой темой завершалось наше второе интервью, состоявшееся в преддверии 85-летия Владимира Александровича, потому приведу и вопрос, и ответ полностью: «Володя, что из сделанного тобой за многие годы научной и педагогической деятельности ты назвал бы самым главным? Как ты полагаешь, такого же мнения придерживается наше профессиональное сообщество или оно видит сделанное тобой иначе, с другой точки зрения?». Вот какого мнения он придерживался:

Я думаю, что собственно в науке главное — это диспозиционная концепция, а в плоскости педагогики — учебное пособие по методологии, методам и технике исследования. Тот факт, что последнее (восьмое) издание было в 2006 году под грифом «Университетский учебник» — тому свидетельство. (Главу о качественной методологии написала Виктория Семёнова.) Книга «Человек и его работа» была выполнена как учебное пособие, в котором мы шаг за шагом описываем ход исследования от формулировки проблемы (здесь надо отметить вклад Андрея Здравомыслова) до приёмов обработки данных (Галя Саганенко). Книгу мы полностью переписали после моего возвращения из Англии. В профессиональном сообществе «заслуги Ядова» оцениваются двояко. Мои сверстники (например, Г. Андреева, И. Кон, Н. Лапин, Ю. Левада, О. Шкаратан) особо ценили диспо-концепцию, а более молодые говорили, что осваивали профессию по двум названным выше работам.

Хочу ещё и ещё раз подчеркнуть, что многим обязан своим товарищам по исследовательским проектам, из питерской команды в первую очередь [Ядов, 2014].

«Точки сгущения» профессионального пространства: московский период

В работе над этим разделом я прежде всего учитывал логику небольшой статьи Владимира Александровича Ядова «Вехи истории. 1988—2000» [Ядов, 2008], в которой он в самом общем плане рассмотрел сделанное им на посту руководителя Института социологии РАН. Он говорил об организационной перестройке института, кадровых изменениях, создании Санкт-Петербургского филиала института и о теоретической реформации социологических исследований не только в рамках института, но в российской социологии в целом. Как и раньше, при рассмотрении обозначенных тем базовыми для меня являются материалы интервью с Ядовым и некоторые из его работ московского периода его жизни.

Но начну — с краткого описания цепочки событий в ленинградском Институте социально-экономических проблем РАН, итогом которых стал переезд Ядова в Москву.

Недоброе прощание с ИСЭП АН СССР

С Ленинградом связаны важнейшие работы Ядова начала 1960-х — первой половины 1980-х: изучение отношения рабочих к труду, книга о методологии и методах социологического исследования и диспозиционная концепция личности; сначала — в ЛГУ, затем — в академических институтах: до 1975 года — в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, а затем — Институте социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР. Так что разработка диспозиционной теории начиналась в одном институте, а итоговая книга вышла в другом. Можно предполагать, что через несколько лет после завершения этой работы Ядов предпринял бы какой-либо новый коллективный проект, скорее всего, в области отношения к труду. Эта тема явно лежала в русле генеральных направлений исследований ИСЭП, она продолжала интересовать Ядова; и к тому же годы, прошедшие после «Человека и его работы», и опыт анализа регуляции социального поведения позволяли ему предложить новые подходы к социально-психологическому анализу поведения различных социально-профессиональных образований. Движение в эту сторону было обозначено вышедшей в 1977 году под редакцией Ядова небольшой книжкой «Социально-психологический портрет инженера» [Социально-психологический портрет..., 1977].

Но стратегическая ориентация исследований ИСЭП и, в ещё большей степени, — моральная, нравственная атмосфера института складывались явно не в сторону продолжения Ядовских проектов. В ИСЭП я перешел одновременно со всеми сотрудниками ленинградских секторов ИКСИ, работал в социологическом отделе, руководимом Владимиром Александровичем, так что многое о происходившем тогда в этом институте мог бы рассказать сам. Но лучше приведу ответ Ядова на мой вопрос: «Несколько лет мы вместе проработали в ИСЭП АН СССР, ещё предстоит

осмыслить тот период существования ленинградской/петербургской академической социологии. Может начнём?...». Прежде всего, Ядов дал характеристику возглавившему ИСЭП в 1979 году доктору экономических наук И. И. Сигову:

Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) — это в каком-то смысле дубль ИСИ при Руткевиче. Тот был «бульдозером», за рулём которого — отдел науки ЦК, а Ивглаф Иванович Сигов, директор ИСЭП, — точно такой же бульдозерист, только пониже рангом.

Сигова перебросили в наш институт с должности председателя комиссии партконтроля при ОК КПСС. Доктор по экономическим наукам, возможно, вполне заслуживший свою степень. Социологию терпел, потому что было указание сверху насчёт её полезности в социальном планировании. Ничего в ней не смыслил и главное — не желал что-то понять. Авторитарный тип личности. Коктейль: обком + гзбе — 70 процентов, марксистская политэкономическая закалка — 25 процентов, и тип личности — на остаток.

ИСЭП был создан на базе различных, в первую очередь академических институций, существовавших в Ленинграде, во главе этого очень непростого процесса стоял экономист и социолог Гелий Николаевич Черкасов, по определению Ядова, «наш человек» в идейно-нравственном отношении. По мнению Ядова, это был русский интеллигент высокой пробы, глубоко уважавший своё достоинство и равно — других, экстраверт (по психестам не стоило и проверять) и, наконец, законченный «придурак» (Значение этого слова в Батыгинско-Ядовском понимании дано выше). Черкасов, продолжал Ядов, начал с того, что собирал начальников объединяемых институциональных структур у себя дома или у кого-либо из этой компании. Они обсуждали концепцию ИСЭП и т. п. Получалась сильная, инновационная программа. Во главе экономического, математического и социологического отделов были реальные лидеры в этих областях. Пошли семинары, люди стали притираться друг к другу. Но вскоре назначили Сигова. Продолжу цитировать Ядова:

Сиговщина началась с разработки общественно-полезной программы — ленинградского плана социального развития. Экономисты восприняли это нормально, математикам — всё едино, что считать, социологи — раскололись. Борис Парыгин возглавил одну фракцию, я — другую. В нашей были три сектора из четырёх: сектор Бориса Фирсова, Овсея Шкаратана и мой; три из четырёх, исключая парыгинский.

Перед глазами — заседание Учёного совета, на котором Сигов подбирает всех под Программу социального развития. А наш сектор — в самом разгаре полевых работ по проекту «саморегуляции» поведения человека. Парыгин (к тому времени Сигов меня снял с руководства отделом социологии и назначил Парыгина) ораторствует в поддержку. Я ору больше других из наших. Решение будет позже принято дирекцией.

Далее перехожу к сюжету, наличие которого в интервью мы специально обсуждали с Ядовым, мне он казался слишком «интимным», но Владимир Александрович убедил меня его оставить:

Не поверишь, какой поступок я совершил через пяток минут после заседания. Пришел к Парыгину и стал убеждать, чтобы наш сектор оставили в покое. Стоит как скала. Я психанул и говорю: «Боря, встаю на колени, не делай этого!». И, клянусь,

встал на колени. Этот эпизод до сего дня сидит в памяти как позор. В отделении АН СССР, потом — РАН, уже в Москве я держался как святой Августин, пронзённый стрелами, а здесь...

В итоге мы коллегиально решили, кто будет от сектора изображать соцпла-нирование. Андрей Алексеев (нравственный лидер в команде) взялся сыграть заданный режиссером образ. Ему это было не так накладно, потому что болел за рабочий класс и имел свои исследовательские планы на этот счёт.

Позже, в письме Дмитрию Шалину, американскому социологу российско-го происхождения, ученику Кона и одно время — сотруднику Ядова, Владимир Александрович писал: «Дрянной человек Парыгин и отношения с ним останутся для меня предметом стыда за мягкотелость, неспособность резко порвать с не-хорошим человеком» [Ядов, 2010b].

В момент создания ИСЭП Андрей Николаевич Алексеев был избран секретарем партийного бюро, вскоре после прихода в институт Сигова он ушёл рабочим на один из заводов Ленинграда, где почти десять лет проводил своё исследование по разработанной им оригинальной схеме «участвующего наблюдения». Борис Дмитриевич Парыгин, учился на философском факультете ЛГУ в одни годы с Ядовым, доктор философских наук, ещё в начале 1970-х он предложил свою концепцию социальной психологии. По его книгам обучалось несколько поколений советских психологов. В моём понимании, деятельность Парыгина в ИСЭП имела серьёзные негативные последствия для развития Ленинградской социологии.

Теперь вернёмся к интервью с Ядовым:

Не так давно Игорь Кон передал мне подаренный ему в Питере роскошный гляцевый журнал «University Magazine», издание Петербургского университета профсоюзов с фото Парыгина на обложке и фрагментом из интервью (слова интервьюера): «живого классика», «лидера международного ревизионизма».

Что он там наговорил, не вообразишь. «Классик», поскольку первым осмел-ился утверждать социальную психологию, «лидер ревизионизма» потому, что на инструктивной конференции ЦК по общественным наукам его упомянули ря-дом с чехословацкими протестантами. Дальше повествует, как он страдал от КГБ и парторганов. Множество фото; Парыгин с нобелевским лауреатом Жоресом Алфёровым, с Ядовым за столом президиума, с Галиной Старовойтовой. Понимает, что сегодня подать на публику.

Ещё тебе свидетельство Бориной научной славы. На рубеже 1970—1980-х он разработал методику измерения психологического климата в трудовом коллек-тиве. Методика вызывала сомнения по части надёжности. Эта методика не име-ла никакого отношения ни к измерению психологического климата, ни к науке вообще.

Выше приводился фрагмент письма И. С. Кона о том, как он передал в лабора-торию Ядова книгу Гуда и Хатта, с которой во многом началось освоение и Ядовым, и его сотрудниками современных методов социологии. Но в том же письме был ещё ответ Игоря Семёновича на мой вопрос, относящийся к середине 60-х годов, когда Б. Д. Парыгин завершал работу над своей докторской диссертацией по об-основанию статуса социальной психологии. Я ссылался на наш давний разговор с Коном, в котором он говорил о том, что он и Ядов помогали Парыгину в завер-

шении его диссертации, и спрашивал: «Не пора ли поведать эту историю?». Эту часть письма Кона я лишь недавно впервые опубликовал:

Мне самому не хочется этим заниматься. Хотя к своему юбилею Парыгин опубликовал в журнале «Очень» комичную статью, где рассказывает, как его травили за то, что он был «лидером международного ревизионизма». У Ядова есть этот журнал, попросите его сканировать эту статью, это сказка. У меня нет секретарской помощи, поэтому сам я это сделать не могу.

Парыгину помогал не я, а только Володя, причём начиная с кандидатской. У него была тема «Ленин об общественных настроениях». Я лично ничего против него не имел, но, когда работа дошла до обсуждения на кафедре, я сказал, что монтировать концепцию из обрывков вырванных из контекста ленинских цитат нельзя. Его руководитель А. Г. Ковалев с этим согласился, и диссертация Парыгина повисла. После этого Ядов помог ему написать приличный текст, после чего Парыгин быстро пошёл в гору, оплатив за это Ядову целой серией подлостей. Особенно после того, как Ядов взял его к себе в ИСЭП. Лично мне он ничего плохого не делал, просто не было возможностей. Попросите у Ядова этот его текст, честное слово, он уникален.

Сейчас уже не помню, как, но текст названного Коном интервью Парыгина отыскался [Интервью с Борисом..., 2005]. Журналистское введение лишь обобщает сказанное Парыгиным о себе: «Борис Дмитриевич Парыгин — классик. Классики, как известно, существуют в форме книжных томов с тиснёными переплетами. Они сурово молчат в сумрачной тишине библиотек и укоризненно поблескивают золотом букв. Похоже, они не очень-то нам симпатизируют. Нам — осуетившимся и отпавшим от живительных родников их великих идей. Не таков Борис Дмитриевич. Он если и поблёскивает чем, так это иронией и интеллектом. Да не просто поблескивает — блистает, несмотря на то, что скоро отметит семидесятипятителетие. Он принадлежит к совершенно особому разряду классиков — живым классикам. Эти — особенно редки. Встретить такого в своей жизни — большая удача».

Утверждаю, ни Ядов, ни Кон, ни их коллеги-друзья, внёсшие значительный вклад в развитие ряда социальных наук, никогда не давали своими интервью поводов к подобным журналистским заявлениям.

И всё-таки, в конце 1990-х Ядов говорил, что из ИСЭП он ушёл не из-за Парыгина; приведу его версию. Когда в институт пришёл Сигов, всё пошло по известной схеме позднебрежневского периода. В институте началась административная возня, партсобрания обсуждали идеологические вывихи. Б. Д. Парыгин оказался тараном обкома, более всех усердствовал в дискуссиях против всевозможных «ошибок». Ядов стал главной мишенью нападков, в конце концов его обвинили в «утрате документов для служебного пользования», а именно — критического доклада новосибирских социологов — ставшего позже известным как «Новосибирский манифест» — о состоянии нашей экономики, доклада Татьяны Заславской. Ядов не сдал препринт в 1-й отдел, а держал дома. Кому-то дал читать и забыл, кому именно. Далее — КГБ, отлучение от права пользоваться литературой «ДСП», угроза партийного выговора, а главное — притеснения всех сотрудников Ядовского сектора. В то время ушёл из сектора А. Н. Алексеев. Оставаясь на полставки, он работал на заводе «Полиграфмаш» и провёл опрос «Ожидаете ли вы

перемен?». Сигов велел уволить Алексеева. Ядов возражал, но вынужден был уступить. Короче, всё складывалось скверно, и он перешел работать старшим научным сотрудником в Ленинградский филиал Института истории естествознания и техники к С. Р. Микулинскому; ему активно содействовал Владислав Жаннович Келле. Это был 1984 год, канун перестройки.

Юрьев день в жизни Института социологии РАН

В 1988 году Ядов возглавил Институт социологии РАН, к сожалению, я не спросил его о том, какие академические и партийные структуры, наверное — точнее, кто именно был заинтересован в его переводе в Москву для руководства головным в отрасли институтом. Но в интервью, в котором Ядов рассказал мне о своей жене, я поинтересовался, как она отнеслась к его назначению на пост директора-организатора, которому предстояло принципиально изменить характер работы большого исследовательского коллектива, сформировавшегося за два десятилетия в Институте конкретных социальных исследований.

Ядов вспомнил, что предложение поступило летом 1988 года, когда он с женой жил на своём эстонском хуторе. Приехала на велосипеде жена их соседа-лесника с вытаращенными глазами и сказала, что через полчаса его требуют к телефону из ЦК. По телефону от соседа Ядов говорил с куратором социологического направления из отдела науки ЦК КПСС Г. Г. Квасовым. В первом разговоре Ядов отказался, и получил сутки на размышления. За это время он осознал необходимость организации именно института социологии, а его жена увидела в этом предложении перспективу получения московской квартиры. Поэтому во втором разговоре Ядов дал согласие на переезд в Москву, но решительно отвергнул второе предложение — войти в состав ЦК КПРФ.

Замечу, по воспоминаниям Ядова, они жили четыре года на первом этаже академического дома для VIP-персон, и квартиру получили лишь под угрозой того, что на второй срок он избираться не будет и вернётся в Питер.

В целом всё происходившее в институте после того, как его возглавил Ядов, кратко, но зримо выразил Б. М. Фирсов, как выше показано, многие годы друживший с Ядовым и — по воле Ядова — создавший и несколько лет руководивший Санкт-Петербургским отделением Института социологии, который в настоящее время является самостоятельным Социологическим институтом РАН. По словам Фирсова: «Каждый день новой директорской жизни нёс на себе отпечатки его неукротимой творческой натуры. Поступки, которые он совершал, мысли, которые он выражал, для нас, людей из его окружения, были признаками его многообразных талантов, а для него, прежде всего, отстаиванием своих взглядов, как своего собственного «Я». В этом — весь Ядов» [Фирсов, 2009b: 5].

Теперь в ряде сюжетов постараюсь показать разные стороны деятельности Ядова-директора, его полнейшую вовлечённость в жизнь Института. Но прежде всего — воспоминание Г. С. Батыгина о том, как Ядов осваивал рабочее пространство. «В моих хрониках, — писал Батыгин, — зафиксирован исторический эпизод: превращение сравнительно неплохого директорского кабинета в нечто вроде кафе; туда поставили дачные пластмассовые столики, а директор перебрался в каморку, около которой постоянно толчётся народ, ищущий справедливости.

Он бы превратил весь институт в дискуссионное кафе. Но социальные законы берут своё» [Батыгин, 2009: 556].

Одно из начинаний нового директора вошло в историю Института социологии как «Юрьев день». О том, как возникла идея — предоставить всем сотрудникам возможность работать по близким им темам и в кругу единомышленников, Ядов сам рассказал в 2011 году:

Вскоре после «смотрин» в кабинетах ЦК, куда меня водил вице-президент Академии В. Н. Кудрявцев, в Ленинград почтовой посылкой в коробке из-под сигарет мне прислали папки административных документов и научных отчётов подразделений ИСИ. Следовало продумать план перестройки Института социальных исследований в Институт социологии. Именно перестройки, т. е. реорганизации с минимальным травмированием штатных сотрудников [Ядов, 2011].

Ядов ломал голову над решением этой задачи в течение десяти дней, ничего не получалось, и он пришёл к выводу о необходимости посоветоваться с человеком, знающим изнутри ситуацию в Институте. Лучшего консультанта Ядов увидел в Геннадии Семёновне Батыгине, которого считал своим товарищем и единомышленником. Приехав в Москву, где Ядова должны были представить народу в роли нового начальника, он позвонил Батыгину и попросил его приехать в гостиницу для серьёзного разговора. Он сразу отозвался на эту просьбу Ядова, и они несколько дней обдумывали стратегию и тактику реформирования института. В отношении стратегии никаких разногласий не было. Однако была тактическая проблема, получить поддержку партбюро, без которой ничего в институте сделать было невозможно. В то время секретарем партбюро был «человек Осипова», который — скорее всего — затормозил бы изменения в структуре и тематике Института. И здесь Батыгин предложил Ядову договориться с райкомом партии, чтобы они вернули в Институт Александра Михайловича Демидова, который был командирован АН в райком на должность инструктора по работе с научными учреждениями. Всё получилось, Демидов был рад поработать с Ядовым, и поскольку Ядов был директором-организатором, т. е. «назначенцем», то секретаря партбюро можно было не выбирать, а назначить. Теперь — снова слова Ядова:

Не помню в подробностях, как шли дела директорства в первый месяц: слишком много сильных впечатлений, высвечиваются немногие. Мы продолжали вечерние посиделки всё в той же гостинице, ибо постоянное жильё покуда было лишь обещано. Каким-то чудом меня осенило простое решение задачи, казавшейся неразрешимой, как проблема «гордиева узла» — развалить разом всю структуру организации к чёртовой бабушке, и пусть научные сотрудники самоорганизуются в исследовательские команды. Геннадий [БД: Батыгин] поначалу предлагал полностью расформировать институт, но в конечном счёте согласился. Однако, как человек, действующий рационально, он сказал, что мой план реализовать невозможно, поскольку потребуется разрешение президиума АН, а «старики» наверняка на это не пойдут.

Но Ядов всё же получил разрешение на подобную трансформацию Института от президента АН М. В. Келдыша, сказавшего: «Пробуйте, но шуму не надо». Всё рассказанное Ядов завершил словами: «Так что Геннадия Батыгина по справедливости следует считать со-организатором нашего института».

В 2014 году я проводил интервью с А. М. Демидовым, вот как он вспомнил рассмотренный сюжет: «...проработал я в Райкоме чуть меньше года. Обратном в Институт Социологии меня вернул В. А. Ядов, который был назначен в 1988 году директором. Произошло это так: когда Владимир Александрович приехал в Москву, он начал искать себе секретаря парткома, который мог его поддержать. Гена Батыгин посоветовал ему меня. Представляешь, каково было моё удивление, когда в мой кабинет в Райкоме вошёл сам Ядов. До этого мы были знакомы, но немного. Мы поговорили, и Владимир Александрович сразу предложил мне вернуться в Институт секретарём парткома. Я тоже сразу согласился. Должность секретаря парткома была не освобождённая, а я знал, что в Центре изучения общественного мнения, возглавляемого В. Бритвиным, Академией Наук выделены вакансии для создания сектора изучения общественного мнения москвичей. Ядов тут же предложил мне занять должность заведующего этим сектором. Так я пришёл в „общественное мнение“. Самое интересное, что на общем собрании меня выбрали в партбюро, но в его составе оказалось больше сторонников Г. В. Осипова, которые „прокатили“ мою кандидатуру на секретаря. Так я смог выйти на новый этап моей жизни и полностью посвятить себя изучению общественного мнения» [Демидов, 2014: 4].

Но всё же Ядову удалось реализовать задуманное; о том, как всё проходило вспоминала сотрудница Института социологии РАН Татьяна Сергеевна Баранова. В какой-то момент, — начала она, — в наш институт [БД: тогда — Институт конкретных социальных исследований] приехал из Ленинграда Владимир Александрович Ядов, которого многие знали тогда лишь по его книгам и выступлениям на различных научных форумах. И для многих он стал олицетворением перемен. Многие в стране менялось, ситуация была неопределённой, непонятно было, что будет с институтом, с социологией в целом. И вот тогда Ядов объявил «Юрьев день». До этого сотрудники были закреплены за секторами, за своими научными руководителями. Перейти в другой отдел было довольно сложно, а в период «Юрьева дня», продолжавшийся несколько месяцев, каждый сотрудник мог со своей ставкой перейти в тот проект, который был ему ближе и интересней. Список проектов был вывешен на доске объявлений, и к тому же каждый мог заявить свой проект, надо было лишь «завербовать» в него какое-то количество человек. В конце концов было организовано много новых проектов, и Институт перешёл на проектную структуру, отказавшись от традиционных секторов и отделов [Баранова, 2009: 207—208].

Интересную историю, относящуюся к началу директорства Ядова, вспомнила на рубеже 2009—2010 годов в нашем интервью доктор социологических наук Алла Евгеньевна Чирикова, на момент описываемой встречи с Ядовым — кандидат психологических наук, задумывавшийся о своей будущей работе [Чирикова, 2010: 16].

Наш сектор работал достаточно обособленно от всех остальных сотрудников, но как-то к нам в комнату на 4 этаже пришёл В. А. Ядов, который стал тогда директором института социологии, сменив на этом посту В. Н. Иванова. Это было в конце 80-х. До этого я видела Ядова по телевизору и была поражена тому, как раскованно он вёл себя перед телевизионными камерами, не считаясь ни с какими иерархиями. Я тогда с интересом отвечала на поставленные мне вопросы,

наблюдая за его реакциями. В конце разговора мой диагноз его личности был готов: талантливый человек, необыкновенно тонкий и неуправляемый, сензитивный, всегда готовый к непредсказуемым поворотам мысли и чувств. При этом достаточно рациональный, знающий себе цену, и умеющий настоять на своём. Рациональность и эмоциональность в нём являли собой удивительный симбиоз. Передо мной тогда сидел человек, явно мало уважающий формальные позиции и умеющий мгновенно расположить к себе собеседника. Сегодня, не исключено, я бы уточнила свою оценку, но в принципиальном видении психологической структуры Ядова я тогда была права — это был уникальный человек, который не стремился к власти и признавал общение на равных. В те годы это было редким достоинством, тем более у начальника. Я была не против работать рядом с таким талантливым человеком, который, к тому же, не допекал меня дурацкими распоряжениями и ежедневными проверками дисциплины. Иначе говоря, позволял делать то, что хочется. Будь тогда во главе института другой человек, я не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая профессиональная судьба.

Оставшись работать в институте, я стала ходить на общие конференции и семинары, где знакомилась с новыми для меня профессионалами. Читать литературу по социологии я стала несколько позднее, начав с Вебера и Бурдьё. Потом мне стало интересно, о чём спорят социологи на своих заседаниях, и я с удовольствием стала знакомиться с работами В. Ядова по самоидентификации, диспозиционной структуре личности, методах исследования. Эти работы были мне ближе как психологу. Постепенно я втянулась в чтение социологических журналов, и мир социологов для меня стал расширяться. Со временем я начала чувствовать себя в нём более уверенно, однако и сегодня я не могу сказать определённо, что знаю социологию так же хорошо, как психологию.

«Юрьев день» — известное событие в истории ИС РАН; менее известен другой факт из жизни института, о котором в нашем интервью вспомнил Ядов; речь идёт о закрытии «закрытого отдела».

Это связано с началом моей работы в качестве директора-организатора Института социологии РАН. Знакомлюсь с сотрудниками из администрации. Начальник первого отдела, который отвечал за документы для служебного пользования, доверительно говорит, что временно отсиживается после работы в какой-то стране. Я договорился с начальством в Президиуме академии совместить первый отдел с отделом кадров, поскольку «ДСП» у нас мало. Должность сократили.

Дальше отправился в подразделения обсуждать их исследовательскую деятельность. В штатном расписании обнаруживаю закрытый отдел (около 30 человек), располагавшийся в другом здании, далеко от главного. Знакомлюсь с их работой. Заведующий отделом с социологией был знаком «шапочно», но сотрудники явно профессиональны. Тематика — аудитория зарубежных радиостанций, настроения советских немцев... Напомню, что это время пика перестроечного энтузиазма. Иду к вице-президенту по социальным наукам, академику Владимиру Николаевичу Кудрявцеву. Он, будучи директором Института предупреждения преступности, основательно внедрял социологию в среду юристов, был членом Президиума ССА. Добрыми отношениями с ним я горжусь. Предлагаю Кудрявцеву ликвидировать отдел. Он, как знаток кремлевских игр, организует встречу с заместителем пред-

седателя КГБ Бобковым, который отвечал за работу по линии «инакомыслящих» (сегодня шеф охранной службы крупной компании). Предлагается коньяк. Чтобы подчеркнуть доверительность встречи, Бобков при мне отдаёт распоряжение грузинским товарищам отпустить арестованную в Тбилиси Новодворскую. И говорит мне: «Вы ведь знаете эту анархистку?». Может, читал перед приёмом моё досье, где, наверное, зафиксирована единственная встреча с Новодворской перед собранием нашего клуба «Перестройка».

Я вполне секу его показательные штучки и, уловив момент, говорю, что злополучный отдел надо ликвидировать и что «внедрённые» в него сотрудники Комитета мало профессиональны как социологи и к тому же недостаточно умны. Привожу факт: я отдал приказ о премировании, в котором было имя одного сотрудника из того отдела. Приказ вывешен на стенке. Иду в свой кабинет и вижу этого человека, ожидающего меня возле доски с приказами. Он говорит: «Владимир Александрович, не надо мне премию объявлять, я уже получил». Так как же расценивать ваших людей, если они в коридоре заявляют, что откомандированы в академический институт с Лубянки?

Бобков предлагает заключить официальный договор между институтом и ЦК КПСС о выполнении заданий ЦК и обещает убрать дураков. Не возражает против назначения заведующим отделом профессора Вилена Иванова, которого я сменил на посту директора. Дальше начинается волокита, приезжает гзбешник, и мы бесконечно согласовываем «договор с ЦК КПСС». Встречаюсь с Владимиром Николаевичем и рассказываю всё это, а в конце предлагаю отдать распоряжение о преобразовании отдела и покончить с его прежней деятельностью. В противном случае, говорю, Татьяна Ивановна [БД: Заславская], которую мы выбрали от академии и ССА на Всесоюзный съезд народных депутатов, заявит на съезде, что в социологическом институте Академии до сих пор существует подразделение, работающее по заданиям КГБ. Кудрявцев говорит — согласен, пишите предложение на моё имя. Отдел был преобразован с тематикой по анализу динамики общественного мнения, а при создании Института социально-политических проблем Геннадия Осипова отошёл в новый институт.

Думая о новой организации работы московских академических социологов, Ядов не забывал и о сложном положении, в котором оставались после его вынужденного ухода из ИСЭП АН СССР его ленинградские коллеги. Это было его личное решение — образовать в Ленинграде филиал создаваемого в Москве Института социологии. Выше приводились воспоминания Б. М. Фирсова о том, как он «притормозил» путь своего друга Ядова в науку, сделав его секретарем одного из городских райкомов комсомола, теперь Фирсов — о создании ленинградского филиала. Но сначала, чтобы нижеприводимый сюжет был понятнее, следует сказать немного о положении самого Фирсова в конце 1980-х годов. Как упоминалось выше, Ядову пришлось покинуть ИСЭП, поскольку его обвинили в утере доклада Т. И. Заславской, вскоре ставшего известным на Западе как «Новосибирский манифест». В чём-то схожая история, но в более жёстком варианте, была и с Фирсовым.

В начале 1970-х по решению Ленинградского обкома КПСС была создана небольшая группа социологов, которой было поручено обосновать и создать

в городе систему изучения общественного мнения работающего населения. Она действовала непосредственно по заданию партийных органов, и почти с самого начала её деятельности я входил в её состав. Руководство группы было поручено Б. М. Фирсову, и формально мы входили в Ленинградские сектора ИКСИ, общее руководство которыми осуществлял Ядов. Вместе со всеми мы перешли в ИСЭП и стали сектором изучения общественного мнения и массовой коммуникации. Всё развивалось весьма успешно. Но — как это часто бывало — не только результаты опросов, но сам факт измерения общественного мнения обком КПСС держал в секрете даже от ЦК КПСС. Однако в конце 1983 года определённая часть данных попала в секретариат Андропова, это возмутило «хозяина» Ленинграда члена Политбюро ЦК КПСС Г. Романова, и грянул гром... Было проведено длительное разбирательство, персонами нон-грата были объявлены все сотрудники сектора общественного мнения и массовой коммуникации ИСЭП АН СССР во главе с Фирсовым, а в октябре 1984 года бюро Ленинградского обкома КПСС объявило ему строгий выговор с занесением в учётную карточку (хуже — лишь исключение из партии) и рекомендовало Дирекции ИСЭП уволить Фирсова из института.

Далее, как и в случае с Ядовым, Фирсов вынужден был отойти от изучения актуальных социальных проблем, он стал ведущим научным сотрудником в группе общих проблем в ленинградской части Института этнографии АН СССР. Трудно сказать, в каком направлении всё это развивалось, однако пришла перестройка. Далее обратимся к воспоминаниям Фирсова [Фирсов, 2005: 17]:

Но тут наступил период общественной реабилитации и признания научных и человеческих заслуг В. Ядова. Он стал первым профессиональным социологом, допущенным к руководству головным социологическим институтом в системе Академии Наук СССР. В момент утверждения его в этой должности на заседании Президиума АН СССР, Г. Марчук, тогдашний Президент Академии, задал Ядову дежурный вопрос: согласен ли Ядов принять на себя эту нелёгкую ношу и нет ли у него специфических пожеланий.

В советское время лица, утверждаемые на высокие посты, ждали этого вопроса. Это был момент, когда руководителей-небожителей можно было просить о чём-то необычном, разумеется, за счёт казны. Ядов отказался от выпрашивания сверхлимитных благ по случаю восшествия на социологический трон страны. Я, сказал он, приму назначение только в одном случае, а именно, если будет создан филиал Института социологии АН СССР в Ленинграде, где в заточении в стенах ИСЭП АН СССР томятся несколько десятков профессиональных социологов. Марчук вздрогнул, а затем сказал, что идею надо поддержать. <...> Обком дал безоговорочное согласие на создание нового института, согласился утвердить его директором-организатором «опального» Фирсова. Считанные недели заняла обычно многомесячная процедура сбора виз внутри отделов и управлений Президиума АН СССР.

Отношение к марксизму

На посту директора-организатора, а затем и избранного директора ИС РАН Ядову приходилось координировать множество проектов, осуществлявшихся сотрудниками института, участвовать во многих российских и международных форумах, наблюдать за становлением и развитием различных тенденций в миро-

вой социологии и так далее. В поле его зрения находились многие предметные области, как те, в которых он работал ещё в Ленинграде: скажем, социология труда, проблемы образования, ценностные ориентации и другие, так и новые направления социологических исследований, возникшие в России в трансформационный период и позже, когда к руководству страной пришел В. Путин. В частности, Ядов занимал одно из ключевых положений в выработке программы ежегодного международного симпозиума «Пути России», который на протяжении многих лет проводился Московской высшей школой социальных и экономических наук и междисциплинарным академическим центром социальных наук «Интерцентр».

В те же годы Ядов начинает активно заниматься теорией социологии. Во-первых, он ощущал необходимость принципиального обогащения своих знаний в этой сфере социологии. Ибо прежде, как он отмечал в названной выше статье «Вехи истории. 1988—2000», «собственно теоретическая социология не входила в круг моих интересов». Во-вторых, перед Ядовым, как директором головного Института, стояла задача определения, уточнения перспектив многих исследовательских подходов, направлений в российской социологической науке.

Отчасти всё это нашло отражение в его концепции полипарадигмальности современной российской теоретической социологии. Но прежде, чем перейти к анализу данной темы, остановимся на рассмотрении отношения Ядова и нескольких других известных социологов первого поколения к марксизму.

Так получилось, что в процессе первого интервью с Владимиром Александровичем, напомним, это была первая половина 2005 года, тема полипарадигмальности нами не обсуждалась. К тому моменту я прожил в Америке десять лет, из которых первые пять лет вообще не имел возможности следить за развитием социологии в России, а вторые не были связаны с изучением прошлого и текущего состояния российской социологии. Таким образом, я в принципе не мог начать спрашивать Ядова о его работах по теории социологии (а он этой темы не касался в своих ответах), но поинтересовался, не чувствовали ли социологи первого поколения себя скованными, работая исключительно в рамках марксизма. Сегодня ответ Ядова, конечно же, представляется крайне важным для понимания смены его, и всей когорты тогда молодых социологов, философско-теоретических взглядов [Ядов, 2005а: 8—9]:

Какая, Боря, скованность? Мы и были марксистами, только такими, что потом нас называли шестидесятниками. Важно заметить, что в тот период марксизм как-то уютно совмещался с парсонсианским позитивизмом. «Бульдозер» (как его назвал Грушин) М. Руткевич, директор ИКСИ, писал о «социальных перемещениях» (читай — мобильности) и прочее. Он же опубликовал сборник Андрея Здравомыслова с его предисловием и переводами Парсонса. Почему так? Парсонс отлично отвечал интересам брежневских прагматиков: стабильность системы.

Я определённо был марксистом и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории, причём Маркс занимает далеко не последнее место, он рядом с Вебером. Оба анализировали именно капиталистическое общество, оба пользовались понятием «класс». Однако Маркс и Энгельс придавали своей классовой теории идеологическое значение, видели в ней теоретическое основание грядущей мировой

революции, а Вебер, напротив, утверждал ценностную нейтральность социолога. Маркс поляризировал труд и капитал. Вебер фокусировал внимание на множественности неравенств на рынке труда и капиталов, использовал понятие социального ресурса, что у Бурдьё преобразовалось в социальный капитал.

Маркс — величайший мыслитель. Он прописан во всех западных учебных пособиях по социологии. Одна идея об отчуждении личности наёмного работника (пролетария) стоит ничуть не меньше концепции социального действия Вебера. Не надо забывать, что Маркс намеревался совместить свой эконом-детерминистский подход с культур-детерминистским. Он набросал план четвёртого тома «Капитала», где использовал понятие «азиатский способ производства». Азиатский способ тем отличается от европейского, что государство доминирует в экономике, рынок регулируется, не свободен.

Спустя столетие экономисты Поланьи, Норт и другие «открыли», что социальные (социо-институциональные) факторы вдвое (Норт подсчитал) доминируют над собственно экономическими: национальный доход, темпы роста, уровень инфляции, собираемость налогов, открытость внешней торговли и др. Поланьи предложил концепцию институциональных матриц восточной и западной культур. Восточная — иерархическая (государство лидирует, гражданское общество — периферия), западная — горизонтальная, имеет место договор между обществом и государством. По сути, нынешние неоинституционалисты подпитываются интеллектом Маркса. Вебер оставил нам в наследство «протестантскую этику» — запал капитализма, а его согражданин извлёк из истории человечества нечто большее.

Отношение к марксизму у нас сегодня разное, как и вообще ко всему, что связано с недавним прошлым. Расскажу тебе об одном «знаковом» событии. Научный семинар по случаю основания Горбачёвского фонда. Александр [БД: Николаевич] Яковлев, его исполнительный директор, выступает с длинным докладом на тему: что из социальной теории XIX века войдёт в будущее столетие? Не меньше трети времени, как говорила моя трёхлетняя внучка, «выругивает» Маркса. Вопросы. Лёня Гордон встаёт с места первым и говорит: «Александр Николаевич, я никогда не был членом партии, вы были секретарём ЦК по идеологии. Что вы всё-таки находите ценного у Маркса?». Оратор бросает в ответ: «Если хотите найти ценное, пригласите другого докладчика». Когда я рассказал эту историю Шляпентоху, он со своей искромётностью среагировал: «Вот тебе пример „кассетного мышления“ — одну кассету вынул, другую вставил».

Тогда, замечание Ядова о том, что он много пишет о полипарадигмальности современной социологической теории, было для меня лишь указанием на необходимость найти его работы и прочесть их, но я не решился расспросить его, в чём он видит смысл этой работы и в силу каких обстоятельств он подошёл к разработке этой темы. Скорее всего, уже через несколько лет я не задал бы Ядову следующий вопрос, ибо я уже в общих чертах знал, что в российской социологии нет единства в философском бэкграунде предлагаемых интерпретаций исследуемых социальных процессов, но сегодня ответ Ядова ценен с историко-социологической точки зрения. В нём зафиксировано его понимание теоретического многоцветия в российской социологии в начале текущего столетия. Итак, приведу мой вопрос «Какова философская база современной российской социологии?» и ответ Ядова [Ядов, 2005а: 9]:

Общепринятой базы нет. Михаил Николаевич Руткевич, которого я уважаю за преданность принципам, написал статью в СОЦИС о Ядове как «флюгере». Он имел в виду мои публикации относительно полипарадигмальности современной теоретической социологии. Нынче это общепринятая формула; сегодня у нас, как в Греции, есть всё. Есть марксисты-фундаменталисты, марксисты с «организмическим» уклоном (совмещение Дюркгейма и др. с марксизмом и ...тоской по советской системе), неомарксисты активистского толка. Лидер этого направления Борис Кагарлицкий, кстати, читает курс в нашем институте. Нет и веберовцев «чистой воды». Юрий Давыдов пишет о России «в свете веберовского различения двух видов капитализма». Он извлёк из Вебера идею спекулятивного капитализма, в отличие от продуктивного, и приложил её к политике первого президента, а сегодня — и к Путину. Наш российский рынок спекулятивный. Магнаты извлекают прибыль из торговли природными богатствами и игры на валютной бирже. При Ельцине были так называемые, уполномоченные правительством банки, которые оперировали с бюджетными средствами, при Путине таковые заменены тендером конкурентов, где победитель назначен. Давыдов ссылается на Вебера, который писал о практике римских императоров брать займы на очередной военный поход у тогдашних ростовщиков и возвращать кредит из награбленного и продажи рабов.

В нашей сегодняшней социологии предостаточно парсонянцев, которые утверждают логику социокультурных систем (они же в каком-то смысле питирим-сорокинцы, так как он раньше Парсонса эту парадигму предложил). Бурдьевисты из поколения около сорокалетних просто одолевают, постмодернистов не очень много, но ихний вокабуляр освоили. Пару лет назад на конференции «Куда идёт Россия?» у Заславской — Шанина Лена Здравомыслова на пленарке говорит примерно следующее: «...дискурс между народом и властью...». Я вскакиваю: «Лена, как можно говорить таким языком?». Понятийный словарь социологии должен всё же соответствовать объекту анализа. «Дискурс» в данном случае — это то же, что разговор в пивной. Нетерпимость к иной позиции и стремление навязать свою. Подлинный дискурс подразумевает взаимное уважение сторон без обязательного итогового согласия.

Не думаю, что в столь коротком тексте Ядов дал полную картину многообразия теоретических платформ российской социологии, существовавших в начале века. Вместе с тем, можно допустить, что основные элементы полипарадигмального каркаса того периода им было обозначены.

Начав обсуждать с Ядовым его отношение к марксизму в прошлом и настоящем, я продолжил изучение отношения к марксизму в других интервью с представителями первого поколения советских социологов. И полагаю естественным кратко представить некоторые фрагменты этого поиска. В некоторых случаях я специально касался темы полипарадигмальности, в некоторых — она сама всплывала в ответах моих собеседников.

В беседе с А. Г. Здравомысловым я напомнил ему о дискуссии рубежа 1950—1960-х годов о соотношении исторического материализма и социологии и узнал его мнение относительно существования в российской социологии предпосылок для возобновления подобной дискуссии. Его ответ был однозначным, необходимости в новом обсуждении всего этого комплекса вопросов нет, ибо тогда ссылка

на марксизм была решающим аргументом процесса обоснования задуманного исследования. Перестройка сняла запреты на социологические исследования, хотя, заметил Здравомыслов, негласно, но весьма активно формируется комплекс архаических идей, оказывающих некоторое влияние и на характер преподавания социологии в ряде вузов. При этом, по признанию Здравомыслова, в то время (это было на рубеже 2005—2006 годов) «в научном мышлении и в методологии исследований утвердилась идея плюрализма. Даже само понятие социологии сейчас трактуется по-разному. Можно сходу дать два десятка определений, каждое из которых будет верным» [Здравомыслов, 2006: 8].

После этого было естественным поинтересоваться тем, как Андрей Григорьевич относился к тому, что часть российских социологов отказывалась от марксизма и пыталась противопоставить ему иные философские концепции. Прежде всего Здравомыслов привёл обширную цитату из Предисловия Г. С. Батыгина к изданной под его редакцией книге «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», суть которой сводится к утверждению о том, что огромный объяснительный потенциал марксизма породил, в частности, большое число его авторских «версий». И это факт объясняет, почему советский марксизм стал не столько доктриной, сколько эзотерическим кодом, имеющим множество интерпретаций. Причём этот код мог легко трансформироваться в альтернативные марксизму идеи.

После этого Здравомыслов, согласившись с моим утверждением-гипотезой об отношении ряда социологов к марксизму, заметил, что в некоторых российских вузах марксизм относится к комплексу понятий, вызывающих страх до дрожи в коленках, и указал на появление «идеологических борцов» с марксизмом, которые всех перепугали. Достигается такой эффект созданием букета страшных слов и понятий: большевизм, ГУЛАГ, КПСС, русская интеллигенция, революция, гражданская война. Но всё же, надеялся Здравомыслов, главные страхи необратимо ушли в прошлое, так как «Маркс создал каркас социологического знания, который невозможно устранить, нельзя возвратиться в домарксистскую эпоху, хотя у нас таких любителей движения вспять много».

На мою просьбу рассказать о своём марксизме, Здравомыслов ответил [Здравомыслов, 2006: 9]:

Я социолог, опирающийся на Маркса, Парсонса, Вебера, Мертон, Дарендорфа, знакомый с идеями феноменологической социологии, символического интеракционизма и драматургической социологии. С Парсонсом были дружеские отношения, пока не «похолодало» на международной арене. С Мертоном встречался три раза. Всех этих мыслителей очень уважаю и знаю, за что именно я их ценю. Всё-таки одна из главных моих книг 1990-х годов — «Социология конфликта».

В общем, я согласен с Дарендорфом в оценке взглядов Маркса. Это была социология XIX века — социология эпохи противостояния классов в Европе. А после первой мировой войны общество (европейское) стало изменяться так, что тот аппарат понимания, который был создан Марксом и который имел очень большое практическое применение прежде всего в России — в качестве ленинизма, — уже не мог работать в масштабе европейской истории. Политика Рузвельта, обеспечившая выход из Великой депрессии в США, стала практическим доказательством возможности сотрудничества классов. В США и Европе были созданы институты ре-

гулирования классовых и иных конфликтов, которые имели практическое значение.

В том числе и институт изучения общественного мнения, которым ты занимаешься.

А в Германии марксизм потерпел поражение в столкновении с открытым животным национализмом.

В целом, мне кажется, что в начале века и Здравомыслов в вопросе об основе теоретической социологии фактически придерживался позиции полипарадигмальности, близкой к Ядовскому пониманию. Несколько отличную точку зрения высказал в нашем интервью Николай Иванович Лапин. По его мнению, с утверждением идеологического плюрализма в российском обществоведении, прежде моноидеологичном, стало естественным принимать или не принимать те или иные учения, в том числе марксизм. Теперь это стало вопросом личного выбора каждого обществоведа. Говоря о себе, Лапин заметил, что он никогда не утрачивал интереса к методологии Маркса — молодого, зрелого и позднего и при необходимости возвращается к его произведениям: не столько для цитирования, сколько для самопроверки.

Через год после завершения беседы с Ядовым я решил провести интервью с Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом, который к тому времени уже четверть века жил в США. Он многие годы работал в СССР, принадлежит к первому поколению социологов, после перестройки он стал часто приезжать в Россию, встречался с ведущими российскими социологами, и, как я понимал, мог рассказать многое и о собственном пути в социологию, и о развитии нашей науки. Конечно же я держал в памяти замечание Ядова о термине Шляпентоха «кассетное мышление». Но так получилось, что мне не потребовалось спрашивать его об отношении к марксизму и о «кассетном мышлении». Он сам подошел к этой теме, развивая ответ на мой вопрос о сходстве идеологических установок, понимании политики страны, философии социологов-«шестидесятников».

Его интерпретация этого вопроса вылилась в ответ, крайне интересный для истории советской социологии, приведу полностью первую часть сказанного им [Шляпентох, 2006: 20]:

*Это очень интересный, но и трудный вопрос. В 60-е годы было почти полное единство среди первых социологов. С одной стороны, они сами не выходили за рамки основных марксистских постулатов. Грушин, например, бравировал (чем меня этим при первом знакомстве в середине 60-х чрезмерно удивил), что он убеждённый марксист. С другой стороны, вера в важность либерализации общества была принята ими всеми как идеология, обосновавшая необходимость социологии и *raison d'être* [БД: смысл] нашего существования. Официальный курс оттепели, который пережил Хрущева до 1968 года, а в социологии частично даже до 1971 (ведь институт социологии был создан официально в 1968 году и просуществовал с Румянцевым как директором до 1971), делал всех нас лояльными режиму. Геннадий Осипов, чьи заслуги в создании социологии в начале 60-х годов огромны, выглядел вполне как «свой парень». Он был тогда действительно вдохновлён, как никто другой, созданием эмпирической социологии и радовался каждому успеху в этом деле. Это он, например, добился того, что Румянцев подписал предисловие к моему сборнику «Социологии печати». Вера в то, что создание социологии великое дело, объединяло не только высший комсостав*

социологии, но и рядовых бойцов и офицеров. Действительно, когда я приехал в Москву в 1969, я застал фантастическую картину в новом институте. Институт был переполнен «леваками», имевшими очень отдалённое отношение к социологии, были даже подписанты. Среди ярких либеральных звёзд был журналист Лев Анненков и экономист Геннадий Лисичкин. Был Лен Карпинский, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, у которого за плечами было несколько выдающихся поступков, включая выступление против волны сталинизма в «Известиях», где он работал после изгнания из «Правды» за статью (совместно с Бурлацким) против цензуры. Был там [БД: Борис Сергеевич] Орлов из тех же «Известий», уволенный за отказ писать репортажи из Праги о вторжении советских войск.

В 90-е годы, по выражению Шляпентоха, в сознании российских социологов произошла «замена кассет». Маркс и социалистические идеи начали срочно покидать публикации большого числа социологов и заменяться модными западными авторами типа Бурдье, многие из которых вели свою родословную именно от Маркса. В начале 90-х на юбилее Здравомыслова в Москве Шляпентох выступил с небольшим докладом, в котором пытался опозорить московских либералов в их возникшей ненависти к социальному равенству, доказывая, что в своей прыти отмежеваться от марксизма и социалистических идеалов они выглядят на Западе троглодитами. В вспыхнувшей затем небольшой перепалке Галина Михайловна Андреева спросила Шляпентоха: «Владимир Эммануилович, верите ли Вы в то, что человек может искренно менять свои убеждения?». Он ответил, что, конечно, может, но при условии, что изменения взглядов не приносят ему выгоду, не помогают ему делать карьеру. И он добавил, что эволюция взглядов Сахарова и Горбачёва ему кажется вполне достойной, а вот превращение Александра [БД: Николаевича] Яковлева, бывшего и. о. отдела пропаганды и агитации ЦК в агрессивного хулигана Маркса, равно как и генерала Д. А. Волкогонова, зам. начальника Главупра по пропаганде в армии, в активного демократа абсолютно позорны.

Затем Шляпентох остановился на своём отношении к марксизму. Он заметил, что в то время как многие российские либералы отмежвывались от Маркса, его эволюция в Америке была противоположной. Он понял, что его юношеский экстремизм в студенческие годы в Киевском университете (1947—1949), который заставил его на протяжении многих лет видеть в Марксе только неудачного пророка новой религии, был глубоко неправильным. Он разглядел в Марксе не только утописта, но и выдающегося мыслителя, в качестве социолога он оказался «живее всех живых». По числу концепций, «работающих» в наше время в социологии, полагал Шляпентох, ему нет равных, даже в сравнении с иконами современной социологии: Дюркгеймом, Вебером или Парсонсом. И в завершение Шляпентох вспомнил такой случай: «Недавно я прочитал для аспирантов-социологов лекцию о Марксе и сам оказался под впечатлением мощи его беспощадного интеллекта, со всеми его ошибками и просчётами. Среди других идей, которые я толкал, была и демонстрация превосходства марксистского анализа социальных процессов, со всеми его ограничениями, над „убогостью“ (любимое слово Маркса и Ленина) постмодернизма, при наличии некоторых положительных элементов в нём».

Выше говорилось об одном из соучеников Ядова Василии Яковлевиче Ельмееве. На протяжении всей его долгой научной жизни он считал себя истинным сторон-

ником марксизма, потому мне показалось важным затронуть эту тему в нашей беседе. Мой первый вопрос касался положения марксизма в российской социологии и специфики российского марксизма. По мнению Ельмеева, интервью проходило в 2007 году, марксизм в России в институциональном отношении находился в худшем положении, чем где-либо в мире. В учебниках по истории западной социологии К. Маркса ещё относили к классикам, но в официальной современной российской социологии не было ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина, не говоря уже о Сталине. Однако, тот факт, что теоретически марксизм не был преодолен ни одной из современных социологических теорий, позволял Ельмееву надеяться не только на его сохранение, но и на его развитие в диспутах.

Второй вопрос к Ельмееву имеет прямое отношение к исследованиям Ядова, поэтому приведу и вопрос, и ответ полностью: «Знакомы ли Вы с недавно выпущенной в Петербурге книгой Ядова „Современная теоретическая социология“, в которой он, высоко оценивая марксизм, вместе с тем отмечает, что происходящие в стране процессы могут быть успешно рассмотрены лишь в рамках мультипарадигмальной социологии. Что Вы думаете по этому поводу?» [Ельмеев, 2007: 8]:

С изданным недавно курсом лекций В. А. Ядова «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций» (СПб., 2006) ознакомиться удалось. Я знал его позицию, согласен с Вами по поводу его высокой оценки марксизма как одной из парадигм в социологии, хотя в рекомендуемой в лекциях литературе нет ни одного произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Если же не придерживаться марксизма, то надо сделаться приверженцем или продолжателем другого учения, если нет разработанной собственной парадигмы и собственной социологической концепции. Теоретической социологической парадигмы, которая бы превзошла марксизм, я пока не вижу или её просто нет. Полагаю, что понять современный капитализм в России невозможно, если не опираться на «Капитал» К. Маркса. Плюрализм в этих вопросах считаю умноженным дуализмом, причём в наихудших его формах — зеноновской дихотомии или кантовских антиномий.

И завершу этот параграф мнением Ядова о перспективах марксизма в России [Ядов, 2005а: 10—11]:

Скажу так. Ральф Дарендорф в период начала посткоммунистических трансформаций писал о пост-состоянии, что в нём противостоят две тенденции: публичное отвержение прошлого и его вползание во все поры «постобщества». Ельцин после того, как слез с танка, но ещё не «работал с документами» так часто, как в конце своего президентства, произнёс известную фразу, обращённую к руководству республик: «Берите власти столько, сколько сможете удержать». Точно по формуле Дарендорфа. Если в СССР общие интересы (будь-то школьный класс или всё общество) декларировались как наиважнейшие, а частные — как им подчинённые, то Ельцин провозгласил нечто прямо противоположное. Теперь Путин восстанавливает первенство общенациональных интересов, как принято на Руси, перегибая палку. Ильич любил повторять фразу Плеханова: «Чтобы выправить линию, надо перегнуть палку в другую сторону». С марксизмом то же самое. Публично мало кто именует себя марксистом, хотя и таких хватает. Институт экономики [БД: Леонида Ивановича] Абалкина — твёрдые марксисты, которые

этим гордятся. Исходя из положения, что бытие определяет сознание, я уверенно прогнозирую ренессанс марксизма в разных неовариантах.

Возьмём Марксову концепцию рабочего класса. Российские наёмные работники физического или иного труда — типичный класс эксплуатируемых. Но это «класс в себе», он не осознает своего положения, и потому нет солидаризации, рабочие не стали реальным субъектом социальных процессов, не созрели до состояния «класса для себя». В странах Евросоюза картина противоположная и наёмные работники и работодатели чётко сознают несходство интересов. Действуют, однако, не по «Коммунистическому манифесту», но следуют идеологии партнёрства. В Конституции ФРГ говорится, что Германия является «демократическим и социальным государством». Отсюда — законы о труде, диктующие процедуры переговорного процесса между профсоюзами и хозяевами предприятий.

Мне посчастливилось присутствовать на таких переговорах. Мой друг социолог социал-демократ Вернер Фрике [БД: Fricke, Werner] из Фонда Эберта организовал приглашение на заседания сторон IG Farbenindustri, мощной сталелитейной компании. Большой зал. За длинным столом друг против друга элегантные господа. Плакат на одной стене — «Союз предпринимателей IG», на противоположной — «Профсоюз IG». За круглым столиком в стороне такие же элегантные Herren и флажок в центре — Министерство труда. Называется трипартизм. Профсоюзники в лице профессиональных экономистов демонстрируют на экране график заметного увеличения прибылей компании в минувшем году и требуют увеличения тарифных ставок. Другая сторона спрашивает: кто выступал на улицах за воссоединение Германии? Предприниматели или рабочие? Вы отлично знаете, что бюджет предполагает отчисления по статье помощи восточным землям. Как можно повысить разрядные тарифы? На третий день, как сообщил Фрике, пришли к согласию о каких-то пропорциях в пользу сторон. По федеральному Закону в случае нарушения «Генерального соглашения» хозяевами работники имеют право на забастовку с компенсаций нерабочих дней.

Скажи, можешь себе представить подобное собрание в московском особняке? Ответ знаю. Сегодня — нет, но уверен, что послезавтра — да. Россия является членом Международной организации труда (МОТ). Решения последней носят рекомендательный характер. Но рано или поздно наше правительство вынуждено будет следовать конвенциям МОТ. Великая держава не может вести себя как африканское государство с президентом-людоедом Бокассо. Сегодня российский капитализм варварский. Например, в приличных странах узаконен процент от прибылей, часть, которую должно тратить на повышение зарплат. Академик [БД: Дмитрий Семенович] Львов пишет, что «у них» зарплатная доля составляет около 70 процентов, у нас — около 30 процентов! Причём никакими законами это не регламентировано. На одной конференции выступающий пересказал разговор со своим приятелем, ныне хозяином процветающей индустриальной фирмы. Я, говорит, спрашиваю: сколько платишь работягам? Тот: чуть больше, чем другие в нашей отрасли, чтобы не переманивали к себе. — А повысить ставки можешь? — Могу, но зачем?

Когда у нас «устаканится», классовая теория Маркса будет объективно востребована.

Парадигмальный подход: «Юрьев день» в теории социологии

Повторю, мне не пришлось непосредственно с Ядовым обсуждать его движение в сторону полипарадигмального подхода и то, в силу каких обстоятельств, по его мнению, он стал разрабатывать эту концепцию, но в рамках историко-биографического исследования такая тема представляется крайне важной. Поэтому здесь приходится «косвенно» восстанавливать этот путь, в опоре на опубликованное им по этой тематике и на комментарии российских авторов по поводу его теоретических построений.

Прежде всего, следует заметить, что марксизм шестидесятников, тем более — в последние десятилетия прошлого века не был ортодоксальным, в их марксизме присутствовали элементы многих социологических парадигм. Это читается в приводившихся выше словах Ядова, Здравомыслова, Шляпентоха, просматривается и в ответах Лапина. Также можно обратиться к некоторым работам по критике буржуазной социологии Г. М. Андреевой, Ю. А. Замошкина, И. С. Кона и ряда других философов этого поколения, их книги, статьи давали понять внимательному читателю возможность обогащения истмата за счёт включения в марксистскую философию положений Вебера, Парсонса, современных учёных. Но сейчас я обращаюсь к интервью с Варленом Викторовичем Колбановским, философом и социологом первого поколения, многие годы исследовавшим вопросы теории марксистской социологии. Это именно он своей статьёй почти шестидесятилетней давности «О предмете марксистской социологии» («Вопросы философии». 1958, № 8) начал дискуссию о самостоятельности социологии как науки. Напомню, что признание социологии как особой научной дисциплины произошло лишь в перестроечные годы.

Начиная интервью, я знал, что Колбановский не просто москвич, но — принадлежавший к «Арбатскому братству»; вот его слова: «Мы, наша школа, были детьми Арбата. Не случайно так называется книга ученика нашей школы, писателя Анатолия Рыбакова. Один из лучших, а, может быть, и самый лучший поэт нашего поколения Булат Окуджава писал: «Арбатство, растворённое в крови неистребимо, как сама природа». Поэтому я знал, что беседа с ним будет интересной и фактологически крайне насыщенной. Но сейчас я приведу лишь некоторые фрагменты его обстоятельного рассказа о том, как у него возникла идея написания статьи о предмете марксистской социологии. Безусловно, было бы абсурдно, исторически-ограниченно объяснять появление обсуждаемой ниже статьи Колбановского лишь его «Арбатскими корнями», но не принимать во внимание это обстоятельство тоже нельзя. Вспомним приведённые выше слова А. Здравомыслова: «Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин...».

Конечно, ниже — рассказ не о возникновении полипарадигмальной социологии, но о том, почему она не могла возникнуть в СССР в первые постсталинские годы. Вот как это было сформулировано Колбановским [Колбановский, 2014: 10—11]:

Всего десять лет назад (на философской дискуссии в ЦК ВКП(б) 1947 г.) прозвучал тезис об «отпочковывании» конкретных наук от философии — процессе, прогрессивном как для конкретных наук, так и для самой философии: озвучил этот тезис «главный идеолог» А. А. Жданов, но его подлинным автором был академик Б. М. Кедров, который и разрабатывал потом эту позитивную идею в Институте истории естествознания и техники АН СССР.

Вопрос об «отпочковывании» социологии от философии в СССР стоял особенно сложно. «Легитимными» в период 50-х гг. были понятия буржуазная социология (как ненаучная и сервильная империализму) и марксизм (= «исторический материализм») как единственно научная социология. Это повелось ещё с первой работы В. И. Ленина в полемике с Михайловским («Что такое друзья народа» и т. д.), было продолжено Н. И. Бухариным в 20-е гг., философами ИКП в начале 30-х гг. и канонизировано Сталиным в «Кратком курсе». Таким образом этому установившемуся «легитимному порядку» (коренившемуся в глубоко иррациональном понимании марксизма как непререкаемой «светской религии») надо было противопоставить некоторую другую — более гибкую и лабильную систему взглядов, которая бы рассматривала советскую социологию не как общефилософскую, а как конкретную общественную науку с собственным теоретико-понятийным аппаратом и методико-эмпирической базой. Как это можно было сделать в условиях поздней (послесталинской) идеократии?

Никакие лобовые атаки, никакие «полипарадигмальные подходы» были в этот период абсолютно невозможны. В ЦК КПСС, в его отделах науки, агитпропе, идеологическом отделе сидели бесконечно бдительные социальные цензоры, охранители и попросту «стукачи», которые особенно были натасканы на философскую и социологическую «ересь» супротив марксизма. Более того. Ортодоксальный истмат переживает в 50-х гг. эпоху своего высшего расцвета и торжества. <...> В этих условиях работа по отпочковыванию социологии от философии могла происходить только на почве истмата, в категориях истмата и в форме защиты, углубления и развития самого истмата. Необходимо было найти *modus vivendi* — форму сосуществования истмата и социологии. Поиски этой формы прошли несколько этапов, но дискуссия в «Вопросах философии» 1957—1958 гг. фактически была первым этапом.

По мнению Колбановского, статья Юргена Кучинского «Социологические законы» («Вопросы философии», 1957, № 5) давала основания для новой, более гибкой легитимации социологии, хотя оперировала она совершенно ортодоксальными марксистскими категориями и чисто формально была направлена на «дальнейшее совершенствование» и упорядочение этих категорий. Ю. Кучинский — социолог и экономист из ГДР, автор большого цикла работ о положении рабочего класса в Англии и других странах З. Европы. Он был социологом традиционного марксистского направления, но постоянно анализировал огромный экономический и статистический материал. Ряд его книг были переведены и опубликованы в СССР в 50-е гг., и его политическая и научная репутация не вызывала особых опасений ортодоксии. Именно поэтому его статья была опубликована в единственном тогда философском журнале.

Обсуждая соотношение экономических и социологических законов, Кучинский пришёл к заключению о неправомерности подчинять политическую экономию социологии или же считать социологию одной из отраслей политической экономики, и затем он пришёл к выводу: «Социология является совершенно самостоятельной наукой».

Естественно, в своей статье Колбановский не отрекся от исторического материализма, материалистическое понимание истории он считал великим научным открытием. Однако, в его представлении сама «парадигма» материалистиче-

ского понимания истории не была чем-то вечным, но трактовалась как имевшая исторически преходящий характер, и потому с необходимостью на её место должна была прийти другая, более точная и универсальная «парадигма».

И вот как Колбановский оценивал сделанное им в наше время (в силу того, что Варлен Викторович не пользовался электронной почтой и часто болел, интервью продолжалось с 2009 до 2014 года) [Колбановский, 2014: 12]:

«Бросая ретроспективный взгляд в прошлое» или, проще говоря, смотря на пол-столетия назад, я вижу следующее: в положениях моей статьи уже заложено размежевание и разграничение истмата как общей теории, как социальной философии и не эмпирической науки — и другой его «отдельной» стороны — области конкретных социологических исследований, области эмпирической науки. Именно это различие теоретической и эмпирической стороны истмата послужило основанием для более точного определения предмета социологии в дискуссиях 1960—1970 –х гг.

Когда в начале декабря 2014 В. В. Колбановский умер, я писал, что его смерть: «это не только уход удивительного человека, эрудированного, всегда открытого к диалогу, интеллигентного, с большим чувством юмора, много сделавшего для становления отечественной социологии, до последних дней следившего за её развитием и активно публиковавшего свои размышления о ней. Но это теперь ещё одна навсегда закрытая в наше прошлое дверь...». Задумаемся, от кого кроме Колбановского можно было бы получить столь интересное для освещения нашей истории воспоминание, в котором речь идёт о Г. В. Осипове: «Во время одной из наших ночных прогулок по Старому (тогда перестраивавшемуся) Арбату мы обсуждали вопрос о предмете социологии. И у него блеснула мысль, которую он тут же мне и поведал: „Социология — отдельная от истмата и самостоятельная наука. В своей книге я раскритикую тебя за твою статью в „Вопросах философии““. Это он и сделал — потому что в этот период был гораздо „левее“ и надо отдать ему должное — прозорливее меня. Допускаю, что работа с „кондовыми“ истматчиками в должности Учёного секретаря Института философии (1955—1960 гг.) показала ему, каким застойным болотом и мертвечиной был официальный истмат, претендовавший быть „единственно научной социологией“» [Колбановский, 2014: 14].

Завершая этот сюжет, хочу сказать, что на обсуждение с Колбановским его статьи 1958 года меня «навёл» именно Осипов в процессе нашего интервью.

Опуская многие аспекты движения Ядова к концепции полипарадигмальности, я полагаю необходимым коснуться рассмотрения смены его критического отношения к качественным методам на его активную поддержку этого направления.

В статье «К вопросу о макро-микро дилемме в социологии» (2009 г.), которой Ядов отметил своё 80-летие, есть такие слова: «Количественную методологию удалось прилично освоить. „Качественники“ же появились у нас в период пост-перестройки. Я их не понимал. Не понимал и их увлечение феноменологами. И не только я, большинство, если не все из моего поколения социологов». И далее, в примечании он заметил, что на протяжении довольно продолжительного времени оставался сторонником «истинной», то есть позитивистской социологии и выступал с публичной критикой В. Н. Шубкина за некоторые его высказывания относительно использования в социологии приёмов журналистики [Ядов,

2009а: 147]. В самом конце 1980-х — в первые 90-е его отношение к ним стало меняться. Отмечу два аргумента в пользу этого утверждения.

Первый, — это статья Ядова «Стратегия и методы качественного анализа данных», опубликованная в первом выпуске журнала «Социология 4М: методология, методы, математические модели» за 1991 год [Ядов, 1991]; скорее всего, она была написана в том же году или в конце предыдущего. И, очевидно, она носит разведывательный, ознакомительный характер, в ней ссылки на давно проработанную Ядовым отечественную и зарубежную литературу и на работу Андрея Николаевича Алексеева, с которой он тогда знакомился. Поскольку в перечне использованной литературы указывается, что материал Алексеева (всюду приведены инициалы А.П., хотя надо А.Н.) находится в печати, я решил уточнить у Андрея Николаевича, когда этот текст был опубликован. Он ответил, что Ядов тогда писал предисловие к рукописи так и не вышедшей книги Алексеева «Познание через действие...».

Но даже статья, которую писал Ядов, лишь ознакомившийся с возможностями качественного анализа, для многих открыла эту методологию и определила характер их собственных исследований. Так вспоминает своё первое впечатление об этой статье А. С. Готлиб: «Я, конечно, не могу назвать точное время: день, час, год. Но я хорошо помню, какое ошеломляющее действие на меня произвела первая в российской социологии Ядовская статья по методам качественного анализа данных, опубликованная в 1991. Гремучая смесь впечатлений: удивление, ощущение необычности, восторг, стремление сразу же повторить этот опыт. С этим ощущением чего-то абсолютно нового, и потрясающе интересного жила несколько лет» [Готлиб, 2012: 14]. Далее она заметила, что «тема повела за собой» и в 2005 году она защитила докторскую диссертацию по методологии качественного анализа.

В процессе работы над этой книгой я попросил Анну Готлиб написать, как, по её мнению, Ядов относился к качественным методам. Прежде всего, она дополнила своё воспоминание о первой встрече с рассматриваемой статьей: «Его первая статья в „Социологии: 4М“ в 1991 году была первой ласточкой нового подхода: оказывается можно и без математики получить новое знание, прирастить имеющееся. Правда, и Ядов это показывал замечательно, можно и нужно использовать математическую логику: его метод „дна и элиты“, о котором он в статье рассказывал, как раз предполагал это использование логики: социолог ищет то общее, что характерно для первой и второй группы, а затем анализирует различия. То есть, нет коэффициентов корреляции, нет регрессионного анализа, но логика есть. Это было страшно интересно». Что касается собственно отношения Ядова к качественной методологии, то оно, полагает Готлиб, было сложным. С одной стороны, как умный, с высоко развитым чутьём он ратовал за полипарадигмальность, разъезжал по городам и весям страны с этой главной идеей. И к нам [БД: в Самару] приезжал с этим. Полипарадигмальность не только в теоретических подходах, но и на уровне эмпирическом. То есть, признавал возможность «другой социологии». С другой стороны, ему как социологу, сформировавшемуся в иных традициях, трудно было в полной мере принять ключевое положение феноменологической социологии, согласно которому «люди конструируют реальность всегда, это человеческий способ жизни, и социологи должны эти конструкты, это индивидуальное видение анализировать. И другого не дано».

Второй аргумент обнаруживается в воспоминаниях В. В. Семёновой: «В 1990 г. по „наводке“ В. А. Ядова, который знал наши „когортные“ наработки в лонгитуде [БД: Микка] Титмы, к нам обратился французский исследователь Даниэль Берто. Как многие его коллеги, на волне перестройки оживившие свой интерес к России, он приехал в Москву, чтобы осуществить свой „российский“ проект „Социальная мобильность в России в трёх поколениях“. Ядов направил его к нам» [Семенова, 2010: 14]. Далее Семёнова отмечает, что для небольшой группы российских социологов это была настоящая ломка сложившегося профессионального мировоззрения: от позитивизма к субъективной социологии. Методика биографического исследования, которая предполагала ряд совсем новых для них методических процедур, начиная от характера общения с респондентом и заканчивая интерпретативными методами анализа, оказалась «импортированной» с Запада. Над этим проектом они работали в 1990—1994 гг., неоднократно участвовали в различных семинарах и школах, в Англии, во Франции и в других странах, выезжали на кратковременную стажировку к Даниэлю Берто в Париж, и постепенно в ходе работы овладевали новой для них техникой и новым взглядом на социальное, глубже постигали теоретические и методологические основы качественной методологии в целом.

Пришло время, и Виктория Семёнова решила обобщить в докторской диссертации сделанное ею за многие годы работы в социологии и раздумывала, писать по более традиционной теме — поколения или по новой, каковыми качественные методы оставались и в конце 1990-х. Решила посоветоваться с Ядовым, он твёрдо сказал — по новой методологии; она — спорна, тем и интересна. Защита состоялась в 2000 году и была первой по качественной методологии. Всё окончилось благополучно, но, по воспоминаниям Семёновой, то «...была действительно „рубка“». Многие члены Совета ополчились против этой „качественной“ методологии (а что, остальная социология, значит, некачественная?!). Было много выступлений „против“ <...> мнение Совета склонялось в сторону полного неприятия диссертации и новой методологии как ненаучной, субъективистской, волюнтаристской, подвергающей сомнению устоявшиеся представления о логике социологического анализа».

Есть ещё одна точка на пути к полипарадигмальной концепции, о которой Ядов кратко рассказал в цитированной выше его статье 2009 года о соотношении макро- и микроподходов в социологии. По его замечанию, коллизия соотношения микро и макро — это проблема, пронизывавшая всю его социологическую жизнь, начиная с момента создания социологической лаборатории в ЛГУ. Ему не удавалось более или менее органично совместить макро-микро анализ и интерпретацию данных. Тогда Ядов обратился к истории расхождения путей макро-теоретиков и конструктивистов. И вдруг, пишет он, меня «осенило», он совершенно чётко увидел, что макро- и микроанализы продвигались друг навстречу другу, сами того не осознавая. При этом, отмечает он, «прозрение» пришло при чтении книги Вадима Волкова и Олега Хархордина «Теория практик» [Волков, Хархордин, 2008].

Глубокое знание Ядовым основных классических и современных теоретических направлений социологии, преодоление им собственного острокритического отношения к качественной социологии, понимание природы соотношения микро

и макро, постоянное наблюдение признаков растерянности среди коллег, прежде всего — в региональных социологических центрах и на факультетах, — вызванной множеством теоретических схем, открывшихся многим в перестроечные и первые постперестроечные годы, стало стимулом для разработки им в начале нынешнего столетия полипарадигмального подхода. В общем случае речь идёт о признании за социологом права использования любых теоретических платформ и эмпирических методов, позволяющих ему эффективно искать ответы при решении стоящих перед ним проблем. Полипарадигмальный подход, писал Ядов, открывает возможность совмещения различных теоретических подходов [Ядов, 2003]. Прошло совсем немного времени с момента введения Ядовым этой инновации, и сегодня она многим представляется «естественной». Однако нельзя не согласиться А. Ю. Согомоновым, отметившим, что в то время теоретические разночтения одного и того же предмета были в новинку, не принимались истеблишментом и не очень уживались в голове самого исследователя. И далее: «Преодоление этого интеллектуального коллапса необходимо было и чисто академически и, что, пожалуй, гораздо важнее — политически. Теоретическое разночтение должно было стать и институциональной нормой в науке, и допустимой средой свободного научного мышления» [Согомонов, 2009: 280].

Вскоре после выхода статьи Ядова одна за другой (2005 г. и 2006 г.) были опубликованы две работы А. Н. Малинкина с анализом Ядовской концепции. В них утверждается допустимость двоякого истолкования этого подхода: как исследовательской методологии (стратегии) и как социологической методологии (методологии социологического исследования). По его мнению, первое понимание допустимо и желательно, второе — нет, потому что узаконивает беспринципную эклектику. Поскольку в социологической литературе я не встречал второй интерпретации обсуждаемой концепции, я в нашей переписке (она состоялась в ходе работы над этим разделом книги) попросил Малинкина указать мне её примеры, так как мне хотелось понять логику подобной интерпретации. Я весьма благодарен ему за ответ, приведу его полностью:

Когда я писал статью, я не искал письменных подтверждений двух указанных точек зрения. Ориентировался на собственный опыт, так сказать, включённого наблюдения за социологической практикой в Институте социологии в течение почти 30 лет. Прежде всего для меня примером теоретика-методолога, идущего одновременно от теории и вызовов практики, всегда был Г. С. Батыгин. С Геннадием мы долго вместе работали (у Бестужева-Лады, Давыдова, потом в его секторе социологии знания и редакции СЖ), провели одно совместное исследование, в некоторых его исследованиях я участвовал. Он как старший товарищ часто выступал для меня в роли наставника. Но я работал и в других секторах института, наблюдал исследовательскую практику и там. Так что можно, конечно, сказать, что слова «в социологической практике этот подход истолковывается двояко» носят общий характер, однако это не общие слова, не пустые абстракции, за которыми не стоит ничего, кроме социологического воображения.

По мнению Малинкина той или иной разновидности второй интерпретации парадигмального подхода Ядов придерживался в своих лекциях; могу допустить, что в отдельных случаях в первые годы разработки полипарадигмальной кон-

цепции он так делал, но ничего подобного нет в его итоговых книгах «Стратегия социологического исследования» (2007 год) и «Современная теоретическая социология...» (2009 год).

Вместе с тем, я полностью согласен с первой интерпретацией Малинкиным поплипарадигмального подхода — как исследовательской методологии (стратегии). Действительно, в условиях теоретической неопределённости, характерной для российской социологии рубежа веков, социологам нужен был некий гид в крайне сложное и необычное по своей организации парадигматическое пространство. Ядовское предложение и сыграло роль подобного проводника.

В моём письме Александру Малинкину я кратко обозначил собственное понимание Ядовского полипарадигмального предложения: «Я полагаю, что построение В. А. — скорее политико-научное (он пришел к нам, чтобы дать нам свободу), чем теоретико-методологическое. Что Вы думаете по этому поводу?». Повторю, я не беседовал с Ядовым по поводу его полипарадигмальных сюжетов, но предполагаю, что в какой-то момент анализа накопившегося социологического багажа, в нём «заговорило» его хунвейбинство студенческой поры, и он понял, что свободно работать можно лишь в случае признания правомерности разных парадигм. И почувствовав в этом свободу, он решил, что свободными должны быть и другие. Конечно, мне было приятно прочесть в ответе Малинкина слова: «Наверно, Вы правы, когда пишете, что „построение В. А. — скорее политико-научное (он пришел к нам, чтобы дать нам свободу), чем теоретико-методологическое“. Речь, похоже, идёт отчасти о политике в области науки, отчасти — о политическом взгляде на научное познание, или, может быть, лучше сказать, о политически-идеологическом взгляде. Дескать, „пусть расцветают все цветы“».

В моём понимании, центральная идея Ядовского предложения очень чётко сформулирована А. Ю. Согомоновым: «А вот никакой одной единственной „звезды“ быть не может» [Согомонов, 2009: 281]; и далее он развивает это утверждение, говоря, что Ядов ненавязчиво, но решительно «отменил» правомерность лишь одного полипарадигмального подхода, он вернул в академическое сообщество ценности и нормы профессиональной этики учёного.

Как и Малинкину, в письме Согомонову я отметил, что Ядов «пришёл, чтобы дать нам свободу», ответ, присланный Согомоновым, оказался весьма пространным, но основные его положения я приведу:

Мне кажется, Вы очень точно уловили его жизненное амплуа <...>

Мне кажется, что его увлечение полипарадигмальным подходом возникло не сразу, а как ему пришлось стать директором нашего Института. Он отчётливо понимал, что возглавляет консервативную и ригидную институцию на переходный период. А это значит, что в ответственности научного руководителя большого коллектива — не дать ему развалиться как целостности, следовательно, принцип «пусть расцветают сто школ» оставался единственной стратегией транзита. Монолит нужно было постепенно расколоть, но не через борьбу, а через толерантность <...>

Полипарадигмальный подход стал в этом смысле не только его личностным выбором (ему так было легче найти компромисс с самим собой и с другими), но и дидактической тактикой выращивания не зашоренного поколения чего-то

нового. Не уверен, что сам про себя он сказал бы так же, но мне со стороны это было хорошо видно все эти годы. Пока он был активен и как учёный, и как руководитель, и как педагог.

Поэтому, конечно же, полипарадигмальный Ядов, мне кажется, это хорошо выстроенная политика транзита в научном сообществе, а не попытка построения аутентичной методологии.

Хотя в моей переписке с Ларисой Козловой и Александром Малинкиным моя интерпретация Ядовского полипарадигмального подхода как «Юрьева дня» для российской социологии подверглась сомнению, я всё же остаюсь при своём мнении. «Юрьев день» в Институте социологии, об этом — выше, помог сохранить кадры и, главное, активизировал исследовательскую деятельность. Безусловно, многие коллеги Ядова, особенно работавшие в Институте социологии, ряде других московских и петербургских социологических структур давно в своей практике и в своих лекциях придерживались полипарадигмальных взглядов. Но ведь Россия — большая, и во многих университетах, не только региональных, но и столичных, о полипарадигмальности не могло быть и речи. Однако постепенно, сделанное Ядовым, без шума, «естественным» образом, стало составной частью современной российской социологии.

Ближний мир

Во вводном разделе было сформулировано понятие семантического пространства, названного «Миром Ядова», и говорилось о трёх важнейших его подпространствах: личностном, профессиональном и коммуникационном. И тогда же отмечалось, что сложность анализа последнего определяется особой Ядовской коммуникабельностью, а также географией и долголетием его профессиональных контактов. И вот теперь, следуя логике задуманного, мы подошли к рассмотрению коммуникационного мира Ядова. Но это лишь с формальной точки зрения. Фактически, уже на первых страницах книги, в автобиографических письмах Владимира Александровича, мы вошли в этот мир и не покидали его.

Ядов говорил о своей приверженности к коллективной работе и приводил примеры своего сотрудничества со многими коллегами и учениками, постоянно подчёркивая значимость их вклада в разработку теоретических проблем и анализ собранной информации. Он вспоминал своих университетских наставников и его ленинградских, московских и иностранных коллег-друзей, общение с которыми было для него крайне полезным в профессиональном и человеческом плане. Конечно, же он говорил и о своей семье.

Сборник «Vivat, Ядов!», подготовленный коллегами Ядова к его 80-летию, это — отличная основа для изучения коммуникационного мира Владимира Александровича. Во-первых, — серия интервью, в которых он рассказывает о себе. Во-вторых, почти три десятка очерков, эссе, написанных его школьными и студенческими друзьями, родными, коллегами разных возрастов. Далее — анализ ряда направлений Ядовских исследований, выполненный видными российскими и зарубежными (Болгария, Венгрия, Италия, Канада, Польша, Финляндия, Эстония) учеными. Четвёртый информационный блок назван «Первый учитель» — это воспоминая тех, кому Ядов помог войти в профессию, добиться в ней заметных результатов. Есть сказки прадедушки Володи, это то, что Ядов сочинял для своего правнука. Всё вместе позволяет лишь в самых общих чертах представить границы и наполненность «Мира Ядова». Можно утверждать, что без детального анализа системы общения Ядова невозможно построить и понять его мир, вместе с тем, освоение этого мира — одна из главных задач исследования истории российской социологии. Проведённые мною около 140 интервью убеждают в том, Ядов — «суперзвезда» коммуникационного мира нашего профессионального сообщества.

Ниже я лишь притронусь к двум темам, дающим представление о «самом ближнем мире» Ядова: его семье и друзьям-коллегам, с многими из которых он поддерживал самые добрые, тесные отношения на протяжении полувека.

Семья

Вопрос о семье почти завершал беседу с Ядовым 2005 года: «О профессиональном сообществе в целом мы поговорили, тему поколений затронули, может теперь

о твоей семье? Ведь в социологии есть династия Ядовых». Приведу полностью ответ Владимира Александровича [Ядов, 2005b: 30—31]:

Да, это так. Коля защищал работу в рамках диспозиционной концепции. Опрашивал полярников и для контроля — тех же специалистов, что работали в Институте Арктики и Антарктики в Ленинграде, не имея опыта экспедиции (непростой доступ к зимовщикам организовал мой школьный однокашник Олег Седов, ставший полярником). Проблема — насколько реальные условия влияют на диспозиции личности. Изменяются они под влиянием ценностных ориентаций или поведенческих аттитюдов, то есть сверху или снизу. Он тянул с работой очень долго, не хотел прикрываться фамилией и делал всё крайне тщательно. Защита на психфаке прошла великолепно. Чтобы прокормить семью (теперь две дочки и сын), занялся неакадемической деятельностью, пошёл работать к тебе в Северо-Западный филиал ВЦИОМ. Сегодня это российско-финская фирма «Той-Опинион». Но радует, что Коля остаётся верен академической науке. Повторное исследование «Человек и его работа» его команда сделала за гроши, какие у нас были по гранту. Просто я сказал — денег у нас столько-то, больше нет. И они выложились по-полному. Одна из интервьюеров пишет: «на заводе альтернативный профсоюз изгнан, судится с администрацией, меня дирекция не допустила в цеха, пришлось ловить респондентов возле пивного ларька у проходной». Чувствуешь марку? Коля — наша с Люкой гордость. Например, такой факт. Он шеф российско-финского предприятия, а зарплату делит по справедливости, ничего себе не отстёгивает. Звонит и спрашивает — папа, не можешь подкинуть? Отлично понимаю, что его семья могла бы жить как околоноворусская, но у него есть нравственные пределы.

Старшая внучка Катя, которая одарила правнуком Димой, работает над кандидатской и успешно преподаёт в «Вышке» (Высшей школе экономики). Студенты говорят, что здорово. Мне — приятно.

Младшая Соня сейчас на третьем курсе социологического факультета в питерском университете. Недавно была включена в группу студентов, приглашённых в США на недельный визит в их университет. Я пару лет назад взял её в Канаду (конечно, не за счёт канадцев) на рабочее совещание по проекту трудотношений и, представь, Сонька там что-то говорила, вовсе не стыдное.

Люка стала основателем отечественной социопедагогики. Мы жили уже в Москве, когда мой школьный друг Слава Никаноров (крупный учёный физик, завлаб, а прежде заместитель директора физтеха Алфёрова) позвонил и спросил, приеду ли я на защиту её докторской. Я, поверь, не знал, что она пишет диссертацию. Тот же синдром, не прикрываться фамилией, хотя в нашей семье, начиная от родителей, жёны сохраняли свою девичью.

И ещё Майя Ядова, двоюродная внучка, о существовании которой я не знал. Она москвичка, окончила по журналистике и поступила в аспирантуру на наш факультет.

Язвительный Валентин Гафт сочинил: «Россия, слышишь этот зуд? Три Михалкова по тебе ползут». Можно сказать: пятеро Ядовых ползут.

Прошло десять лет. Екатерина Николаевна Ядова — в 2009 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Челночество как социальный ресурс трансформационного периода», активно публикуется и успешно преподаёт; она проректор

по дополнительному профессиональному обучению Moscow Business School Московского технологического института.

Соня окончила социологический факультет СПб. университета, специализируется в области прикладных социологических исследований и маркетинге; работает в расположенном в самом центре города, крупнейшем в Питере универмаге — Доме ленинградской торговли (ДЛТ).

Майя Андреевна Ядова в 2006 году защитила кандидатскую диссертацию по социологии: «Нормативные поведенческие установки молодёжи постсоветского поколения», старший научный сотрудник Института социологии образования РАО.

Младший сын Николая — Ян, учится в Петербургском государственном университете путей сообщения.

Правнукам Владимира Александровича Дмитрию (2002 года рождения) и Вальдемару (2012) ещё предстоит выбрать свою профессию.

Жена Владимира Александровича — Люция (Людмила) Николаевна Лесохина — вошла в эту книгу на её первых страницах, в письме Ядова «Что бы я сказал о своей жизни». В какой-то момент нашей с Ядовым переписки я почувствовал, что он очень грустит по Людмиле Николаевне, и поскольку она многие годы отдала социологическим исследованиям в области образования взрослых, более того, была одной из первых среди разработчиков этого направления, я попросил Ядова рассказать о его жене. История эта — необычная, романтическая. Интервью получилось объёмным, потому приведу лишь ряд его фрагментов [Ядов, 2012].

Володя, начнём нашу беседу с вопроса о семье Люки, тем более, что её отец — автор названия книги «Человек и его работа».

<...> Её полное имя Люция, от слова революция. Отец Люки Николай Григорьевич — убеждённый коммунист, вплоть до убийства Кирова работал одним из его помощников, он делал обзоры печати и писем, поскольку имел журналистский опыт (в журнале «Костёр»). Так случилось, что убийцу Кирова Николаева охрана передала Н. Г., сунув ему в руки пистолет. Николаев потерял сознание, так что отец Люки лишь стоял над ним, пока другие гэбисты не увели Николаева. Самое удивительное — это запись в трудовой книжке: «Уволен в связи с убийством С. М. Кирова». И никаких последствий! В нашей питерской квартире остался дарственный портрет Кирова <...>.

Мне кажется, вы подружились ещё в школе... это так?

...Вернувшись из эвакуации, я поступил в 8-й класс в те годы мужской школы и вскоре стал секретарём комсомольской организации. Секретарём ближайшей женской школы была Лесохина. Мы договорились «дружить школами», т. е. устраивать общие вечера непременно с танцами. Был в числе прочих организован «Суд над Печёриным», в котором я прокурорствовал, а Люка выступала его адвокатом. И прочее и прочее.

Вскоре образовалась группа из 4—5 моих и около того же люкиных подруг. Её родители любезно позволяли нам устраивать в их большой квартире в аккурат посерединке двух наших школ на противоположной стороне ул. Чайковского вечеринки с застольем и танцами. Девушки готовили огромное блюдо картофельного салата с другими овощами, мы приносили нарзан и чуть пива. За столом обсуждали

своих учителей (некоторые из них работали в обеих школах) и разные значимые общественные события <...>. Трепались и танцевали под проигрыватель. Моим соперником в отношении Люки был Олег Седов, впоследствии моряк-полярник. Высокий красавец дворянского происхождения. В 9 класс я поступил в авиационную спецшколу, и этим одолел Олега <...>. Фуражку с кокардой, шинель и прочее нам спецам выдали, а погоны — нет. Погоны должны быть уже обычных. И Люка сделала их сама! Да ещё опрыскала духами. Олег всё понял, и мы остались ближайшими друзьями на всю жизнь. Даже могилы Олега и его жены почти рядом с могилой Люки (и моей в будущем) на кладбище в Песочном.

Володя, рассказывая о том, как тебя осенила идея «диспозиции личности», ты заметил: «Со своего „чердака“ я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку. Ты знаешь, она социо-педагог. Люка говорит: это же открытие!». Ты понимаешь, как важна первая реакция человека, мнению которого ты доверяешь. Ведь она могла сказать что-либо типа: «И зачем тебе это надо... у тебя что, нет других проблем?». И ты мог бы согласиться и не разрабатывать эту идею.

А ты не помнишь, как Люка отнеслась к тому, что Игорь Кон начал подталкивать тебя к социологии? Дело-то было новым, туманным...

Дело в том, что о парадоксе Лапьера мы говорили и раньше. Так что «зачем это тебе нужно?» она никак сказать не могла. Напротив, обрадовалась, что некий выход найден.

К моим занятиям социологией Люка отнеслась вполне положительно. Ведь не случайно они с Вершловским [БД: Семен Григорьевич Вершловский (1931—2015), доктор педагогических наук, профессор, специалист в области образования для взрослых и непрерывного образования] попросили специально заняться с моей помощью обучением методам социологических исследований «в поле». Они и выборку освоили и интервью проводили в своём направлении — образование взрослых.

Когда произошёл сдвиг её научных интересов в сторону социологии?

После переезда в Москву я много рассказывал ей о новейших событиях в теоретической социологии, активистской особенно. У нас бывали Зигмунт Бауман и Пётр Штомпка. Однажды мой питерский друг спрашивает по телефону, приеду ли я на защиту Люки? Оказывается, она написала докторскую по проблеме образования взрослых (книгу издали в Польше), ничего мне не говоря. Защита прошла отлично (я, естественно, приехал), а после того Люка выпустила несколько аспирантов, включая одну полячку.

Первые, кому я сказал о предполагаемом отъезде в Америку, были ты и Люка... больше я её ни видел...

Разумеется, она интересовалась вашими делами в США...а потом случился её рак груди, что установили слишком поздно.

В заключение скажу, что наши с ней отношения были очень дружескими, о многом говорили, никогда не ссорились всерьёз. Она оберегала меня от дурных знакомств. Трагедия с запущенным раком была подлинной трагедией. Лечилась она в Питере, куда я приезжал во все выходные. Когда я сказал, что поедem на хутор в Эстонию, она ободрилась, думая, что не так все плохо. Но было именно плохо. Она скончалась на хуторе. На местном кладбище стоит камень в память

о Люке, на русском и эстонском <...>. Портрет [БД: Люки] стоит на книжной полке напротив моей кровати, так, что мы и сейчас вместе.

Добавлю, действительно Людмила Николаевна была яркой, умной женщиной, прекрасно понимала людей и всегда была верным советником Владимира Александровича в весьма непростых жизненных коллизиях.

Интервью с сыном Владимира Александровича Ядова Николаем состоялось давно, на рубеже 2008—2009 гг. Обычно публикации интервью с социологами я сопровождаю вводным текстом, «вводка» к данному интервью была одной из самых коротких: «С тех пор, как я выделил в сообществе российских социологов профессионально-возрастные страты, Николай Владимирович Ядов был обречён на то, что ему придётся поговорить со мною „за жизнь“. Дело в том, что он не просто относится к четвёртой когорте, одно из названий которой — „поколение биологических детей“ социологов-первооткрывателей, но является сыном родителей, стоявших у истоков современного этапа нашей науки. С Николаем удивительно приятно беседовать. Он обладает редким даром: сказать всё, что надо, и не сказать ничего, что не надо».

С Николаем Ядовым (1957 года рождения) я познакомился весьма давно, он ещё был школьником. А на рубеже 1980-х — 1990-х мы несколько лет работали вместе в тогда ещё в Ленинградском отделении Всесоюзного (Всероссийского) центра изучения общественного мнения.

Приведу несколько фрагментов интервью с Ядовым-младшим, прежде всего, раскрывающих важные аспекты общего духа, климата этой семьи.

Когда я спросил Николая о выборе профессии, он назвал два варианта: психология или история. Философский факультет особенно не рассматривался, он казался ему слишком идеологизированным. Заметил, что он очень не любил предмет «научный коммунизм», и пояснил: «Если в названии науки есть слово научный, значит что-то здесь не в порядке. Как государство. Если в названии есть слово „независимое“, то это точно марионетка». К окончанию школы у него были представления о психологии и социологии, но его более интересовало то, что происходит в обществе, а не в голове отдельного индивида. Однако факультетов социологии тогда ещё не было.

Ниже будет сказано, что утверждение «Советская социология начинается с буквы „Я“» было отчеканено профессором психологии Евгением Сергеевичем Кузьминым; Николай учился на кафедре социальной психологии, которую создал и возглавлял Кузьмин. И мне кажется, что в характеристике, которую Николай дал своему профессору, присутствует отношение Ядова-старшего и к Кузьмину, и к фронтовикам: «О нём есть разные мнения, но мне он всегда нравился тем, что оставался фронтовым офицером. Он мог нас разносить по швам, но если образовывался конфликт с другой кафедрой, факультетом или вообще с кем-то „не нашим“, то для Кузьмина „наши“ всегда были правы, независимо от сути дела. Он всегда знал, на какой он стороне. Это довольно необычное качество для интеллигенции...» [Ядов Н., 2009: 2]. Замечу, Е. С. Кузьмин и мне помог в трудный момент жизни.

В студенческие годы Николая молодёжь увлекалась Окуджавой, Галичем, Кимом, Высоцким, читала «самиздат» и, мне было интересно узнать, был ли он

включён в эту культуру. Вот его ответ: «Окуджава, Ким и Высоцкий определённо. Галич, по-моему, был вообще запрещён, но любимой песней отца была „Ошибка“ („Мы похоронены где-то под Нарвой...“). Что касается самиздата, то мне он особенно не попадался. Я читал запрещённые вещи Стругацких („Улитка на склоне“, „Сказка о Тройке“). А ещё отец как-то привёз из-за какой-то границы „1984“ Оруэлла на английском. Помню, на меня книжка произвела сильное впечатление. Вторая книга с таким же эффектом — о культуре нацистской Германии, совершенно открытая и советская. Сходство с тем, что я видел вокруг, было поразительным».

Курсовые и дипломные исследования разрабатывались Николаем в рамках теории диспозиций, так что здесь было прямое влияние отца. Николай вспоминает, что он выбирал эту тематику, так как она постоянно обсуждалась дома; в то время диспозиционная теория формировалась. И ещё он отмечает: «Есть такое высказывание: „Все психологические теории личности среднего уровня описывают личность автора“. В этом есть доля правды. И у папы, и у меня установочные модели поведения очень выражены. Так что мне это было близко и субъективно принималось».

После окончания университета Николай несколько лет работал в одной из крупнейших в Ленинграде заводской социологической лаборатории известного Кировского завода. В 1989 году, не уходя в аспирантуру, он защитил кандидатскую диссертацию по тематике, разработка которой восходит к «Человеку и его работе». Цель его лонгитюдного социально-психологического исследования заключалась в выявлении того, каким образом перестраивается диспозиционная иерархия личности в непривычных условиях производственной адаптации. Основным вывод был простым и несколько неожиданным. Человек или находит способ реализовать свои привычные модели поведения в новых условиях, меняя скорее сами эти условия, чем себя, или уходит с данного места работы. Процесс адаптации может сопровождаться довольно сильными колебаниями структуры диспозиций, но в завершение процесса иерархия восстанавливается почти в первоначальном виде. Другими словами, «не надо прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас».

С 1994 года Николай возглавляет созданную им российско-финскую маркетинговую кампанию «Той-Опинион».

А вот этот фрагмент интервью, который я, по понятным причинам, процитирую полностью:

Скоро Владимиру Александровичу — 80 лет, уверен, что многие хотели бы высказать ему своё глубочайшее уважение и благодарность за сделанное им для развития российской социологии и за помощь, оказанную Ядовым в разные годы. Выше мы немного говорили о диспозиционной теории личности, не мог бы ты в опоре на неё дать портрет Владимира Александровича?

Очень просто. Я, кажется, уже говорил, что каждый психолог пишет портрет своей личности. Как известно, диспозиции (когниции, верования и проч.) стремятся к некой непротиворечивости. Не обязательно формально-логической, но психологической. Расслоение диспозиций было выявлено Ла-Пьером в эксперименте, когда он заказывал по телефону места в отелях для себя и двух его студентов-китайцев. В случае, когда хозяин отеля руководствовался своими мерзкими ра-

систскими ценностями, он отказывал. А когда Ла-Пьер появлялся перед хозяином живую, без предварительного заказа, он, как правило, получал нормальное обслуживание. Работала ситуативная установка на клиента.

В. А. Ядов точно не отказал бы китайцам ни по телефону, ни лично. В быту это, наверное, называется, цельностью личности. Причём для отца, как я понимаю, эта цельность является сама по себе ценностью. Если обстановка принуждает к какому-то виду двоемыслия или, извините, двоедействия, тем хуже для обстановки [Ядов Н., 2009: 15—16].

Мне не надо писать здесь что-либо обобщающее, процитирую вновь слова В. А. Ядова: «Безмерно счастлив с Люкой, со школьных лет моей любимой подругой на всю жизнь: горжусь Колей, своим сыном, человеком чести; двумя внучками, внуком и двумя правнуками».

Коллеги-друзья

Здесь собрано несколько текстов, в которых Владимир Александрович Ядов говорит о друзьях-коллегах, людях, с которыми он дружил многие годы.

Начну с воспоминаний об Андрее Григорьевиче Здравомыслове, с которым Ядов был знаком со студенческих пор, создал первую в стране социологическую лабораторию и совместно с которым провёл пионерное социологическое исследование, ставшее основой классической для нашей науки книги «Человек и его работа».

Первое письмо Ядова было получено 14 февраля 2013 года; это — его реакция на присланный ему первый вариант моей статьи, написанной по случаю приближавшегося 85-летия со дня рождения Здравомыслова. С некоторыми сокращениями это письмо было опубликовано в качестве приложения к моей статье [Докторов, 2013а]; здесь приводится его полный текст. Последнее предложение Ядова — это дополнительный аргумент в пользу публикации полного текста.

Текст об Андрее хорош тем, что высвечивает его индивидуальность. Я бы добавил (не для публикации!), что Андрей предпочитал персональные публикации, коллективных сочинений старался избегать (кто-то пустил выражение о них — «братская могила»). Я же опять по контрасту люблю коллективные публикации, т. к. в такой общей работе непременно рождаются подчас полезные идейки. Вот сейчас мы в нашем отделе путём переписки разрабатываем программу проекта о гражданских инициативах. Думаю, что эффективность вдвое-втрое выше индивидуального творчества. То же можно сказать о Борисе Грушине (у него — «Сорок семь пятниц», у меня — книга «Мы — Они», «Мастер класс Ядова»).

В твой текст могу добавить несколько фраз.

Андрей прекрасно совмещал основательную начитанность с тем, что сегодня принято называть креативом, т. е. творческой жилкой. Именно он при разработке программы исследования мотивации труда молодых рабочих нашёл выход, как обойти догмат о «социальном содержании» труда, что противопоставляло подневольный труд при капитализме и труд как самоценную деятельность в коммунистическом обществе. Мы не могли непосредственно это исследовать без сравнения данных по Питеру и, скажем, Манчестеру. И Андрей предложил концепт «социально-технологическое содержание труда» от требующего большой

умственной нагрузки до бездумного «человек-машина» на конвейере. Это спасло проект. Он же придумал индекс «логический квадрат», что по сути представляло совмещение в одном показателе ответов на три разных вопроса об отношении к своей работе. К сожалению, случаев сотворчества с Андреем у меня больше не было. Мы в последние годы обсуждали с ним проблему национальных особенностей социологического теоретизирования и существенно расходились в содержательных характеристиках этих особенностей, каковые де факто признавал и я. Несмотря на разногласия, я пригласил Андрея прочитать пару лекций нашим студентам. Была живая дискуссия, что опять же в пользу продуктивности синергетического эффекта.

Я так пространно пишу потому, что ты определённо это используешь когда-нибудь в своих публикациях. Сейчас, освободившись от работы над книгой, хочу написать в твой архив кое-что из саморефлексии по поводу так сказать творческого процесса. Посмотрю в интернете литературу о психологии творчества и сочиню для твоего архива.

Второе письмо было приложением к краткому электронному сообщению Ядова (7 июля, 2009 г.): «Тебе в архив. Час назад умер Андрей Здравомыслов». Скорее всего этот краткий некролог был тогда опубликован, но мне это не известно.

В. Ядов

Прощай, Андрей.

С Андреем Здравомысловым меня связывает шестидесятилетняя дружба, вначале студентами, а позже товарищами по социологической лаборатории ЛГУ и соавторами. Последняя наша книга — второе (без купюр) издание «Человек и его работа» с дополнением «...в СССР и после» [Здравомыслов, Ядов, 2003]. Каждый комментировал раздел, в котором лидировал при подготовке первого издания. Надо сказать, что нам легко было соавторствовать, прекрасно понимали друг друга, равно владели и данными и аппаратом анализа. Было время, когда я уступал ему в английском (именно Андрей перевёл учебник Гуда и Хатта, на котором мы осваивали азы эмпирического исследования), но после стажировки в Англии мы сравнялись в English. На Международном конгрессе МСА в Эвиане мы первыми из советских были приняты в Исследовательский комитет по социологии труда и поочередно избирались в состав его руководства. В начале 90-х оба мы начали интенсивно осваивать работы классиков и современных теоретиков социологии. Андрей стал членом ИК МСА по теории и истории социологии. В последние годы он полностью ушёл в исторические изыскания, опубликовал солидные тексты, в которых стремился показать, каковы культурные особенности социологии в странах Европы и в России. Буквально на прошлой неделе я обращался к нему за справкой по этим сюжетам.

Мы — разные по темпераменту, он скорее интроверт, я — определённо экстраверт. Моего друга отличала чрезвычайная скрупулезность в обращении с источниками, историческими фактами, чем сам похвастаться не могу. Тексты, что я ему посылал (равно как он мне свои), обычно пестрели пометками касательно имён, дат... Ни он, ни я не настаивали на собственной интерпретации чего бы то ни было, излагали своё мнение.

Уходит наша возрастная когорта. Прощай, Андрей.

В течение нескольких лет, отделявших моё второе интервью с Ядовым от первого, умерло несколько социологов, близких ему по пониманию их общего дела и по гражданской позиции. Таким образом, в нашей второй беседе был более чем оправдан следующий вопрос: «В последние годы ушло несколько человек, дорогих нам не только как профессионалы, но и как личности. Давай поговорим о них, это тема — трудная, но нам надо и с ней справиться...». Приведу полный ответ на него [Ядов, 2014: 4—5]:

Ты задал непростую задачку, сказать о наших товарищах что-то ранее не сказанное. Мне представляется, что стоит поговорить о стиле их работы: «человек — это стиль». Википедия приписывает фразу французскому натуралисту 18 века Бюффону, который, правда, сказал несколько иначе — «стиль — это человек». Хочу напомнить, что советский психолог Вольф Соломонович Мерлин целенаправленно исследовал проблему индивидуального стиля деятельности и пришёл к выводу, что разные люди способны решать поставленные им задачи разными индивидуальными «манерами».

Игорь Кон, например, прежде, чем приступить к работе над некоторой проблемой, затрачивал уйму времени на поиски литературы, исчерпывающей предмет к данному времени. Я уже говорил, что проект «Ценностные ориентации» мы начали с переходом всей командой в ленинградский отдел ИКСИ, которым руководил Игорь. Долгое время мы не могли сколь-нибудь продвинуться в разработке программы по той причине, что Игорь, выслушав каждого, неизменно заключал: об этом писал такой, а проблема, о которой говорил (обращается к «неучу») хорошо известна. И называет источники. Игорь сам предложил мне взять на себя руководство, продолжая приходить на рабочие обсуждения программы. Я пытался, как считал, в меру дозировать знакомство с литературой, отсекая всё пограничное, и мы начали продвигаться.

В общем скажу, что стиль работы Игоря Кона — это стиль учёного книжника, притом работающего в одиночку, о чём он рассказывает в своих мемуарах.

Стиль Бориса Грушина — прямо противоположный. Борис предпочитал командную работу, поскольку это были массовые обследования и программу проекта сочиняли коллективно. Подобный стиль деятельности идеально отвечал его характеру и темпераменту крайнего экстраверта, в отличие от явного интроверта Кона. Игорь, к слову сказать, начиная говорить, не был способен прерваться, а Борис немедля подавал реплику, а затем продолжал своё. Замечу, что мы с ним в смысле стиля очень похожи.

Стиль деятельности Юрия Левады, я бы сказал, — нечто среднее между двумя описанными. Он был книжник, но не «книжный червь», как Игорь Кон. И вместе с тем он являлся великолепным лидером в коллективной работе. Не говорю о ВЦИОМе, в самые мрачные годы Левада вёл свои знаменитые семинары, участвовать в которых стремились и зарубежные коллеги. Интересно, что по характеру Юрий был интровертом, что сказывалось и на его отношении к другим исследователям. Одних он полагал интересными для себя и был готов часами обсуждать интересующую его или собеседника проблему, быстро вникал в неё и мобилизовал свои знания по предмету. Неинтересных для себя он сторонился, экономил время ради дела, которым был занят в данное время.

Володю Шубкина книгочеем литературы по предмету я бы не назвал. Но он запоем читал беллетристику и стихи. Любил театр, в любимовском «Современнике» был своим человеком и, кажется, входил в художественный совет непослушного театра. Он, как известно, публиковался в «Литгазете» и являлся членом Союза писателей. В Шубкинском стиле отличительной чертой было товарищество; не случайно он предпринял мини-исследование в своём отделе в Академгородке и составил социо-матрицу тесноты взаимосвязей в группе. Матрица удостоверяла сплочённость их коллектива, никого не обидела. Володя, как и Грушин, отличался методологическим, я бы сказал, изобретательством. Если Грушин придумал выборку опрашиваемых пассажиров поезда дальнего следования (люди из разных регионов страны), то Шубкин нашёл простейший и «невинный» способ выявить, в какой мере в стране социализма наличествует социальное расслоение: опрос выпускников школ и данные о продолжении образования. Этот проект стал классикой нашей социологии, продолжается его учениками до сего времени. Шубкин первым инициировал исследования качественными методами, которые в то время в мировой социологической практике модными вовсе не были. Он утверждал, что личность статистически исчислить нельзя. Кстати о социометрии Морено Володя тоже не знал, сам изобрёл методику. Писал он легко и быстро великолепным и доступным непрофессионалам стилем. Был, как мы говорим сегодня, подлинно публичным социологом. Впрочем, здесь он не отличался от Кона, Грушина и Левады.

На стиль деятельности Андрея Здравомыслова наложило отпечаток его тяжёлое ранение, полученное в блокадном Ленинграде; он долгие годы провёл в больницах, там закончил школу и поступил в Ленинградский университет, и всю жизнь сильно сутулился. Уверен, что по этой причине Андрей инстинктивно подчёркивал, и вполне заслуженно, своё первенство и, выступая, обычно вставлял фразу «как я писал». Он предпочитал публиковаться самостоятельно, коллективные публикации противились его натуре. Андрей основательно «перелопачивал» литературу по предмету, в отличие, например, от того же Грушина (и меня), и был склонен к историко-социологическим сюжетам.

В то время была жива и продолжала работать Татьяна Ивановна Заславская, поэтому, я специально попросил Ядова рассказать о её стиле работы, ибо она несомненно принадлежала к самому близкому кругу друзей Владимира Александровича [Ядов, 2014: 5—6]:

Татьяна — мужественная труженица на поприще науки. Она отличается от всех нас не свойственным другим «благородным происхождением», она — из профессорской семьи с глубоко ми научными и культурными традициями. Она с юности вела дневник и бережно хранит переписку с членами их дружной семьи. Татьяна никогда не позволяет себе воспользоваться «рыбой» в отзыве на диссертации, внимательно вчитывается в многостраничный текст диссертаций, не авторефератов, как многие это делают. Столь же тщательно правит она собственные сочинения — привычка экономиста перепроверять расчёты. Работает и сейчас очень много, не смотря на не лучшее самочувствие. Работоголик, как и другие из нашей компании, она предпочитает строго академический стиль изложения. В коллективной работе — строгий руководитель, очень требовательна. Круг её

друзей, как правило, остаётся постоянным, новые знакомства дальше приятельских не заходят⁷.

Наступило лето 2013 года, мы прервали нашу беседу, но осенью — вернулись к ней. Одним из первых был вопрос: «Володя, у нас был летний перерыв в интервью, спасибо, что согласился на продолжение беседы. Выше я задавал тебе вопрос о стиле работы Татьяны Ивановны Заславской... но недавно её не стало, ещё не прошло и 40 дней после её смерти. Вы долгие годы дружили, ею многое сделано для развития социологии в СССР/России. Что бы ты сказал о Заславской как об учёном и личности?» Александровича [Ядов, 2014: 11—12]:

Думаю, что Татьяну Ивановну отличало обострённое, мучительно даже, восприятие социальной несправедливости. Это находило своё проявление и в тематике её исследований как социального экономиста, и в гражданской позиции. Почему она инициировала экономсоциологию? Да по той причине, что следовало понять, как экономические процессы воздействуют на повседневную жизнь людей и структурные изменения в обществе с тем, чтобы ослабить многообразные детерминанты социальной несправедливости. Не экономика сельского хозяйства, но условия жизни людей в деревнях были в фокусе исследований школы Заславской. «Новосибирский манифест» утверждал необходимость перестройки системы государственного управления экономикой, отказа от администрирования сверху донизу и «перехода к экономическим методам регулирования производства» [Заславская Т. И. «Новосибирский манифест». 1983 г.].

Сам термин «перестройка» впервые прозвучал в этом историческом докладе Заславской и Аганбегяна. Прорабы перестройки, подготовили к апрельскому пленуму ЦК КПСС 1988 г. публицистический сборник под редакцией Ю. Афанасьева «Иного не дано», который начинался статьей Заславской «О стратегии социального управления перестройкой». Увы, «дано» было совсем не то, к чему стремились романтики шестидесятники. И Татьяна Ивановна вместе с Теодором Шаниным инициировала ежегодные международные конференции «Куда идёт Россия?». 20 томов материалов этих конференций обществоведов — глубокий анализ процессов «постперестройки». Ведущие Россию, однако, преследуют свои интересы, лишь спорадически перед очередными выборами бросая подачки гражданам страны.

Татьяна радикально перестроила деятельность ССА, президентом которой была избрана в 1991 г. Ассоциация заявила себя как независимая гражданская структура. Президиум ССА во главе с Т. Заславской выступил против кровавого разгона демонстрантов в Тбилиси 9 апреля 1989 г. и Вильнюсе (май того же года), создал рабочую группу из армянских и азербайджанских социологов для поддержания диалога в период нагорно-карабахского конфликта (1987—88 гг). Именно от ССА она была избрана на первый Съезд Народных депутатов и стала деятельным членом непослушной Межрегиональной депутатской группы, противостоящей «агрессивно послушному большинству».

Общеизвестна её роль в создании ВЦИОМ вместе с Грушиным и Левадой. Трудно перечислить заслуги Татьяны Ивановны как учёного и гражданина. Ко всему прочему Татьяна фантастически скрупулезно вычитывала тексты коллег, испе-

⁷ БД: Это было написано В. А. Ядовым за несколько недель до смерти Т. И. Заславской.

щряя их замечаниями и советами. Была предельно внимательна к собеседнику, вживалась в его заботы. Общаться с нею было удовольствием, а дружить — истинной жизненной наградой.

Здесь отражено отношение Ядова к своим коллегам-друзьям, с которыми им было многое пережито, переговорено. Выше отмечалось, что я осознанно не привожу воспоминаний давних друзей Ядова о нём самом, однако процитирую четыре начальные строки из стихотворного поздравления Ядова с его 75-летием, написанного А. Г. Здравомысловым:

Было время, было время
Всё понять и всё измерить.
Вникнуть разумом в пространство
Изменить несчастный мир [Здравомыслов, 2009: 141].

В полной мере сказанное здесь, по-видимому, было понятно лишь Здравомыслову и Ядову, но, можно допустить, что речь шла о давних дискуссиях и спорах относительно роли социологии, о способности, возможности этой науки познать, изменить и улучшить советскую модель общества. И хочу обратить внимание на то что, этот стих — знаковый для многих социологов первого поколения. Он навеян духом «песенки» Булата Окуджавы «Девочка плачет, шарик улетел», которую Ядов очень любил и в своё время познакомил с ней Здравомыслова. Замечу, здесь мы снова, говоря о Ядове и его друзьях, обращаемся к примерам творчества Окуджавы...

Содержание и интенция приводимого ниже послания Ядова Геннадию Васильевичу Осипову по поводу его 80-летия будут понятнее, если я предположу ему рассказ о моём поздравлении Владимира Александровича с его 80-летием. Это была заметка «Правофланговый, или советская социология начинается с буквы „Я“» — моя первая попытка рассказать биографию Ядова и сформулировать моё отношение к прожитому и сделанному им. Вывод был такой: «Ядов — не только учёный и гражданин. Наряду с этим существует Ядов как феномен профессионального общения. Он всегда в ожидании нового, в настрое на узнавание, и одновременно он всегда щедр на советы и консультации тем, кого он давно знает, и кто пришёл к нему впервые. У него самоуважение много сделавшего свободного человека. Ему уникальным образом удаётся совместить глубочайшее погружение в проблемные области науки с откликом на текущие события жизни. Ядов — интеллектual, но в нём есть нечто от земных платоновских героев, понимающих мир нутром. С таким талантом можно лишь родиться. Но одновременно этот природный дар дополнен традициями шестидесятничества и глубоко пропитан духом петербургско-ленинградской культуры» [Докторов, 2009].

Но ещё важнее начало той статьи, в нём объясняется происхождение получившего сегодня известность утверждения «Советская социология начинается с буквы „Я“». Это было весной 1968 года, и отчеканил его при мне известный ленинградский психолог Евгений Сергеевич Кузьмин (1923—1993). Тогда я понял только то, что буква «Я» — не местоимение, и несколько позже осознал, что сказанное Кузьминым относилось к Владимиру Александровичу Ядову. И по тому, как это

было произнесено, я теперь могу утверждать, что то была не спонтанно родившаяся фраза, а итог рассуждений учёного, знавшего логику и процесс развития в СССР социальной психологии — смежной с социологией науки и Ядова — с его студенческих пор.

И всё же удивительно, что Кузьмин смог столь ёмко и точно определить место и роль Ядова в постхрущевской российской социологии. Тогда Ядову не было и сорока лет и невозможно было сказать, что будет им сделано в следующие годы. Вывод один: как учёный, изучавший механизмы зарождения науки, Кузьмин понимал, что сделанное Ядовым на тот момент — фундаментально, навсегда; как социальный психолог он мог оценить редкостный тип личности Ядова, увидеть его харизму и обнаружить в нём уникального лидера; наконец, как человек цельный, переживший раскулачивание и в 18 лет ставший на фронте инвалидом, он распознал сильный гражданский потенциал Ядова.

Приводимый текст Ядова озаглавлен: «Моему другу, с которым мы часто не сходимся во взглядах»; 9 мая 2009 года по просьбе Владимира Александровича мне переслал его Владимир Эммануилович Шляпентох. Привожу текст полностью, поскольку это не только поздравление Геннадия Васильевича Осипова, но редкий для Ядова историко-социологический текст, его взгляд на становление советской социологии.

Чередой пошли юбилеи социологов, благодаря усилиям которых эта область социального знания была признана достойной быть в ряду марксистских общественных наук. Тот период, конец 50-х и начало 60-х, вполне можно назвать временем начала социологического движения. Все черты социального движения здесь присутствуют: конфликт с «системой» (в нашем случае системой общественнознания во главе с диалектическим и историческим материализмом), формирование неформальных сетей со своими лидерами в Москве, Ленинграде, Свердловске, в новосибирском Академгородке, в Тарту и др. центрах, формирование некоторого общего представления о социологии и в чём её польза для общества и государства, персонификация «врагов» (в основном из числа высокопоставленных философов и «научных» коммунистов) Наконец, объединение разрозненных сообществ социологов в некую профессиональную организацию (ССА), а дальше — полная легитимация в системе научных учреждений, образования и разного рода служб на предприятиях, в отраслях и даже в одном из министерств — Министерстве труда.

Движение за социологию сплотило нас как сотоварищей-единомышленников. А позже и особенно в период горбачёвской перестройки раскололо надвое по причине РАЗНОВидения будущего России и отношения к дооктябрьскому прошлому, да и к советскому. Все знают знаменитую фразу, приписываемую не то Сократу, не то Аристотелю: «Платон мне друг, но истина дороже». Обычно мы акцентируем насчёт истины, а первую часть формулы — пропускаем мимо ушей.

Геннадий Осипов был и остаётся для меня другом, хотя мы основательно расходимся в представлениях о современной, российской в особенности, социологии и по-разному оцениваем многие социальные проблемы. Был случай, когда я публично обвинил Геннадия в том, что он сочинил манифест национал-социализма. Геннадий обратился в суд, требуя извинений за оскорбление че-

сти и достоинства. По ходу так сказать процесса (продолжительные посиделки с судьей, протоколистом — секретарем суда и адвокатами сторон) мы созвонились и договорились прекратить это разбирательство. Геннадий отозвал свой иск, но честно опубликовал и свою тогдашнюю статью и мою обвинительную. Это, я полагаю, и есть эмпирическое свидетельство справедливости древнегреческой формулы о дружбе и истине. На истину ни Сократ, ни Платон, ни уж тем более мы с Осиповым претендовать не имеем права. Но излагать свои концепции и свои представления о сущем — почему нет?

Возвращаясь к «истокам». Геннадий, и только он, смог «пробить» создание социологического подразделения в институте философии АН СССР, где были такие «сильноресурсные» (в терминологии Бурдые), как, скажем, академик Митин и жуткая баба — профессорша Морджинская. Эта последняя отслеживала мельчайшие «немарксизмы», тут же докладывала кому следует и первой бросалась выступать на учёных советах и прочих заседаниях. В таком вот «социальном контексте» Г. В. инициировал проекты «Рабочий класс и технический прогресс», где было показано, что технический прогресс для рабочих может оборачиваться не лучшей своей стороной. Он придумал проект «Копанка» — исследование молдавского поселения, 25 лет тому назад бывшего в составе королевской и буржуазной Румынии. Хотя пафос проекта состоял в эмпирическом доказательстве преимуществ социализма, исследователи честно приводили статистики, каждый мог сам оценить, что в этой Копанке сегодня происходит.

Говорить о роли Геннадия Осипова в дальнейшем САМОутверждении и признании властями социологии как нормальной научной дисциплины нет надобности. Об этом уже немало сказано и написано.

Сегодня некоторые вспоминают слова моего коллеги психолога Евгения Кузьмина, который сказал, что советская социология начинается с буквы «Я». Это, заверяю всех, необъективно, неправильно и несправедливо. Советская социология начинается с Оя. Я залез в Википедию и узнал, что Оя — река в Красноярском крае, в российской глубинке. Бывают же чудесные ассоциации. Оба мы, Геннадий, из какой-то неведомой сибирской речки пробивали ей русло аж до столицы СССР, рыли канал не под ружьём топтуна, но совершенно добровольно.

Друг мой, я с тобой принципиально не согласен во многом, как и ты со мной не согласен. Табачок врозь, но дружба — это святое не только у древних греков, но и у наших отцов, что пережидали в окопах время для атаки.

Геннадий, прими мои искренние пожелания по случаю 80-летия. Может, покурим каждый свою махорку и рванём, старики, впереди мальчишек к справедливому устройству НАШЕГО общества?

Посмотрел и я справочник, оказалось, что река Оя — немалая, её протяженность 254 км. В моём понимании, важнейшая фраза поздравления Осипова: «Оба мы, Геннадий, из какой-то неведомой сибирской речки пробивали ей русло аж до столицы СССР, рыли канал не под ружьём топтуна, но совершенно добровольно», и в ней ключевое слово — «оба». По сути, Владимир Александрович говорит здесь о том, что становление советской социологии следует рассматривать в качестве результирующей двух составляющих. Одна — это то, что стоит за буквой «Я»: собственно развитие методологии и теоретико-эмпирических ме-

тодов советской социологии как самостоятельной науки. Вторая составляющая, обозначенная литерой «О», это — пусть далеко не полное, не последовательное, но признание социологии и социологических исследований властями: создание академического института, организация Советской социологической ассоциации, обладавшей правами на издание социологической литературы, участие советских социологов в международных форумах — в этом прежде всего заслуга Осипова. По воспоминаниям В. В. Колбановского, Ядов в начале нынешнего века сказал: «В нашей среде нашёлся человек, который умел говорить с НИМИ на ИХ языке» [Колбановский, 2009: 285]. Этот человек — Осипов, ОНИ — это руководство отделов науки и пропаганды ЦК КПСС и чиновники АН СССР. Ядов точно подобной роли сыграть не мог, прислушаемся к словам одного из его лучших друзей — И. С. Кона: «По своему характеру Ядов — бесспорный лидер, особенно в том, что касается формулирования и разработки новых идей (организационных и дипломатических талантов я за ним никогда не замечал) [Кон, 2009: 116].

Теперь представим диаграмму, на которой изображён небольшой кружок, размещённый в центре большой окружности, на ней разложены такие же небольшие кружки. В центральный кружок впишем «Ядов», а в кружки, расположенные на окружности, — фамилии всех российских и зарубежных социологов, названных в книге. Это и будет схематическое представление ядра коммуникационного мира Ядова. Если мы постараемся кратко описать «миры» этих людей, характер соприкосновения и взаимопроникновения всех этих «миров», то построенное семантическое пространство станет простейшим описанием рождения и развития послевоенной советской социологии и её трансформации в постсоветскую. Усложняя эту модель, мы можем переходить ко всё более полному, адекватному представлению о коммуникационном мире Ядова, а значит — о «Мире Владимира Ядова» в целом.

Заключение

Пора понять и сказать, что всем нам повезло быть современниками, коллегами, учениками человека, осознавшего своё предназначение и нашедшего своё счастье в том, что он смог полностью исполнить его. Очень многие из нас общались — лично или через его книги — с человеком из другого мира, наделённого уникальным социальным чутьём и понимаем. И даром делиться своими знаниями.

По моему мнению, Владимир Александрович Ядов — это учёный и личность такого масштаба, что при изучении его биографии и творческого наследия в высшей степени уместно, даже необходимо обращаться к истории науки и опираться на принципы анализа процессов и результатов деятельности учёных, писателей и художников, оказавших выдающееся влияние на развитие науки, искусства, общества в целом. Совокупность многих личностных и макросоциальных обстоятельств определили особую роль таких людей в создании научной и художественной картины мира. Внешне это иногда выглядит так, что какая-то высшая сила поручила им сообщить всем остальным нечто жизненно важное, научить чему-то крайне необходимому.

Мне приходилось уже писать о причинах слабости, робости наших историко-биографических исследований, касающихся, в частности, современной российской социологии. Их много, но отмечу, на мой взгляд, главную. Мы не считаем, что уже имеем право на свою историю. Мы все вместе её сделали и делаем, мы её выстрадали и должны изучать её. Однако мы заиклены на теории и методах познания социального мира, на предметно-объектных аспектах изучаемых феноменов и процессов. И не отдаём себе отчёт в том, что главное в науке — это исследователь.

На наших глазах, в течение нескольких последних лет ушла значительная часть людей, стоявших у истоков современной российской социологии. Мы как научное сообщество — осиротели. Неужели и уход Ядова не заставит нас задуматься о том, что изучение нашего прошлого — неотложная задача, стоящая перед всеми нами? Или мы добровольно отказываемся от него?

Настоящий текст — это попытка обозначить самые общие «точки» биографии Ядова, разработка которой потребует многих лет и значительных усилий. Не только собственно интеллектуальных, необходимо также осознание многих нравственных проблем. Ведь создание портрета Ядова подразумевает осуществление многоаспектного и многослойного анализа более чем полувекового развития советской и постсоветской социологии, а также изучения и оценки деятельности многих и многих наших коллег.

Поколение первых советских социологов было сформировано войной и «оттепелью»; им предстояло создать российскую социологию с «нуля». Назову лишь тех из них, с кем Ядова связывали многолетние дружеские связи, кого он характеризовал добрыми словами в интервью и о ком писал в письмах. Частично это отражено выше: Галина Андреева и Борис Грушин, Татьяна Заславская и Андрей

Здравомыслов, Игорь Кон и Николай Лапин, Юрий Левада и Геннадий Осипов, Анатолий Харчев и Овсей Шкаратан, Владимир Шубкин и ещё немногие.

Ядов — один из них, и его наследие должно рассматриваться в контексте сделанного всеми, более того, и представителями следующих профессионально-возрастных когорт. Но сейчас я хотел бы наметить без аргументации и взаимоувязки лишь то, что отличает биографию Ядова от прожитого другими и что, мне кажется, лежит в основании уже получившего распространение в нашей историографии понятия «Феномен Ядова».

Из всех первопроходцев только Ядов имеет прямое отношение сразу к трём элементам фундамента нашей социологии: основополагающая «Человек и его работа», вечная книга по методологии социологического исследования и для многих до сих пор трудная и потому плохо понимаемая диспозиционная теория личности. Более того, сделанное им в плане акцентирования полипарадигмальности современной теоретической социологии во многом обеспечило «бескровный» переход от советского к постсоветскому периоду отечественной социологии. Возможно, тем самым ему удалось решить уникальную задачу науковедения и организации науки.

Ядов — единственный среди социологов своего поколения, кто во время войны ушёл из школы и поступил в военное училище. Хотел стать летчиком. Не прошёл по здоровью, не согласился учиться на техника по обслуживанию самолётов, ибо хотел участвовать в боях, и через год вернулся в школу. Выше были приведено его письмо, которое начиналось словами: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь» и оканчивалось: «Что не успел сделать? Всё, к чему лежала душа, исполнил. Долгов не оставляю. О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт».

Жизнь испытывала Ядова и одновременно обогащала его социальный опыт. Не распорядилась бы жизнь с ним так жёстко, не отправила бы его — отличника и комсомольского активиста — на завод, не овладел бы он рабочей профессией, то, скорее всего — не было бы «Человека и его работы».

Ядов — руководитель первой в СССР социологической лаборатории. Он один из первых советских социологов, учившихся за рубежом, в Англии; там он узнал многое о современных методах социологии и углубил свои знания в области психологии. Потом всё это нашло отражение в его книге «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы» и в диспозиционной теории личности.

Выше было сказано, что как-то Рой Медведев, друг семьи Ядова ещё со студенческих времён, привёл к ним мужчину и попросил приютить его ненадолго. Практически не покидая дома, мужчина всё время что-то писал на машинке. Позже Ядов узнал, что это был Александр Солженицын. Но подобно Борису Грушину, Ядов не участвовал в диссидентских начинаниях и мог сказать о себе: «Я не участвую в чужих войнах, веду свои». Тем не менее, в начале 1980-х Ядов оказался в Ленинграде опальным и на несколько лет был вынужден отойти от активной работы в социологии. Однако, когда началась перестройка, в Москве не нашлось человека, которому руководство Академии наук и ЦК КПСС могло бы доверить преобразование Института конкретных социальных исследований в Институт социологии.

В большом разговоре о «Школе Ядова» Виктория Семёнова рассказала, как в один из дней работы Всероссийского социологического Конгресса в Уфе (2012 год) посередине большого холла, заполненного приехавшими на конференцию и неорганизованно общавшимися между собой учёными, вдруг поставили стул или табуретку, на которую сел Владимир Александрович. И сразу вокруг него зароились все собравшиеся. Всё «броуновское движение» в холле вдруг организовалось вокруг этой центральной табуретки.

Такова была харизма Ядова, магия его личности. Я уверен, для многих, кто впервые его видел «вблизи», возможно обменялся парой фраз, это — событие на всю оставшуюся жизнь, тема для многолетних рассказов студентам и коллегам.

Судьба хранила Ядова от того, чтобы не сорваться с балкона, не погибнуть на настоящей, войне, не сломаться после исключения из партии и фактически надолго или навсегда потерять право заниматься наукой, не получить непоправимых травм на чужих войнах, не «обидеться» на систему за изгнание из ленинградской социологии. Она дала ему долгую и, как он сам сказал, счастливую жизнь. Временем, обстоятельствами на него была возложена особая миссия — создание российской социологии. И он её выполнил, хотя никогда не заявлял об этом. Всегда был настроен на познание нового и всегда был открыт людям.

В качестве эпиграфа книги взяты слова любимой Владимиром Александровичем трагической песни Галича «Ошибка». Завершить книгу хочется четверостишием из также любимого Ядовым «Сентиментального марша» Окуджавы:

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет,
Когда трубу к губам приблизит и острый локоть отведёт.
Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
А для меня — твои тревоги и добрый мир твоих забот.

Список литературы

Андреева Г. М. Ядов как ЯВЛЕНИЕ // В кн.: [Vivat 2009].

Баранов А. В. «А всё-таки она вертится» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. 2008. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Baranov.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

Баранова Т. С. «Юрьев день» // в кн.: [Vivat 2009].

Батыгин Г. С. Ему легко быть самим собой // в кн.: [Vivat 2009].

Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008.

Вооглайд Ю. Ядов — Учитель // в кн.: [Vivat 2009].

Горшков М. К. К читателю // в кн.: [Vivat 2009].

Готлиб А. «Моя потребность рассказать „свою историю“ счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. 2012. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/gotlib.pdf> (дата обращения: 23.01.2016).

Ельмеев В. Я. «Я был и остался сторонником материализма в социологии» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. 2007. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Elmееv.pdf> (дата обращения: 21.03.2016).

Демидов А. М. «В 1991 году GFK-РУСЬ состояла из трёх человек, а сейчас нас — 380» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. URL: <http://socioprognoz.ru.1gb.ru/files/File/2014/demidov.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп : Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2—13.

Докторов Б. «Работа над биографиями — это общение с моими героями» : интервью В. А. Ядову // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40—50.

Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 40—50.

Докторов Б. Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я» [Электронный ресурс] // Полит.Ру. 2009. URL: <http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html> (дата обращения: 21.04.2016).

Докторов Б. А. Г. Здравомыслов: его деятельность и наследие ещё предстоит изучить. К 85-летию со дня рождения // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013а. № 2. С. 2—8.

Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013б.

Докторов Б. 3. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [Электронный ресурс] / Ред. — конс. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014а // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385> (дата обращения: 31.01.2016).

Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина [Электронный ресурс] // Центр социального прогнозирования и маркетинга. М. : Радуга, 2014б. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370> (дата обращения: 21.01.2016).

Докторов Б. 3. В. А. Ядов: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь» [Электронный ресурс] // Социологический журнал / UNLV Center for Democratic Culture University of Nevada Las Vegas. 2015. Том 21. № 3. С. 146—154. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/via_bd_letters_13.pdf (дата обращения: 29.01.2016).

Заславская Т. И. «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. 2007. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Zaslavskaya.pdf> (дата обращения: 21.03.2016).

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду // Опыт и методика конкретных социологических исследований / под ред. Г. Глезермана. М. : Мысль, 1965а.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности рабочего // Социология в СССР. М. : Мысль, 1965б. Т. 2.

Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М. : Мысль, 1969.

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2003.

Здравомыслов А. Г. Социология как жизненное кредо [Электронный ресурс] // Социологический журнал. 2006. № 3/4. В кн.: [Докторов 2014а]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Zdravomyslov.pdf> (дата обращения: 21.03.2016).

Здравомыслов А. Г. Заметки о времени социологического прозрения // в кн.: [Vivat 2009].

Интервью с Борисом Парыгиным (Проведено Алексеем Гориченским) [Электронный ресурс] // Очень / UNLV Center for Democratic Culture University of Nevada Las Vegas. 2005. № 4, январь. URL: <http://cdclv.unlv.edu//archives/Interviews/parygin.html> (дата обращения: 25.01.2016).

Ковалева И. Д. Человек и стратег // в кн.: [Vivat 2009].

Козлов Р. Г. Взгляд в 80-летнюю даль // в кн.: [Vivat 2009].

Колбановский В. В. О праве социологии на свободу мысли // в кн.: [Vivat 2009].

Колбановский В. В. «В настоящее время в социологии „расцветают сто цветов“» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014a]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/kolbanovskij.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

Кон И. С. Заметки о Владимире Ядове // в кн.: [Vivat 2009].

Красин Ю. А. 19-я «гвардейская». Заметки участника с комментариями, спустя полвека // КЛИО. 2010. № 2. Цит. по материалам, присланным В. А. Ядовым (Электронный архив Б. Доктора).

Медведев Р. А. К 80-летию В. А. Ядова // в кн.: [Vivat 2009].

Никулин А. Ядов и его «Наука постигать». 2015.

Попова И. М. Володя был звездой первой величины // в кн.: [Vivat 2009].

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под. ред. В. А. Ядова. Л. : Наука, 1979.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПИМ, 2013.

Семёнова В. «Мой долгий путь к профессии» [Электронный ресурс] // Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2010. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Semenova.pdf> (дата обращения: 21.03.2016).

Согомонов А. Ю. Ядов парадигмальный // в кн.: [Vivat 2009].

Социально-психологический портрет инженера: по материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / под ред. В. А. Ядова. М. : Мысль, 1977.

Столович Л. Н. «Не только я окунулся в социологию, но и социология окунулась в меня» // Социологический журнал. 2010а. № 4. С. 113—135.

Столович Л. Социологи в Кязрику // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010b. № 1(79).

Тартаковская И. Н. Презируя иерархии... // в кн.: [Vivat 2009].

Тихонов А. В. Феномен Ядова // в кн.: [Vivat 2009].

Фирсов Б. М. «...О себе и своём разномыслии...» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. 2005. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Firsov.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

Фирсов Б. М. О моём наставнике и друге // в кн.: [Vivat 2009]. 2009а.

Фирсов Б. Владимир Ядов. Сложен, но его понимает всякий // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009b. № 2. С. 5—6.

Человек и его работа (социологическое исследование) / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М. : Мысль, 1967.

Чирикова А. Е. «Мой профессиональный выбор был правильным» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. 2010. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Chirikova.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

Шляпентох В. Э. «Социолог: здесь и там» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. 2006. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Shlapentokh.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности общества : автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Л., 1959.

Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л. : изд. ЛГУ, 1961.

Ядов В. А., Беляев Э. В., Водзинская В. В. и др. Изучение бюджета времени как один из методов конкретно-социологического исследования // Вестник ЛГУ. Экономика. Философия. Право. 1961. № 23. Вып. 4.

Ядов В. А. Методологические проблемы конкретного социологического исследования (Основные принципы марксистского конкретного социологического исследования и методологический анализ эмпирического изучения мотивации труда) : автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. Л. : ЛГУ, 1967.

Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1968.

Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М. : 1972.

Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология 4М: методология, методы, математические модели. 1991. № 1. С. 14—31.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Доп. и испр. изд. Самара : Самар. ун-т, 1995.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности : учеб. для студентов вузов / в соавтор. с В. В. Семёновой. 5-е изд., доп. М. : Добросвет : ИС РАН, 1998.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности : учеб. для студентов вузов / в соавторстве с В. В. Семёновой. 5-е изд. доп. М. : Добросвет : ИС РАН, 1999.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности : учеб. для студентов вузов. / в соавторстве с В. В. Семёновой. М. : Ин-т социологии : Добросвет, 2000.

Ядов В. А. Возможность совмещения теоретических подходов // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 5—19.

Ядов В. А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014a]. 2005a. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Yadov_V.pdf (дата обращения: 21.03.2016).

Ядов В. А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» (2) [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014a]. 2005b. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Yadov_V.pdf (дата обращения: 21.03.2016).

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. Москва : Омега-Л, 2007.

Ядов В. А. Вехи истории. 1988—2000 // Социологические исследования. 2008. № 6.

Ядов В. А. К вопросу о макро-микро дилемме в социологии // Социологический журнал. 2009a. № 1. С. 145—154.

Ядов В. А. «Социология труда начала умирать, потому что появился рынок труда» // в кн.: [Vivat 2009b].

Ядов В. Как командир орудия сержант Шубкин, ныне главный научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии [Электронный ресурс] // Троицкий вариант. № 53. 11 мая 2010a. С. 10. URL: <http://trv-science.ru/2010/05/11/sociologiya-vojny/> (дата обращения: 21.01.2016).

Ядов В. Борис Парыгин [Электронный ресурс] // UNLV Center for Democratic Culture University of Nevada Las Vegas. 2010b. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/yadov_parygin_10.pdf (дата обращения: 21.01.2016).

Ядов В. А. Свидетельствую: Геннадий Батыгин был со-организатором Института социологии // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 128—130.

Ядов В. А. Л. Н. Лесохина в воспоминаниях В. А. Ядова [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014a]. 2012. URL: <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2014/luka-1.pdf> (дата обращения: 21.01.2016).

Ядов В. А. «Всё зависит от нас самих» (Интервью Б. З. Докторову) [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014a]. 2014. URL: <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2014/yadov2.pdf> (дата обращения: 23.01.2016).

Ядов В. Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015а. № 4. С. 48.

Ядов В. А. Пока живём надеемся // в кн: Открывая Грушина. / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015b. С. 43—45. Т. 4.

Ядов Н. «Хочется жить в нормальной либеральной стране» [Электронный ресурс] // в кн.: [Докторов 2014а]. 2009. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/history/Yadov_N.pdf (21.01.2016).

Good W. J., Hatt P. K. Methods in Social Research. New York : McGraw-Hill, 1952.

Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею : сборник / ред.-сост. Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева и др. М. : Институт социологии РАН, 2009.

Борис Зусманович Докторов

МИР ВЛАДИМИРА ЯДОВА

В.А. Ядов о себе и его друзья о нём

Научное издание

Редактор

Е. Н. Кофанова

Дизайн и верстка

А. О. Соляев

105064 Москва, Болотная набережная, дом 7, стр. 1.
Тел.: +7 495 748-08-07 nnsedova@wciom.com www.wciom.ru

При перепечатке материалов ссылка обязательна.

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга»

Тел.: +7 495 739-56-80

<http://www.raduga-print.ru>

<http://www.radugaprint.ru>

Подписано в печать: ??.02.2016
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 17,55.
Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура Franklin Gothic
Тираж 500 экз.